

НАСЛЕДИЕ
тысячелетий
благотворительный фонд

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»

**КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)
III**

Сборник научных статей

Симферополь
2018

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

**Рекомендовано к изданию Ученым советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
(протокол №1 от 25. 01. 2018 г.)**

Рецензенты: д. и. н. С. И. Лукьяшко, д. и. н. А. П. Медведев

Редколлегия:

М. С. Гаджиев, д.и.н. (Махачкала)
М. М. Казанский, д.и.н. (Париж, Франция)
В. Кульчар, к.и.н. (Сегед, Венгрия)
В. В. Майко, д.и.н. (Симферополь)
В. Ю. Малашев, к.и.н. (Москва)
А. М. Обломский, д.и.н. (Москва)
А. С. Скрипкин, д.и.н. (Волгоград)
А. А. Стоянова, к.и.н. (Симферополь, ответственный секретарь)
А. Д. Таиров, д.и.н. (Челябинск)
И. Н. Храпунов, д.и.н. (Симферополь, ответственный редактор)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (протокол №3 от 24.10.2016 г.)

К 852

Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III. Сб. научных статей / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. – 184 с., ил.

ISBN 978-5-9500550-6-5

В сборнике учеными из России, Венгрии и Польши публикуются и анализируются результаты новых исследований погребений сарматской эпохи.

Издание предназначено для археологов, историков, студентов и всех интересующихся прошлым Крымского полуострова.

На первой странице обложки — лунница из могильника Опушки

ISBN 978-5-9500550-6-5

© Авторы, текст, 2018
© Храпунов И. Н., сост., 2018
© Фонд «Наследие тысячелетий»,
оригинал-макет, 2018

“Heritage of Millennia” Non-Profitable Foundation
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences

**THE CRIMEA
IN THE AGE OF THE SARMATIANS
(200 BC – AD 400)
III**

Collected papers

Simferopol
2018

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

**Recommended for publication by the Scholarly Council of the Institute of
Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
(Protocol no. 1 of 25. 01. 2018)**

Reviewers: DSc S. I. Luk'yashko, DSc A. P. Medvedev

Editorial board:

M. S. Gadzhiev, DSc (Makhachkala)
M. M. Kazanski, DSc (Paris, France)
V. Kulcsár, CSc (Szeged, Hungary)
V. V. Mayko, DSc (Simferopol)
V. Yu. Malashev, CSc (Moscow)
A. M. Oblomskiy, DSc (Moscow)
A. S. Skripkin, DSc (Volgograd)
A. A. Stoyanova, CSc (Simferopol, executive secretary)
A. D. Tairov, DSc (Chelyabinsk)
I. N. Khrapunov, DSc (Simferopol, editor-in-chief)

The Editorial Board's composition is approved by the Scholarly Council of the Institute
of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
(protocol no. 3 of 24.10.2016)

К 852

The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400. III. Collected
papers / Edited by Igor' Khrapunov. Simferopol: Printed at A. A. Brovko,
2018. — 184 p., ill

ISBN 978-5-9500550-6-5

In this volume, scholars from Russia, Hungary, and Poland have published and analysed
the results of new researches of burials dated to the Age of the Sarmatians.

This book is intended for archaeologists, historians, university students, and all those
who are interested in the history of the Crimean Peninsula.

Cover photo: lunula from the cemetery of Opushki

ISBN 978-5-9500550-6-5

© The authors, 2018
© Igor' Khrapunov, the editor, 2018
© "Heritage of Millennia" Foundation, 2018

Содержание Contents

От ответственного редактора	8
<i>Editor-in-Chief's Preface</i>	
А. Кором. Сарматское женское погребение в окрестностях Дунакеси	9
<i>A. Korom. Sarmatian grave from the vicinity of Dunakeszi</i>	
Á. Buzár, Zs. Bernert. Anthropological analysis of burial 118 at Dunakeszi-Székesdűlő	37
<i>A. Бузар, Ж. Бернерт. Антропологические анализы погребения 118 в Дунакеси-Секеш-дюлё</i>	
V. Mozgai, M. Szabó, Z. May, B. Bajnóczy. Handheld X-ray fluorescence and electron microprobe analyses of gold artefacts of an early Sarmatian grave, Dunakeszi-Székes-dűlő, Hungary	42
<i>V. Мозгаи, М. Сабо, З. Май, Б. Байноци. Исследование золотых изделий из раннесарматского погребения в Дунакеси-Секеш-дюлё, Венгрия с использованием ручного рентгено-флюоресцентного спектрометра и электронного микрозонда</i>	
В. К. Гугуев. Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника	58
<i>V. K. Guguev. Two Graves with Western and Eastern Imports in the Kobiakovo Barrow Cemetery Area</i>	
А. А. Труфанов. Краснолаковые ойнохои Усть-Альминского некрополя	85
<i>A. A. Trufanov. Red-Slip Oenochoai from Ust'-Al'ma Cemetery</i>	
Д. А. Костромичев. Римское военное снаряжение из могильника Совхоз–10	103
<i>D. A. Kostromichev. Roman Military Equipment in Sovkhoz–10 Cemetery</i>	
В. Polit. Some remarks on the metal jewellery from male burials of the Late Roman period cemetery of Neyzats	121
<i>В. Полит. Несколько замечаний о металлических украшениях из мужских погребений позднеимского времени в могильнике Нейзац</i>	
И. Н. Храпунов. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки	137
<i>I. N. Khrapunov. A Burial Vault with Goods in the Pre-Hunnic Polychrome Style in Opushki Cemetery</i>	
С. Б. Шабанов. Два стеклянных сосуда из комплекса позднеимского времени могильника Опушки в предгорном Крыму	170
<i>S. B. Shabanov. Two Glass Vessels from an Assemblage from the Late Roman Period in Opushki Cemetery in the Foothill Crimea</i>	
Список сокращений	178
<i>Abbreviations</i>	
Сведения об авторах	179
<i>Contributors</i>	
Правила оформления рукописей	180
<i>Guidelines for contributors</i>	

От ответственного редактора

Уважаемые читатели!

В третьем выпуске сборника «Крым в сарматскую эпоху» опубликованы статьи, соответствующие тематике издания. Ани-та Кором раскопала в центральной части Венгрии два погребения сарматского вре-мени. Одно из них сопровождалось весьма разнообразным инвентарем, имеющим оче-видные и многочисленные параллели на юге Восточной Европы. Благодаря усилиям Валерии Кульчар читатели нашего сборника могут познакомиться с результатами раско-пок в Дунакеси. Статья Аниты Кором допол-няется исследованием Аготы Бузар и Жолта Бернерта об антропологических останках из этого погребения, а также статьей груп-пы авторов, изучивших золотые украшения. В. К. Гугуев публикует итоги исследований двух погребений из Кобяковского могиль-ника. Наличие меотских и сарматских тра-диций в погребальном обряде, римских и восточных импортов в погребальном инвен-таре позволяют рассуждать об источниках и путях поступления иноземных изделий на Нижний Дон, а также задуматься о моделях взаимодействия кочевого и оседлого насе-ления. А. А. Труфанов изучил краснолако-

вые сосуды-ойнохой из знаменитого Усть-Альминского могильника. Д. А. Костромичев выделил в разнообразном погребальном инвентаре расположенного вблизи Херсо-неса могильника Совхоз-10 вещи римского производства. Они, по мнению автора ста-тьи, не свидетельствует о присутствии рим-лян среди населения, оставившего могиль-ник. Беата Полит обратила внимание на наличие в могильнике Нейзац браслетов, серег и колец не только в женских, но и в некоторых мужских погребениях, что, между прочим, соответствует традициям европейского Барбарикума. И. Н. Храпунов опубликовал результаты раскопок склепа начала IV в. н. э. из крымского могильника Опушки. Особое внимание привлекает най-денная в этом склепе своеобразная группа украшений. С. Б. Шабанов в специальной статье подробно проанализировал сте-клянные сосуды из того же погребального сооружения.

Редакция сборника «Крым в сарматскую эпоху» выражает благодарность его читате-лям и надежду на то, что некоторые из них превратятся в авторов следующих изданий.

А. Кором

Сарматское женское погребение в окрестностях Дунакеси

Ключевые слова: Дунакеси, «золотой горизонт», золотые нашивные бляшки, подвеска-лунница, фаянсовая пронизь-лев, сердолик, горный хрусталь, Чёрное море, Прикубанье

Keywords: Dunakeszi, "Golden Horizon", golden spangle, pendant, facebead, faience lion, rock-crystal, Black Sea, Kuban Region

В 2004 г. Музей истории Будапешта проводил спасательные раскопки на памятнике Дунакеси-Секеш-дюлё / Dunakeszi-Székesdűlő, предваряя строительные работы торгового центра *Buy Way* (рис. 1, 1) (Кором, Reményi, 2005). Были раскопаны объекты различных периодов, в большинстве своём эпохи бронзы. На юго-восточной окраине первобытного поселения открыты две сарматские могилы, которым посвящена данная статья.¹

Описание погребений

Погребение 40 (рис. 1, 4). Ориентировка: ЮЗ–СВ (210–30°). Длина могильной

ямы: 215 см, ширина: 75–92 см, глубина: 10 см. Непотревоженное погребение в простой мелкой яме с вертикальными стенками и горизонтальным дном. Скелет средней сохранности. Захоронение совершено на спине в необычной позе: череп повёрнут направо, ключицы сильно приподняты, кисть правой руки отсутствовала. Левое предплечье было прижато к телу, кисть находилась под тазом. Ноги были слегка повёрнуты направо. Правая стопа сохранилась плохо, левая не сохранилась совсем. Длина скелета: 147 см.

Инвентарь: 1 мелкая белая стеклянная бусина.²

¹ Выражаю благодарность Ласло Ременьи / Reményi László, руководителю раскопок в Дунакеси, за предоставление материала и фотографий для публикации, Оршойе Кандьял / Kangyal Orsolya за помощь в подготовке рисунков и реконструкций, Чилле Тот / Tóth Csilla и Но́ре Силадьи / Szilágyi Nóra за фотографии, Валерии Кульчар / Kulcsár Valéria за рецензирование статьи и полезные советы во многих вопросах, связанных с восточным материалом, а также за информацию о находке пронизи-скарабея из Лайошмиже.

² Кости скелета и находка утеряны.

Погребение 118 (рис. 1, 3). Ориентировка могильной ямы и погребенного: Ю–С (165–345°). Длина могильной ямы: 237 см, ширина: 78–95 см, глубина: 45–52 см. Непотревоженное женское погребение. Совершено на спине в вытянутом положении. Подпрямоугольная могильная яма была гораздо шире и длиннее скелета. Признаков гроба не обнаружено. Судя по неестественному положению ключиц, женщину 30–35 лет, вероятно, завернули в какой-то органический материал.

Погребение совершено под углом к длинной оси могилы. От левой руки осталась только плечевая кость. Некоторые ребра не сохранились. Отсутствие костей руки и ребер нельзя связать с ограблением могилы, заполнение которой было совершенно однородным. Против предположения об ограблении говорит и то, что в заполнении могилы не было ни костей, ни артефактов. Кисть правой руки лежала вплотную к правой бедренной кости. Ноги распались ромбом.

Длина скелета: 152 см.

Инвентарь

1. По правую сторону от скелета, на уровне плеч, в стоячем положении было найдено керамическое пряслице (рис. 6, 3).³ Оно лепное, с примесью песка и гальки, плохо обработанной поверхностью, светло-коричневое, асимметричное, биконическое, основание слегка вогнутое. Отверстие немного расширяется в сторону основания. Высота: 2,3 см, диаметр: 3,8 см, диаметр отверстия: 0,6–0,7 см.

2. Над пряслицем лежало бронзовое, литое, круглое, слегка вогнутое зеркало с гладкой тыльной стороной и фрагментированным ободком (рис. 6, 1). Края лицевой и тыльной стороны слегка спилены, вероятно, для помещения зеркала в деревянный футляр. Диаметр: 5,6 см, толщина: 0,1 см, вес: 21,4 г.

3. На правой стороне грудной клетки располагалось 7 золотых круглых нашивных бляшек, расположенных вертикальной дугой; у левых нижних ребер находилась такая же бляшка (рис. 3, 1–8; 4, 1–8). Все они штампованные из золотой пластины, круглые, с умбоном посередине и ребристым бордюром. По два отверстия для нашивания расположены на стыке бордюра и умбона друг против друга. Одна из бляшек, судя по количеству отверстий, была отремонтирована трижды (рис. 4, 33). Три бляшки повреждены, их умбон пробит (рис. 4, 4–6). Диаметр: 0,9 см, вес: 0,08–0,1 г.

4. Короткое ожерелье (рис. 5, 2, 4). Шейное украшение, реконструированное на основе концентрирующихся под черепом и на его правой стороне 18 бусин и золотой подвески.⁴ Ожерелье соединялось при помощи небольшого, литого, сплошного бронзового кольца с квадратным сечением, найденного под черепом. Внешний диаметр кольца: 1,9 см, внутренний диаметр: 1,2 см, толщина: 0,45 см, вес: 4,12 г. К ожерелью принадлежали также следующие бусы: 9 приплюснутых сферических из горного хрусталя (диаметр: 1,2–1,3 см, толщина: 0,7–1 см, диаметр отверстия: 0,1–0,3 см); 2 дисковидных янтарных (диаметр: 1 см, толщина: 0,5 см, диаметр отверстия: 0,3 см); 1 ребристая стеклянная (диаметр: 1–1,3 см, длина: 1,7 см, диаметр отверстия: 0,33 см); 3 приплюснутых сферических сердоликовых (диаметр: 0,7–1,1 см, толщина: 0,5–0,8 см, диаметр отверстия: 0,1–0,2 см) и 1 подпрямоугольная сердоликовая (диаметр: 0,7 см, толщина: 0,5 см, диаметр отверстия: 0,2 см). Под ребрами тыльной стороной вверх лежала золотая литая подковообразная подвеска (лунница) с ребристой поверхностью и гладкой тыльной стороной, украшенная посередине двумя шариками зерни. На незамкнутых концах также видно по одному шарикку зерни раз-

³ Находки хранятся в Коллекции эпохи переселения народов Музея истории Будапешта, инв. н. 2011.2.118.1.–2011.2.118.96. Реставратор: Юдит Череш / Csere Judit.

⁴ Ожерелье не симметрично, золотая подвеска располагалась не в центре. Возможно, она сдвинулась во время расчистки. Кроме того, этому ожерелью могли принадлежать бусины, обнаруженные не *in situ*.

ных размеров (рис. 3, 22; 4, 23). Ребристое ушко и зернь были припаяны на ребристую основу. Диаметр: 1,5×1,3 см, толщина: 0,1 см, вес: 1,26 г. С двух сторон подвеску окаймляли две длинные цилиндрические стеклянные бусины с золотой прокладкой. Одна была найдена у челюсти, другая — на подвеске. Длина: 1,4–1,6 см, диаметр: 0,3 см, вес: 0,1 г (рис. 3, 21, 23; 4, 21–22).

5. Длинное ожерелье (рис. 5, 1, 3),⁵ состоящее из 31 бусины и фаянсовой пронызи в виде льва в центре: 17 приплюснутых сферических бусин из горного хрусталя (диаметр: 1,1–1,5 см, толщина: 0,5–1,1 см, диаметр отверстия: 0,1–0,3 см); 5 дисковидных янтарных бусин (диаметр: 1,1–1,4 см, толщина: 0,4–0,6 см, диаметр отверстия: 0,3 см); 1 ребристая стеклянная бусина (диаметр: 1,4–1,5 см, высота: 1,5 см, диаметр отверстия: 0,5 см); 7 приплюснутых сферических сердоликовых бусин (диаметр: 0,8–1,2 см, толщина: 0,6–0,9 см, диаметр отверстия: 0,1–0,2 см) и фаянсовая проныза в виде льва, лежащего на подставке (рис. 3, 19; 4, 19). Размеры пронызы: длина подставки: 2,6 см, ширина: 1,8–1,9 см, толщина: 0,4–0,5 см, толщина вместе с фигурой: 1,3 см, диаметр отверстия: 0,3 см, длина фигурки льва: 2,5 см, ширина: 0,9–1,4 см, высота: 0,9 см. Ожерелье соединялось найденным под левой лопаткой погребенной бронзовым литым колечком с квадратным сечением. Внешний диаметр: 2,2 см, внутренний диаметр: 1,3 см, толщина: 0,5 см, вес: 4,12 г.

6. При изъятии черепа на левой стороне челюсти была обнаружена золотая серьга (рис. 3, 20; 4, 20). Один ее конец конически расширяется, другой утончен наподобие иглы (т. н. замок *Steckverschluss*). Корпус подвески украшен правильно чередующимися группами зерни (по четыре шарика, образующих пирамиду, и по одному). Декоративный ряд начинается пирамидкой на сужающемся участке декоративного окончания.

⁵ Представленная здесь ситуация является возможной реконструкцией. Часть бус рассыпалась на поверхности грудной клетки. Ожерелье, вероятно, разорвалось, когда покойницу завёртывали в какой-то материал.

⁶ Одна из бляшек была найдена в кротовине в заполнении погребения, рядом со стенкой могильной ямы.

Размеры: 2,9×2,6 см, толщина: 0,2 см.

7. В средней части предплечья, над браслетом, располагались 10 треугольных нашивных бляшек, штампованных из золотой пластины (рис. 3, 9–18; 4, 9–18). Длина: 0,9–1,2 см, ширина: 0,6–0,7 см, вес: 0,07–0,09 г.⁶ Часть из них сползла к тазовой кости, справа. У этих нашивок треугольники направлены вершиной к руке. Три бляшки у браслета были найдены только во время изъятия материала из погребения. Нашивные украшения орнаментированы в верхней и средней трети тремя – четырьмя горизонтальными рёбрами, а в нижней трети — четырьмя вертикальными параллельными рёбрами. На тыльной стороне виден край шириной 0,1 см (рис. 4, 33). Три отверстия для нашивки первоначально располагались в углах треугольных пластинок, но на всех наблюдаются следы ремонта в различных местах. На девяти бляшках были пробиты новые отверстия в верхней части, и ещё на девяти — в нижней части (рис. 4, 33). При ремонте не стремились к симметрии, во многих случаях видно, что пластинку прокололи с противоположной стороны, и образовавшиеся рваные края не заглаживали (рис. 4, 33). У двух самых мелких бляшек на одно ребро меньше, чем у остальных, вероятно, их обрезали при ремонте (рис. 4, 9, 10).

8. Обнаружены 19 цветных бусин (рис. 3, 24; 4, 31): одна мелкая белая стеклянная бусина (диаметр: 0,7 см, толщина: 0,5 см, диаметр отверстия: 0,3 см); три плоских дисковидных янтарных бусины с центральным отверстием (диаметр: 0,7–0,9 см, толщина: 0,2–0,4 см, диаметр отверстия: 0,3 см); восемь круглых сердоликовых бусин (диаметр: 0,7–0,9 см, высота: 0,6–0,7 см, диаметр отверстия: 0,15–0,25 см). Из трех четырёхугольных дисковидных бусин с шахматным орнаментом (рис. 3, 25–27; 4, 28–30) две состоят из жёлто-красно-черных и белых элементов,

а третья — красно-белая (диаметр: 0,9 см, толщина: 0,35–0,45 см, диаметр отверстия: 0,2–0,25 см). К браслету относятся также четыре дисковидные мозаичные бусины, просверленные поперёк, с изображением личин (рис. 3, 28–31; 4, 24–27). На трёх одинаковых бусинах лица (6x4 мм) жёлтые, а глаза, брови и нос — черные. Рот выделен черным контуром. Волосы показаны красными параллельными линиями между глазами. Лицо обрамлено чёрной полосой шириной 1 мм и красной полосой шириной 0,5 мм; а всю бусину огибает зелёный слой толщиной 2 мм (диаметр: 0,9–1,15 см, толщина: 0,3–0,4 см, диаметр отверстия: 0,15–0,2 см). Четвертая бусина с личиной отличается от остальных (рис. 3, 31; 4, 27). Лицо белое (4x5 мм), глаза, брови, нос и рот черные. На лбу, над правым глазом висит длинная чёрная прядь. На подбородке прослеживается красная "борода" толщиной 1 мм, доходящая до линии глаз. Лицо обрамляет чёрная полоса шириной 1 мм и белая шириной 0,5 мм, а всю бусину огибает светло зелёный слой толщиной 1–2 мм (диаметр: 0,9–1 см, толщина: 0,3–0,35 см, диаметр отверстия: 0,15–0,2 см).

9. У нижней трети предплечья лежал сломанный бронзовый браслет. Сечение круглое, толщина неравномерна (рис. 6, 2). Бронзовую проволоку свернули в длинную петлю, затем трижды закрутили на корпусе браслета. Размеры: 5–6 x 7,4 см, толщина: 0,05–0,1 см, длина петли: 1,2 см, вес: 1,99 г.

10. Одноручный кувшин (рис. 6, 4) лежал на боку у левой стопы, горлом на восток.

Небольшой гончарный красноглиняный сосуд с биконическим корпусом. Глина с примесью песка и слюды. Сильно истёртая поверхность обработана плохо, со следами красного покрытия. Небрежно сформованная профилированная ручка-лента прикре-

плена под венчиком, опирается на тулово, у основания ручки виден отпечаток пальца, который, вероятно, образовался при прикреплении ручки. Ручка обрывает три врезные линии, огибающие шейку. Длинная шейка кувшина имеет цилиндрическую форму, венчик сломан, его тип не определяется. Вероятно, венчик был вторично сглажен после повреждения. Дно сосуда профилированное, немного вогнутое. Диаметр венчика: 3,1 см, диаметр дна: 6,8 см, высота: 17,2 см, длина ручки: 7,2 см, ширина ручки: 2,8 см, толщина ручки: 1 см.

Погребальный обряд

Два погребения из Дунакеси явно не являлись частью могильника. На этой территории с 2000 г.⁷ неоднократно велись раскопки, поэтому можно уверенно сказать, что на территории торгового центра в Дунакеси не было больше погребений.

Языги, переселившиеся на Венгерскую низменность в I в. н. э., археологически известны по малочисленным могилам. Большинство из них найдено в первой половине XX в. неспециалистами, значительная часть находок может рассматриваться как случайные.⁸

Погребения из Дунакеси значительно отличаются друг от друга не только по погребальному инвентарю, но и по обряду, и по размерам могильных ям. Захоронения были совершены на спине, женщину 30–35 лет с богатым инвентарём поместили в вытянутом положении, а другое погребение совершили в необычной позе: череп был повернут направо, а ноги слегка согнуты и тоже повернуты направо. Погребение 40 совершено в овальной, очень мелкой яме. Погребение 118 обнаружено в 15 м к югу от погребения 40 (рис. 1, 2), на глубине 50 см. Судя по положению ключиц, покойница была плотно запеленута в какой-то матери-

⁷ Спасательные раскопки на территории торгового центра в Дунакеси проходили в 2000 г. под руководством Музея истории Будапешта. На территории 6,5 га было раскопано 2700 объектов (Horváth, Endrődi, Horváth et al., 2001). В 2004 г. мы обследовали всю территорию следующего торгового центра к северу от предыдущего (Kóroth, Reményi, 2005).

⁸ Проблематикой датировки ранних сарматских периодов и достоверностью памятников Венгерской низменности в последнее время занималась Габриэлла Вёрёш (Vörös, 2006).

ал. Следов гроба не обнаружено, но исходя из размеров могильной ямы, можно предположить его наличие.⁹

На основании единственной находки погребения в неглубокой могиле нельзя с уверенностью судить о синхронности двух захоронений, но белый бисер, найденный в ней, принадлежит к характерным сарматским типам. Связь двух погребений подкрепляется аналогией из Фюзешабонь-Каштей-дюлё/*Füzesabony-Kastély-dűlő*. Там в могильнике «золотого горизонта» из семи погребений, в 5 м от покойника, похороненного с золотыми украшениями, лежал скелет в необычном положении, с бусами (Farkas, 2000, p. 18). В обоих случаях более бедное захоронение располагалось на СЗ от богатого. Вероятно, речь идёт о схожем социальном явлении: благородная женщина была погребена вместе со служанкой.

В данном случае, причиной «одиночного» погребения знатной женщины могла быть случайная смерть, наступившая вдали от места постоянного обитания.¹⁰

Анализ находок

Ювелирные изделия Серьги

Серьга с воронкообразным и заострённым концами (*Steckverschluss*), украшенная зернью, была найдена под левой частью черепа (рис. 3, 20; 4, 20) у челюсти, в соответствии с местом ношения (рис. 2, 6). Пары не найдено, несмотря на то, что правая сторона черепа не была потревожена. Серьги с грануляцией являются характерными украшениями ранних сарматских комплексов Венгерской низменности. С точки зрения техники орнаментации преобладают экземпляры с зернью, превышая численностью серьги со вставками и грануляцией. По наблюдению Михая Кёхедьи, по орнаментации ни хронологически, ни географи-

чески нельзя выделить отдельные группы (Kőhegyi, 1985, p. 330).

Обычно 3–4 шарика зерни помещали друг на друга в форме пирамидок, расположенных на равном расстоянии. Реже попадает орнаментация, встреченная на серьге из Дунакеси. Здесь между пирамидками размещены единичные шарики зерни. Все серьги этого типа закрывались одинаково (*Steckverschluss*).

В отличие от золотых нашивных бляшек, зеркал и фаянсовых изделий, подвески и серьги имеют лишь немногочисленные аналогии с восточных территорий (Istvánovits, Kulcsár, 2006, p. 212–213). Схожие серьги известны из позднескифского могильника Заветное в Крыму (Istvánovits, Kulcsár, 2006, p. 213), золотой экземпляр из крученой проволоки из кургана 3, погребения 24 Чертовецкого могильника (Воронежская обл.) (рис. 8, 4) (Medvedjev, 2007, Abb. 4, 6), одна серьга из Мокры (Трансильвания), могильника датированного 75 – 125 гг. н. э. (рис. 8, 2) (Bârcă, 2006, p. 296, Fig. 35, 4), а также серебряный экземпляр из Бравичень/*Brăviceni* (Молдова), памятника, датированного 50 – 75 гг. н. э. (рис. 8, 3) (Bârcă, 2006, p. 296, Fig. 35, 4). Золотая серьга из погребения 618/3 позднескифского могильника Усть-Альма украшена грануляцией, но застегивается крючком и петлёй (рис. 8, 5) (Пуздровский, 2007, с. 151, рис. 126, 16). При анализе молдавского материала Виталие Бырка отнёс находку из Бравичень к типу II, причислив ее к варианту «б» серег с воронкообразным окончанием. Такие неорнаментированные серьги разного размера встречаются на данной территории в большем количестве (Bârcă, 2006, p. 391, Fig. 178). На основании приведённых примеров можно сказать, что серьга из Дунакеси отличается от северопричерноморского материала главным образом применением грануляции, в то время как аналогичная

⁹ Чилла Фаркаш зафиксировала остатки гроба в двух погребениях из Фюзешабонь, схожих с могильными ямами из Дунакеси по размерам (Farkas, 2000).

¹⁰ См. антропологический анализ в статье А. Бузар и Ж. Бернерта в данном сборнике.

система скрепления, хотя и в небольшом количестве, но встречается в упомянутых регионах.¹¹ Это особенно интересно, так как на основании причерноморского и кубанского материала I в. до н. э. – I в. н. э. можно сказать, что греческие мастера были знакомы с грануляцией и использовали ее.

Ожерелье

Судя по количеству и расположению бус, а также по двум бронзовым кольцам с трапециевидным сечением, в погребении было два ожерелья. Бронзовое кольцо, найденное под черепом (рис. 5, 2, 4), вероятно, служило для соединения бус, найденных у шеи, и лунницы. Колечко под левой ключицей должно было принадлежать к бусам, найденным на лопатке в вертикальном положении и на грудной клетке, а также под ними. Центральным элементом этого ожерелья была фаянсовая пронизь в виде льва (рис. 5, 1, 3).

Подвеска

Под грудной клеткой лежала золотая лунница тыльной стороной вверх (рис. 3, 22; 4, 23) вместе с бусиной с золотой прокладкой. Ребристую петлю и грануляцию прикрепили к ребристой основе вторично. Разница в размерах и способе размещения создают впечатление, что это работа непрофессионала.

Исходя из находок из Фюзешабонь, Чилла Фаркаш считала, что подвеска-лунница и пронизи из золотой пластины были не в составе ожерелья, а пришивались к одежде (Farkas, 1998, p. 77). Подвеска и две бусины с золотой прокладкой явно входили в состав ожерелья, ведь одна из них была найдена среди бус, лежавших у черепа рядом с челюстью. Против предположения о нашивании на одежду говорит и их распо-

ложение в погребении. Подвеска найдена под рёбрами вместе с одной из бусин с золотой прокладкой, тыльной стороной вверх. В то же время золотые бляшки, несомненно нашитые на одежду, расчищены на рёбрах.

Наряду с серьгами, лунницы являются наиболее характерными находками в ранних сарматских погребениях Карпатского бассейна. В то время как серьги чаще украшали грануляцией, лунницы орнаментированы обычно вставками, а у некоторых вещей встречается комбинация вставок и зерни. У большинства лунниц и корпус, и петля ребристые. Единственная венгерская аналогия лунницы из Дунакеси — это случайная находка из окрестностей Эгера/Eger (Kőhegyi, 1985, p. 271).

С точки зрения техники изготовления известные нам золотые подвески разделяются на две группы: 1) литые и 2) пластинчатые, штампованные. Последние более многочисленны.¹²

Детальный анализ лунниц, используя новые находки, недавно провела Маргит Надь в связи с погребением, найденным у ручья Ракош/Rákos-patak (Nagy, 2006, p. 96–99). По ее наблюдениям, большинство лунниц — это штампованные пластинчатые изделия. Лунница из упомянутого погребения совершенно отличается от литых экземпляров.¹³ Полусферы, украшавшие ее концы, были отлиты (Nagy, 2006, p. 98, Fig 1, 1a), а не впоследствии припаяны, как у экземпляров из Дунакеси и из погребения 25 могильника Сегед-Чонгради ут/Szeged-Csongrádi út (Havassy, 1998, Kat. 23).

Андреа Вадаи считает, что лунницы-подвески данной эпохи были явно изготовлены в северопонтийских мастерских, так же как золотые пронизи и нашивные бляшки (Vaday, 1983, p. 173–174). Это утверждение

¹¹ Уже Михай Кёхедь обратил внимание на систему Steckverschluss, ее появление он отнёс к рубежу II–I вв. до н.э. (Kőhegyi, 1985, p. 330).

¹² После перепубликации находок наши данные по технике изготовления могут измениться. В описании Михая Кёхедь лунница со вставками на концах из Надькёрю-Маршо-танья/ Nagykőrű-Marsó tanya представлена как пластинчатая (Kőhegyi, 1985, p. 295), но в недавней публикации эта же вещь описана как литая, что подтверждается и фотографией (Vágó, 2015, p. 343, V. 187).

¹³ В комплекс входили ещё золотая гривна из крученой проволоки, бронзовая фибула в виде лунницы и глиняный кувшин (Nagy, 2006, p. 95–96).

не вполне обосновано археологическим материалом. Аналогии изделиям «золотого горизонта», украшенным зернью и вставками, редки на восточных территориях, так же как и серьги (Istvánovits, Kulcsár, 2006, p. 215–216), несмотря на то что лунницы распространены среди эллинистических украшений. Из погребений I–II вв. н. э. позднескифского могильника Усть-Альма известны две золотые лунницы с зернью (рис. 8, 6–7).¹⁴ Сама форма лунницы с шариками на концах была распространена в греческих городах Северного Причерноморья и в раннем римском материале Паннонии, поэтому определить место производства нелегко. Простая техника может служить указанием как на паннонскую, так и на сарматскую мастерскую (Nagy, 2006, p. 98–99).

Стеклянные бусы с золотой прокладкой

Лунницу с двух сторон ограничивали стеклянные бусины с золотой прокладкой (по одной с обеих сторон), чему в венгерском материале нет аналогий (рис. 3, 21, 23; 4, 21–22). Большинство предметов раннего сарматского периода Венгерской низменности — случайные находки, поэтому возможно, что весьма хрупкие бусы с золотой прокладкой распались на месте ещё в момент нахождения. В опубликованных комплексах подвески-лунницы сопровождалась рубчатymi или гладкими золотыми пронизьями.¹⁵

В Карпатском бассейне прокладки из золотой фольги обычно встречаются в многочастных бусах II–IV вв. н. э. В северопричерноморском материале более простые стержневые бусы с золотой фольгой (тип 4 по Алексеевой) существуют в периоде между III в. до н. э. и II в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 28–30).

Тонкую фольгу накладывали на остывшую стеклянную основу, вероятно, при помощи какого-то клеящего средства,

а внешний слой стекла закрепляли подогревом осторожно так, чтобы фольга не расплавилась от слишком высокой температуры. В конце процесса длинную трубочку разрезали на желаемый размер (Spaer, 1993, p. 11–12).

Такая техника своими корнями уходит в Египет. Производство стеклянных бус продолжалось и в римское время. В северопонтийских городах они появляются во II–I вв. до н. э. (Vadaу, 1989, p. 101) и продолжают встречаться как в Северном Причерноморье, так и в Карпатском бассейне во II–III вв. н. э. (Benea, 2004, p. 117–118). Сарматов Венгерской низменности, по-видимому, снабжала дакийская мастерская Тибиска/Tibiscum, в продукции которой многочастные стеклянные бусы с золотой фольгой относятся к типу XVII по Бенеа (Benea, 2004, p. 117).

Сердоликовые бусы

В погребении было найдено 20 сердоликовых бус в составе браслета и двух ожерелий, 19 сферических разного размера, с тонким отверстием, и одна прямоугольная призматическая. Сердолик — это вариант халцедона, получивший оранжево-красную окраску от соединений железа. Он является одним из главных материалов для бус сарматского времени. Сердоликовые бусы неправильной сферической формы с узким отверстием известны как характерный тип бус не только «золотого горизонта», их хронологический диапазон должен быть расширен, как на это недавно указала Маргит Надь (Nagy, 2006, p. 107). В погребении на памятнике Будапешт, Залавар утца/Budapest, Zalavár utca, датируемом первой половиной V в. н. э., они были в одном комплексе с ребристыми синими и белыми стеклянными бусами, а также янтарными бусами различных типов (Nagy, 2006, p. 103, Fig. 7; 9, 1). По мнению Андреа Вадаи, бусы сферической формы восточного происхождения, они появляются снова в позднесар-

¹⁴ Погребение 772 датируется рубежом I – II вв. н. э. (рис. 8, 6) (Пуздровский, 2007, с. 152, рис. 126, 11), а погребение 619/3 — второй половиной I в. н. э. (рис. 8, 5) (Пуздровский, 2007, с. 152, рис. 126, 10).

¹⁵ В качестве примера: Надькёрю-Маршо-танья/Nagykőrű-Marsó-tanya (Vágó, 2015, p. 343, V. 187) и Фюзешабонь-Каштейдюдлё, погребение 150 (Farkas, 2000, p. 17; Vágó, 2015, p. 343, V. 189).

матское время в погребениях мигрантов новой волны (Vaday, 1989, p. 106).

Сердолик является самым распространённым типом полудрагоценных камней в Северном Причерноморье. Е. М. Алексеева причислила к типу 2а бусы приплюснuto-сферической формы ранних сарматских погребений с узким на одной, и расширяющимся на другой стороне отверстием. Они характерны для Северного Причерноморья в I – II вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 15).

В венгерском материале сердоликовые бусы встречаются в составах комплексов двух типов: 1) сердоликовые бусы одинакового размера¹⁶ или разного размера, обычно в восходящем порядке;¹⁷ 2) низки из бус различного типа, не обязательно из полудрагоценных камней, как и в случае погребения из Дунакеси. В погребении 118 бусы группировали по размеру: крупные сердоликовые фигурируют главным образом в составе ожерелья (10 шт.), бусы поменьше (10 шт.) входили в состав браслета.¹⁸

Бусы из горного хрусталя

В обоих ожерельях из Дунакеси были сферические бусы из горного хрусталя. Интересно, что на одной из сторон всех экземпляров сделаны углубления одинаковой длины перпендикулярно к отверстию, в обе стороны. Вероятно, их наличие объясняется методом шлифовки.

Горный хрусталь — очень хрупкий, прозрачный полудрагоценный камень, бесцветный, наиболее чистый вариант кварца (Oberfrank, Rékai, 1993, s. 155). Плиний счи-

тал, что он восточного происхождения (Plin. XXXVII.IX. 23).

Бусами, сделанными из него, пользовались в Северном Причерноморье. Е. М. Алексеева причислила бусы приплюснuto-сферической формы, с узким отверстием с одной, и расширяющимся с другой стороны, к типу 2а, характерному для I в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева, 1982, с. 7).

В материале Карпатского бассейна бусы этого типа попадают редко. Они характерны не только для раннего горизонта. Уникально ожерелье, состоящее из одних хрустальных бус, из могильника Алшонемеди/Alsónémedi, датируемого I – II вв. н. э.¹⁹ Бусы из горного хрусталя входили в состав ожерелья и подвесок пояса из погребения с римским поливным сосудом из г. Сарваш/Szarvas (Juhász, 2002, p. 89). Это характерный тип бус раннего горизонта и гуннской эпохи. Андреа Вадаи считает, что он восточного происхождения (Vaday, 1988–1989, p. 106).

Янтарные бусы

В погребении из Дунакеси было найдено всего 10 дисковидных янтарных бус в составе ожерелий и браслета. Дисковидные, плоские янтарные бусы характерны для ранних погребений,²⁰ но так же, как и сферические сердоликовые бусы дисковидные янтарные не относятся исключительно к раннему горизонту и встречаются в более поздних комплексах.²¹ Янтарные бусы различных типов и размеров использовались в составе ожерелий, браслетов и

¹⁶ К таковым относятся браслеты и ожерелья из Сегед-Чонгради ут (Kőhegyi, 1985, Fig. X, 26–27), Сегед-Фелшэпустацер/Szeged-Felsőpusztaszer, погребение 17 (Párducz, 1941, Taf. XIV, 7), Ньиредьхаза-Фелшэшима/Nyíregyháza-Felsősima (Istvánovits, Kulcsár, 2013, Fig. 3).

¹⁷ К таковым относятся находки из ожерелья в могильнике Келебия-Вермешьяраш/Kelebia-Vermesjárás (Kőhegyi, 1985, Fig. V), Мезэчат-Хёрчегэш/Mezőcsát-Hörcsögös, погребение 56 (Vaday, 1983, Taf. 5, 4), Фюзешабонь-Каштейдюлэ погребение 60 (Farkas, 2000, с. 15).

¹⁸ По наблюдении Эстер Иштванович и Валерии Кульчар, в погребениях раннего периода находят в среднем по 36–38 сердоликовых бус. Авторы предположили, что продавались стандартные низки бус (Istvánovits, Kulcsár, 2006, с. 220).

¹⁹ В то же время нет уверенности в том, что все эти бусы различных размеров принадлежали к одному комплексу, так как материал могильника Алшонемеди-Фалурети домб/Alsónémedi-Faluréti domb был обнаружен случайно, а не в ходе археологических раскопок (Korek, 1980, p. 40).

²⁰ Ёрвень-Шереш дюлэ/Örvény-Seres dúlő (Kőhegyi, 1985, p. 296), Фюзешабонь-Каштейдюлэ, погр. 150 (Farkas, 2000, p. 18, Fig. 14).

²¹ В качестве примера можно привести Кишкёрэш-Чукашто, Рац-кут/Kiskőrös-Csukástó, Rác kút, погребение 8, датируемое II – III вв. н. э. (Párducz, 1941, p. 57, Taf. XXVI, 41–44) и Абонь 39/Abony, погребение 95, датируемое тем же временем (Gulyás, 2011, p. 136).

в обшивке подола платья. По наблюдению Габриэллы Вёрёш, в могильнике Мадараш дисковидные янтарные бусы встречались исключительно в ожерельях вместе с другими бусами разных типов. Она же заметила, что в этом могильнике среди погребений с обшивкой бусами, там, где были ценные янтарные, сердоликовые и известняковые экземпляры, они сопровождалась гарнитурами украшений, судя по которым данные могилы явно принадлежали к элитным захоронениям некрополя (Vörös, 2003, p. 148).

Янтарю, считавшемуся в начале эпохи империи предметом роскоши,²² приписывали апотропеические и исцеляющие свойства. Плиний рекомендовал его для лечения ангины и в качестве жаропонижающего (Plin. XXXVII.XI.44, 50). Как амулет он предохранял грудных детей (Plin. XXXVII.XI. 50).

Ребристая стеклянная бусина

Двум крупным ребристым голубым бусинам из Дунакеси известно мало аналогий в венгерском материале. Они встречаются в первую очередь в составе ожерелий,²³ или же их пришивали к ленте/лентам, свисающим с пояса.²⁴ Наиболее ранние аналогии происходят из могильника Сегед-Чонгради ут I – II вв. н. э.

При описании «золотого горизонта» Михай Кёхедьи обратил внимание на то, что стеклянные ребристые бусы встречаются в степном регионе начиная со скифского времени (Kóhgyi, 1985, p. 334).

В северопонтийской зоне фаянсовые бусы, рассматриваемые как прототип данных находок, появились в относительно большом количестве со II в. н. э. (Vaday, 2016, с литературой). Их синие и зелёные подражания из стекла распространились сравнительно быстро.

Фаянсовая пронизь в виде льва

В центре длинного ожерелья находилась фаянсовая пронизь в виде льва, лежащего на подставке (рис. 3, 19; 19). По сравнению с Прикубаньем и Северным Причерноморьем, в Карпатском бассейне фаянсовые амулеты редки. Маловероятно, что их использование связано с религиозными представлениями, ими пользовались в качестве украшения. Поскольку и в паннонском материале почти нет фаянсовых предметов (Dobrovits, 1979, p. 114), можно исключить возможность того, что они попали в сарматский Барбарикум при посредстве римлян. Гораздо вероятнее, что они происходят из северопонтийского региона, где эта группа украшений была особенно широко распространена в I – II вв. н. э. (Simonenko, Marčenko, Limberis, 2008, p. 45). Фаянсовые амулеты с изображением льва и скарабея, а также ребристые бусы часто встречаются к востоку от Карпат, между реками Южный Буг и Сирет (Bârcă, 2006, Fig. 184), а также в низовьях Кубани и Дона (Simonenko, Marčenko, Limberis, 2008). Фаянсовые амулеты в составе браслетов и ожерелий характерны в первую очередь для женского костюма. Относительно много таких вещей находят также на поселениях лесостепной и лесной зон.²⁵

В фаянсе не содержится глина, его компоненты соответствуют составу стекла, но содержатся в других пропорциях. Но технология изготовления отличается: это смесь кварцевого песка, растёртого в порошок, и натровой извести, которой придавали форму вручную при помощи деревянной или глиняной формочки, а затем покрывали жидкостью из собственного разбавленного материала, окрашенного оксидами метал-

²² По описанию Плиния маленькая человеческая фигурка из янтаря соответствовала по цене сильному человеку (Plin. XXXVII.XII.49).

²³ В ожерелье из Ёрвень-Шереш дюлё они фигурируют вместе со сферическими сердоликовыми, дисковидными янтарными и цилиндрическими белыми стеклянными бусами (Kóhgyi, 1985, p. 296).

²⁴ Бусы из Кишкёрёш-Вагохиди дюлё/Kiskörös-Vágóhídi dúlő, погребение 17 (Kóhgyi, 1985, p. 314) и Сегед-Чонгради ут, погребения 19 и 24 (Vörös, 1981, p. 4, Fig. 6), датированных рубежом I – II вв. н. э., по мнению авторов, принадлежали к низкам, пришитым к поясу. В контексте II – III вв. н. э. они появляются в составе украшений пояса в Эндрёд-Суйокерест/Endrőd-Szujókereszt, погребения 27 и 88 (Vaday, Szóke, 1983, p. 82, 88).

²⁵ По мнению С. Е. Воронятова, фаянсовые предметы появились у лесостепных и лесных племён вследствие матримонильных связей (Воронятов, 2011).

ла. Из Египта в Северное Причерноморье фаянсовые изделия в качестве товара, а также техника их изготовления, попали при посредстве греков (Dobrovits, 1979, p. 116).

По типу подставки фаянсовые пронизи в виде льва разделяются на две группы: лежащий зверь покоится на овальной или прямоугольной основе. Е. М. Алексеева разделяла их по цвету. Изделие бирюзового цвета из Дунакеси принадлежит к группе 686, датируемой I – II вв. н. э. (Алексеева, 1975, с. 44; Simonenko, Marčenko, Limberis, 2008, p. 45)

В материале Венгерской низменности фаянсовые пронизи известны только из двух памятников. В заполнении ограбленного женского погребения могильника Лайошмиже/Lajosmizse-Kónya major нашли три скарабея.²⁶ Точная аналогия пронизи-льва была обнаружена в одной из ям кельтской гончарной мастерской римского времени у с. Казар/Kazár, датированного 190 – 225 гг. н.э. (Vaday, 2006, p. 102; Vaday, 2016, p. 770).

Браслет

Браслет был найден в соответствии с местом ношения, на правом предплечье (рис. 6, 2), непосредственно под рядом треугольных золотых бляшек. Это крупный, немного деформированный проволочный браслет с крючком и петлёй, накрученной на корпус предмета. Точные аналогии известны из погребения 15 могильника Фюзешабонь (Farkas, 2000, Fig. 13, 6) и кургана из Бравичень, датируемого серединой I – началом II в. н. э. (Bârscă, 2006, p. 614, Fig. 176. 2).

Браслет из бус

Бусы с шахматным орнаментом

В состав браслета входили три четырёхугольные бусины миллефиори с шахматным орнаментом, две из них идентичные: здесь повторяется комбинация красного, бело-

го, чёрного и жёлтого. Дисковидный тип 435–436, который в Северном Причерноморье также считается относительно редким, Е. М. Алексеева датировала I – IV вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 39). Распространение известных находок совпадает с ареалом ранних лицевых бус. Их орнаментация разнообразна, цветные стеклянные нити складываются в различные формы, в том числе ромба или, как и на экземплярах из Дунакеси, покрывают всю поверхность на сферических и дисковидных изделиях (Stout, 1985, p. 30).

Мастерская в Тибиске, функционировавшая во II – IV вв. н. э., изготавливала как сферические, так и прямоугольные формы (Stawiarska, 2014, p. 32, Fig. 12), но судя по датировке нашего комплекса, аналогии надо искать на восточных территориях сарматов.

Лицевые бусы

Одним из самых интересных типов вещей публикуемого погребения несомненно является группа дисковидных лицевых бус (бусы с личинами). Бусы миллефиори с изображением лиц впервые проанализировала Дагмар Селлинг (Selling, 1942). Она выделила два главных типа, которые различаются не только по орнаментации и распространению, но и хронологически. У дисковидных бус I, раннего типа, в центре одноцветной стеклянной основы расположено одно лицо, а у сферических экземпляров — от 2 до 6 в одной полосе. На бусах типа II, датируемых IV – V вв. н. э., изображение лица в средней полосе обычно комбинируется с другим мотивом, в большинстве случаев – с шахматным орнаментом (Selling, 1942, p. 23–24). М. Темпельманн-Мончиньска взяла за основу тот же принцип: тип I по Селлинг у неё соответствует типу 369, а тип II — типу 370 (Tempelmann-Maczyńska, 1985, p. 61). Е. М. Алексеева выделила группы по цветам, обрамляющим лицо: наши бусы аналогичны ее изделиям

²⁶ Неопубликованные раскопки Валерии Кульчар.

типов 448–454 (Алексеева, 1982, с. 40–41). Бус типа I найдено больше, чем бус типа II. Последние, как правило, являются находками из недостоверных источников (большинство известно по аукционным сайтам), из 61 дисковидного экземпляра только 22 были найдены в ходе археологических работ (рис. 8, 5).²⁷

Дисковидные бусы в среднем диаметром 1–1,2 см, толщиной 0,3–0,5 см, всегда изображают только одно лицо. Чаще всего они круглые или четырёхугольные. Три из четырёх бусин из Дунакеси совершенно идентичны по цвету, изображению глаз и рта. Форма лица на светло-зелёной бусине изящнее, волосы обозначены чёлкой, нависающей на лицо.

Опубликованные дисковидные бусы очень разнообразны, но определённая закономерность наблюдается. Линию подбородка снизу оконтуривает полоса — у бус из Дунакеси это наблюдается только у светло-зелёной. Лицо обычно обрамляет чёрная полоса шириной 0,1 мм, а затем, чаще всего, полоса более светлого цвета. Она окружена основным по цвету стеклом, чаще всего, прозрачным зелёным.²⁸

Интересно изображение волос: обычно на участке между глазами волосы имитируются красно-белыми или черно-белыми сменяющимися полосами.²⁹ Такое изображение волос интерпретируют иногда как стилизованную змею, один из важных атрибутов Горгоны (Liu, 2014; Riha, 1990, p. 83).³⁰ Уже Д. Селлинг предположила, что бусы одновременно могли служить амулетами (Selling, 1942, p. 48). В работе Х. В. Джонстона в составе украшения из Крыма в числе множества изображений людей и лиц приводится лицевая бусина типа I по Селлингу и фаянсовая пронизь в виде льва (рис. 8, 1) (Johnston, 1909).

Производство бус миллефиори требует больших затрат и специальных навыков, поэтому их могли изготавливать только в стеклоделательных мастерских высокого профессионального уровня. Одни типы орнаментов живут долго, а другие характерны только для определённых периодов (Volkman, Theune, 2001, p. 530).

В процессе производства в термостойком керамическом сосуде подогревают до 1200–1400 градусов соду, песок и оксиды металла, чтобы удалить загрязнения. Из стеклянной массы при помощи длинного железного стержня вытягиваются стеклянные нити различной толщины и формы, которые разрезают на желаемую длину. При изготовлении бус миллефиори заранее нужно спланировать орнамент и приготовить стеклянные нити различных цветов в соответствующем порядке. Эти нити сплавляют нагреванием (рис. 8, 8).³¹ В конце процесса образовывается длинный стержень, который разрезают на куски толщиной 3–4 мм.

Судя по сложному технологическому процессу можно предположить, что лицо делали искусные мастера, а готовые детали, вероятно, встраивали в рамку желаемого цвета и формы уже менее опытные люди (Liu, 2014, p. 42). Неизвестны центральные лицевые элементы или полуфабрикаты из археологических материалов стеклоделательных мастерских, которые могли бы послужить доказательством.

Что касается места производства, то со времени публикации А. Кисы / A. Kisa 1908 г. существует мнение, согласно которому лицевые бусы производили в Александрии в начале I в. н. э. (Selling, 1942, p. 48). В анализе лицевой бусины из Магдаленсберга/Magdalensberg Б. Цурда-Рут коснулась вопроса происхождения технологии. Она считает, что технику миллефиори изо-

²⁷ В своей работе Р. К. Лиу собрал ранние бусы с личинами из аукционных каталогов 1972 – 2000 гг. Из 326 бусин 282 сферические и 41 дисковидная (Liu, 2014).

²⁸ В своей работе по дисковидным бусам Р. К. Лиу выделил 7 цветовых комбинаций. Чаще всего встречается зелёная рамка, за ней следует светло-красная, каштановая и прозрачная синяя (Liu, 2014, p. 42).

²⁹ Число полос: 5–17, но в среднем — 8–9 (Liu, 2014, p. 41).

³⁰ Р. К. Лиу подробно анализирует характерные черты изображений Горгон (Liu, 2014).

³¹ На основании лицевых бус, которые и поныне изготавливают в Индии, была сделана серия рисунков, реконструирующих процесс древнего производства (Volkman, Theune, 2001, p. 525–526, Abb. 1; 3a).

браслеты в Александрии, откуда она распространилась на другие территории (Czurda-Ruth, 1979, p. 197–198). Это соображение восприняли Б. Риттер (Rütti, 1988, p. 91) и Э. Рейха (Riha, 1990, p. 83). Предположение о египетском происхождении было основано на иконографии изображений и в случае типа II по Селлинг, датированного IV – V вв. н. э. В относительно недавних публикациях территория распространения лицевых бус указала на Северное Причерноморье, особенно это касается типа II по Селлинг (Tempelmann-Mączyńska, 1985, p. 135; Erdrich, Voss, 1997, p. 82). А. М. Статут, занимающаяся позднеимскими лицевыми бусами, сделала химический анализ нескольких бусин типа II по Селлинг. Результат однозначно указывает на римскую мастерскую. По ее мнению, речь может идти о Риме или Трире как месте производства (Stout, 1986, p. 76).

Мастерскую ранних лицевых бус типа I по Селлинг с большой долей вероятности следует искать в Александрии — колыбели техники миллефиори. Отсюда технологические приемы при посредстве греков могли попасть в Северное Причерноморье, а затем в Италию.³² Вопрос решается с трудом, так как нам не известно ни об одной стеклоделательной мастерской данного периода, где могли изготавливать такие бусы.

В своей обзорной работе, изданной в 1940-е годы, Д. Селлинг датировала тип II в. н. э. (Selling, 1942, p. 48). Найденные с тех пор экземпляры, поддающиеся датировке, уточнили это определение. В Геркулануме в составе ожерелья, лежавшего рядом с женским скелетом, было шесть дисковидных бус (рис. 7, 6). Извержение Везувия датирует этот материал 79 г. н. э. (Gore, 1984, p. 563). На основании неизношенной монеты Тиберия более ранним временем, 16 г. н. э. датируется погребение девочки с лицевыми бусами и экземплярами из горного хрусталя, найденное в окрестностях Рима (Stout, 1985, p. 23–24).

В римском викусе, исследованном в Обервинтертуре/Oberwinterthur, три дисковидные бусины нашли рядом друг с другом в слое нивелировки 2 периода (рис. 7, 1), который принадлежит к 30-м годами I в. н. э. (Rütti, 1988, p. 91, Taf. 26, 1905–1907; Taf. 31, 1905–1907). Этим же временем датируются сферические бусы типа I по Селлинг. Хронология более точная, чем период I–III вв. н. э. у экземпляра, найденного в Аугсте/Augst, на основании сопровождающего материала невозможна (рис. 7, 3) (Riha, 1990, p. 83). Семь сферических бусин из Польши относятся к периоду B1–B2 (рис. 7, 4) (Tempelmann-Mączyńska, 1985, p. 61, Taf. 12). Анализируя магдаленбергскую сферическую лицевую бусину, автор указывает на первую половину I в. н. э. как на время изготовления (Czurda-Ruth, 1979, p. 198). Сферические бусы из Мероз с изображением длинных волос и груди датируются первой третью/серединой I в. н. э. (Stout, 1985, p. 23–25). Сферическая и две дисковидные бусины из погребения 40 кургана 5 Чертовицкого могильника относятся к I – началу II в. н. э. (рис. 7, 2) (Medvedev, 2007, Abb. 2, 34; Abb. 6, 24–26).

Подводя итоги можно сказать, что бусы типа I по Селлинг, используемые с 120 – 130-х годов до начала II в. н. э., известны относительно широко: от Египта до Южной Скандинавии (Stout, 1986, Fig. 4). В отличие от него, тип II по Селлинг, датированный с середины IV до начала V в. н. э., встречается в первую очередь в Южной Скандинавии и балтийском регионе.³³

Элементы костюма

Золотые нашивные бляшки

Одежду молодой женщины украшали 8 круглых (рис. 3, 1–8; 4, 1–8) и 10 треугольных (рис. 3, 9–18; 4, 9–18) тонких золотых бляшек, которые, вероятно, принадлежали к одной гарнитуре. Треугольные бляшки были найдены на правом предплечье и под ним, точно обрисовывая контур рукава.

³² Историю изучения бус миллефиори см.: Volkman, Theune, 2001, p. 523–525.

³³ Датировкой и распространением известных в настоящее время 23 бусин занимался Я. Бемманн в связи с погребением из Эпёла/Eröhl (Bemmann, 2006, p. 221–222, Abb. 6).

Непосредственно под бляшками находился бронзовый проволочный браслет. Нашивки на участке между тазом и предплечьем лежали в повёрнутом виде, широкой частью вверх, что может объясняться складками одежды. На основании положения находок верхняя одежда имела рукав в три четверти, который не доходил до запястья.

О длительном использовании золотых бляшек говорят не только повреждения поверхности. Почти на всех вещах видны следы ремонта, обычно у вершины треугольника. Можно предположить, что новые дырочки для пришивания были сделаны из-за повреждения пластин. Во многих случаях при прокалывании не стремились к эстетическому ремонту, их пробивали на краю пластинки криво, не параллельно друг другу, и, судя по повреждениям бляшек, вторичные дырочки делали с тыльной стороны. У двух треугольных бляшек большие отверстия сопровождаются одним-двумя маленькими. Эти многократно пробитые бляшки являются одновременно и самыми изношенными, две из них гораздо меньше остальных — вероятно, более ранние, неподдающиеся ремонту участки просто срезали. Изношенность не случайна, ведь эти бляшки украшали сторону рукава, где они подвергались наибольшему внешнему воздействию. С внутренней и с внешней стороны руки лежало по одной такой поврежденной бляшке.³⁴

Тыльная сторона бляшек добавляет данные к реконструкции одежды. Пластинки были загнуты назад на 1-2 мм, а некоторые ещё согнуты горизонтально, указывая на то, что к тыльной стороне бляшек — вероятно,

для лучшего прикрепления — подкладывали какой-то материал-наполнитель (рис. 4, 33). Их могли нашивать на кожаную пластину, но могли заполнять смолой или воском.³⁵ Подкрепление с тыльной стороны в любом случае необходимо, ведь сами по себе эти золотые пластинки толщиной в миллиметр очень хрупкие. Центральная, выдающаяся часть ребристых и круглых бляшек предполагает скорее более эластичный материал-наполнитель. В то же время, укрепляющий материал увеличивал вес, поэтому маловероятно, что они были нашиты на тонкий материал типа вуали, вероятнее, использовался более крепкий материал.

При сравнении нашивных бляшек с материалом из могильника Фюзешабонь бросается в глаза подержанность вещей из Дунакеси. Все треугольные бляшки из Фюзешабонь целы, следов ремонта не наблюдается. На вещах из Дунакеси видны следы более длительного и интенсивного использования.

Для данного периода наиболее характерны геометрические элементы в орнаментации. На восточных сарматских территориях они гораздо многочисленнее и разнообразнее (Bârcă, 2006, p. 615, Fig. 179), чем в венгерском материале, в котором доминируют бляшки в виде розеток. Круглые пластинки, орнаментированные по краям, с центральным умбоном не находят аналогий на Венгерской низменности, но имеют многочисленные, хорошо датированные параллели к востоку от Карпат.³⁶ Точные аналогии треугольных бляшек мне не удалось найти. Сама форма встречается как в венгерском,³⁷ так и в северопонтийском, и кубанском материале.³⁸

³⁴ Бляшка, найденная на краю могильной ямы в кротовине, по-видимому, была нашита с внешней стороны рукава.

³⁵ Такую технику предположил Ласло Ревес в случае штампованных золотых бляшек эпохи обретения родины венграми (Révész, 2001, p. 25–27).

³⁶ Аналогии можно привести из памятников первой половины II в. н. э. Витенешты/Vitânești (Нижнее Подунавье, Румыния) (Bârcă, 2015, Fig. 8, 6), второй половины I в. н. э. Белолесье (Украина) (Bârcă, 2006, p. 525, Fig. 27, 11–13) и Турлаки (Украина) (Bârcă, 2006, p. 587, Fig. 130, 5). Они есть также в комплексах «Золотого кладбища», датированных I – первой половиной II в. н. э. в Прикубанье, например, в Усть-Лабинском (Simonenko, Marčenko, Limberis, 2008, Taf. 87, 1) и Тифлисском (Simonenko, Marčenko, Limberis, 2008, Taf. 80, 1) могильниках.

³⁷ Кишкёреш-Вагохиди дюлэ, Шерегейеш, погребение 18 (Vágó, 2015, p. 343, V, 188), Тарнамера-Урак дюлэ/Тарнамера-Урак дүлэ, погребение 4 (Kóhegyi, 1985, p. 330), Фюзешабонь-Каштейдюлэ, погребение 60 (Vágó, 2015, p. 346, V, 199).

³⁸ Из украинских Михайловки (Bârcă, 2006, p. 553, Fig. 75) и Турлаков (Bârcă, 2006, p. 587, Fig. 130) известен мотив треугольника, разделённого по всей поверхности.

Известно, что большинство погребений «золотого горизонта» было найдено случайно, поэтому анализ отдельных типов нашивных бляшек и способ их ношения невозможен. Треугольные бляшки были найдены всего в четырех погребениях: 13 бляшек из Кишкёрёш-Вагохиди дюлэ, Шерегейеш/*Kiskőrös-Vágóhídi dúlő, Seregélyes* погребение 18 лежали между сердоликовыми бусами на предплечье, а на грудной клетке четыре бляшки-розетки (*Párducz, 1941, 22*). В погребении 60 из Фюзешабонь найдены также в комбинации с розетками, и в погребении из Дунакеси треугольные бляшки так же, как и в Фюзешабонь, лежали на предплечье. На основании сказанного можно предположить, что в месте расположения бляшек существовала определённая закономерность: треугольные украшали рукав, а горловой вырез платья — розетки и круглые бляшки.

Геометрические золотые бляшки снова появляются в костюме IV–V вв. н. э., аналогии круглым бляшкам есть, например, в комплексе IV в. из Хохфельдена/*Hochfelden (Schmauder, 2005, s. 43)*. Немногие параллели, распространённые на большой территории, не добавляют информации для определения места изготовления. Из-за постоянных переплавок золота геохимические анализы не гарантируют удовлетворительного результата. На нынешней стадии исследования место изготовления золотых украшений не локализуется (*Simonenko, Mačenko, Limberis, 2008, p. 331*).

Бытовые предметы

Пряслице

Параллели найденного на внешней стороне правой плечевой кости биконического пряслица с вогнутой нижней частью (рис. 6, 3) являются характерными находками раннего горизонта. В четырех женских погребениях из семи могил, найденных в Фюзешабонь-Каштейдюлэ, были обнаружены вещи этого же типа, в двух захоронениях так же рядом с правым плечом (*Farkas,*

2000). Несмотря на это, данный тип не может считаться хроноиндикатором, так как он присутствовал также в погребении 215 в могильнике Мако, Микоча-дюлэ/*Мако, Mikócsa-dúlő* конца IV – начала V в. н. э. (*Pópi, 2014, p. 168*). Суммируя сказанное, можно заключить, что хотя тип пряслица и не годен для датировки, но в большинстве погребений раннего горизонта мы находим именно его.

Бронзовое зеркало

С внешней стороны правой плечевой кости, непосредственно над пряслицем, было расчищено маленькое бронзовое зеркало (рис. 6, 1). По типологии Эстер Иштванович и Валерии Кульчар, оно относится к типу 2, группе немного вогнутых, гладких зеркал (*Istvánovits, Kulcsár, 1993, p. 12–13*). Анализируя сарматский материал территории между Карпатами и Днестром, В. Бырка причислил круглые и плоские зеркала к типу II, которые в данном регионе присутствуют в периоде между I в. до н. э. – I в. н. э. в большем количестве (*Bârca 2006, p. 397*).

Обычай помещения зеркал в погребения был повсеместно распространён как в степном регионе, так и в Карпатском бассейне, и в Паннонии, и в Барбарикуме. Интересно, что данный тип попадал в погребения неразбитым (*Istvánovits, Kulcsár, 1993, p. 11–12*). В венгерском материале его аналогии находят с I в. н. э. вплоть до IV–V вв. У таких зеркал нет постоянного места ни в степных погребениях (где их находят гораздо чаще), ни в Карпатском бассейне (*Istvánovits, Kulcsár, 1993, p. 15*). Так же, как и в Дунакеси, в погребении 2 могильника Юллэ/*Üllő 56*, датированного III–IV вв. н. э., зеркало положили в районе головы справа (*Dinnyés, 2001, p. 78*). Зеркало было найдено на левой плечевой кости, рядом с биконическим пряслицем в погребении памятника Будапешт, XVII район, Ракошчаба, Майор-хедь юг/*Budapest XVII. kerület, Rákocsaba, Major-hegy déli*, датированного III в. н. э. (*Maráz, 2009*).

Кувшин

Для «золотого горизонта» Венгерской низменности характерны главным образом гончарные и лепные фляги с короткой шейкой и широкими плечами (Dinnyés, 2014, Pl. 2–3). Красный кувшин из Дунакеси с расширением в нижней трети, вероятно, имеет римские прототипы. Аналогии, но с поддоном, известны с восточных территорий.³⁹ Одноручные кувшины также характерны для региона к востоку от Карпат во второй половине I в. н. э., но с более широким горлом и с поддоном (Vârcă, 2006, Fig. 155–160). Венчик кувшина из Дунакеси трудно реконструировать, так как он был отбит у места присоединения ручки, место отлома впоследствии сгладили. Таким образом, нельзя определить, какая из следующих аналогий ближе по форме: античный импортный сосуд из погребения 40 кургана 5 Чертовицкого могильника (ручка присоединяется непосредственно к венчику) (рис. 6, 6) (Medvedjev, 2007, p. 264, Abb. 5, 2) или кувшин из молдавского Ханкэуць/ Hancăuț, датированный второй половиной I в. н. э. (рис. 6, 5). Последний имеет поддон, плечо профилировано углублённой линией, венчик цилиндрически расширяется. Его размеры во многом напоминают сосуд из Дунакеси (Vârcă, 2006, Fig. 62, 8). Материал Чертовицкого кургана на Среднем Дону интересен и тем, что кроме кувшина в погребении были фаянсовая пронизь в виде льва, золотая серьга с зернью, сфе-

рические бусы из сердолика и горного хрусталя, а также дисковидная лицевая бусина (Medvedjev, 2007, p. 264–265, Abb. 5–6).

Заключение

Анализируя языгский материала Карпатского бассейна, Эстер Иштванович и Валерия Кульчар подчёркивали, что «до сих пор исследователям не удалось обрисовать территорию и период, которые могли бы считаться реальными предпосылками горизонта находок Карпатского бассейна» (Istvánovits, Kulcsár, 2006, p. 212). Это утверждение подкрепляется и материалом погребения из Дунакеси. Аналогии большому числу находок располагаются на восточной территории обитания сарматов весьма спорадически. Вещи из фаянса, не находящиеся параллелей в венгерском материале и не подвергавшихся до сих пор химическому анализу, и лицевые бусы также не дают опорных точек для определения исходной территории.

Что касается хронологии, то, как недавно указала Андреа Вадаи, нужно осторожно подходить к аналогиям с восточных территорий, поскольку в Карпатском бассейне эти вещи существовали в течение более короткого периода (Vaday, 2016, p. 762). На основании хорошо датированных вещей с восточными аналогиями, золотой серьги и, главным образом, нашивных бляшек, фаянсовой подвески в виде льва и лицевых бус, погребение из Дунакеси может относиться к концу I – началу II в. н. э.

Перевод с венгерского Валерии Кульчар

Список использованной литературы

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1975. 120 с. (САИ Вып. Г1–12)
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1978. 120 с. (САИ Вып. Г1–12).
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1982. 110 с. (САИ Вып. Г1–12)
- Воронятов С. В. Египетский фаянс на поселенческих памятниках северной периферии античного мира // Нижневолжский археологический вестник. 2011. 12. С. 95–104.

³⁹ Из Хмельницкого (погребение 8 кургана 4) был опубликован лощёный кувшин с бледно-жёлтым покрытием (Simonenko, Marčenko, Limberis, 2008, Taf. 3: 1a).

- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 479 с.
- Bârcă V. Istorie și civilizație. Sarmatații în spațiul est-Carpatic (Sec. I A. Chr. – începutul sec. II. p. Chr.) (History and civilisation. The Sarmatians in the East Carpathians region [1st century BC – beginning of the 2nd century AD]). Cluj-Napoca: Editura Argonaut, 2006. 669.p.
- Bârcă V. The reinterpretation of the Sarmatian finds from the Romanian Plain I. // Journal of Ancient History and Archaeology 2015. 2:1. P. 35–63.
- Bemmann J. Eine Völkerwanderungszeitliche Bestattung aus Epöl, Kom. Esztergom, mit Schwertriemendurchzügen skandinavischer Form // Miscellanea Romano-Barbarica in honorem septagenarii magistri Ion Ioniță oblata/ Eds. V. Mihailescu-Bîrliba, C. Hriban, L. Munteanu București: Editura Academiei Române, 2006. P. 217–246.
- Benea D. Die Römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Timișoara: Excelsior Art, 2004. 287 s.
- Czurda-Ruth B. Die römischen Gläser vom Magdalensberg// Kärntner Museumsschriften 65 – Archäologische Forschungen zu den Grabung auf dem Magdalensberg 6. Klagenfurt: Verl. d. Landesmus. f. Kärnten, 1979. 263 p.
- Dinnyés I. Vecsés 56. lelőhely (Ferihegy-dűlő) szarmata sírjai (Sarmatian graves at the Vecsés 56 site [Ferihegy-dűlő]) // Régészeti Kutatások Magyarországon 1998 (Archaeological Investigations in Hungary 1998) / Szerk. J. Kisfaludi Budapest: Kulturális Örökség Igazgatósága, 2001. P. 77–86.
- Dinnyés I. Korai szarmata sírleletek Ócsáról és Albertirsáról (Early Sarmatian grave finds: Ócsa, Albertirsa) // Múltunk a föld alatt. Újabb régészeti kutatások Pest megyében (Our past under the earth. Recent archaeological investigations in Pest Country) / Szerk. A. Rajna Szentendre: Ferenczy Múzeum, 2014. P. 95–106, 175, 227–233.
- Dobrovits A. Dobrovits Aladár válogatott tanulmányai I. Egyiptom és az antik világ / Szerk. Harmatta J. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 210 p.
- Erdrich M., Voß H.-U. Die Perlen der Germanen des 1.–5. Jahrhunderts in der Mecklenburg-Vorpommern, Schleswig-Holstein und Niedersachsen // Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen / Hrsg. U. von Freedon, A. Wiczorek. Bonn: Habelt Verlag, 1997. P. 77–93.
- Farkas Cs. Korai szarmata temető aranyleletes sírjai Füzesabony határából (Újabb adatok a szarmata kori viselet problémaköréhez) // Jazigok, roxolánok, alánok. Szarmaták az Alföldön / Szerk. P. Havassy. Gyula: Erkel Ferenc Múzeum, 1998. P. 69–81.
- Farkas Cs. Kora szarmata sírok Füzesabony határában (Füzesabony-Kastély-dűlő I.) (Frühsarmatische Gräber in der Gemarkung von Füzesabony [Füzesabony-Kastély-dűlő I.]) // A népvándorlások kutatásának kilencedik konferenciája. Eger, 1998. szeptember 18–20. Heves Megyei Régészeti Közlemények 2 / Szerk. T. Petercsák, A. Váradi. Eger: Heves Megyei Múzeumi Szervezet, 2000. P. 15–50.
- Gore R. After 2000 years of silence. The dead do tell tales at Vesuvius. National Geographic. 1984. 165:5. P. 556–613.
- Gulyás Gy. Szarmata temetkezések Abony és Cegléd környékén // Studia Comitatus. 2011. 31. P. 125–254.
- Havassy P. Katalógus // Jazigok, roxolánok, alánok. Szarmaták az Alföldön. Gyulai Katalógusok 6 / Szerk. P. Havassy. Gyula: Erkel Ferenc Múzeum, 1998. P. 67–81.
- Horváth L. A., Endrődi A., Horváth M. A., Szilas G. Óskori telepek és sírok Dunakeszi határában (Excavation of prehistoric settlements and graves in Dunakeszi) // Aquincumi Füzetek. 2005. 11. P. 197–209.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Tükrök a császárkori és a kora népvándorlás kori népeknél a Kárpát-medencében (Der Spiegel der Kaiser- und Frühvölkerwanderungszeitlichen Barbarenvölker im Karpatenbecken) // A Herman Ottó Múzeum Évkönyve. 1993. 30–31:2. P. 9–57.

- Istvánovits E., Kulcsár V. Az első szarmaták az Alföldön (Gondolatok a Kárpát-medencei jazig foglalásról) (The first Sarmatian in the Great Hungarian Plain [Some notes on the Jazygian immigration into the Carpathian Basin]) // A Jósa András Múzeum Évkönyve. 2006. 48. P. 203–237.
- Istvánovits, E., Kulcsár V. The “upper class” of the Sarmatian society in the Carpathian Basin // Macht des Goldes. Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donaauraum/ Hrsg. M. Hardt, O. Heinrich-Tamásk. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 2013. P. 195–211.
- Johnston, H. W. The private life of the Romans. Chicago: Scott, Foresman and Company, 1909. 355 p.
- Juhász I. Mázas római edény Szarvasról (Roman glazed dish from Szarvas) // A Békés Megyei Múzeumok Közleményei. 2002. 23. P. 83–97.
- Korek J. Alsónémedi történetének régészeti forrásai a honfoglalás koráig // Alsónémedi története és néprajza. / Szerk. I. Balassa Alsónémedi: Községi Tanács VB, 1980. P. 9–47.
- Korom A., Reményi L. Újabb régészeti kutatások Dunakeszi-Székesdúlón (Recent archaeological investigations at Dunakeszi-Székesdúló) // Aquincumi Füzetek. 2005. 11. P. 197–209.
- Kőhegyi M. Kora szarmata aranyeleletes női sírok az Alföldön (Frühsarmatische Frauengräber mit Goldfunden in der Grossen Ungarischen Tiefebene) // A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve. 1982 (1985). P. 267–355.
- Kőhegyi M., Vörös G. Madaras-Halmok. Kr. u. 2–5. századi szarmata temető. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 1. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszék, 2011. 597. p.
- Liu K. R. Nubian mosaic face beads. The enigma of variations // Ornament, 2014. 37: 5. P. 40–45.
- Maráz B. Császárkori települések és temetkezések. Budapest XVII. ker., Rákoscsaba, Major-hegy dél (M0 BP02 lelőhely) (Settlement and burials from the period of the Roman empire. Budapest XVII. ker., Rákoscsaba, Major-hegy South [site. no. M0 BP02]) // Régészeti kutatások Budapest peremén (Archeological Investigations on the Outskirts of Budapest) / Szerk.: A. Endrődi, G. Szilas. Budapest: Budapesti Történeti Múzeum, 2009.
- Medvedjev A. Hügelgräber und befestigte Siedlungen der sarmatischen Zeit am oberen Don // Eurasia Antiqua. 2007. 13. S. 257–284.
- Nagy M. Kora népvándorláskori sírleletek Budapest területéről (Grabfunde aus der frühen Völkerwanderungszeit im Gebiet von Budapest) // Budapest Régiségei. 2006. 40. P. 95–155.
- Oberfrank F., Rékai J. Drágakövek. Budapest: Műszaki Könyvkiadó, 1993. 231. p.
- Párducz M. A szarmatakor emlékei Magyarországon I. (Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns I) // Archaeologia Hungarica 25. Budapest: Országos Magyar Történeti Múzeum, 1941. 107 S.
- Párducz M. Szarmata sírok Tápiószelén (Sarmatian graves at Tápiószele) // Archaeologiai Értesítő. 1950. 77. P. 68–71.
- Pópity D. Szarmata temetőrészlet és ismeretlen korú sír Makó-Mikócsa-dűlőben (M43 31. lelőhely) (A Sarmatian cemetery and a grave of unknown date at Makó-Mikócsa dűlő site [Site M43 31.] // Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára (Avarum Solitudines. Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday). Opitz Archaeologica 6 – MTA BTK MÓT Kiadványok 2 / Szerk.: A. Anders, Cs. Balogh, A. Türk. Budapest: Martin Opitz Kiadó – MTA BTK MÓT, 2014. P. 161–182.
- Prassolow J. A., Skvorzov, K. On the Significance and Research Potential of the Grebieten Burial Ground: A Reconstruction of the Prewar State of Knowledge and the Prospects for Modern Research // Archaeologia Baltica. 2016. 23. P. 81–95.

- Révész L. Aranyszántás Balotán. Gazdag honfoglalás kori sírok Kiskunhalas környékén (The Golden Harvest of Balota. Rich female graves from the time of the Hungarian Conquest around Kiskunhalas). Budapest; Kiskunhalas: Magyar Nemzeti Múzeum – Thorma János Múzeum, 2001. 93 p.
- Riha E. Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst 10. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft, 1990. 245 s.
- Rütti B. Beiträge zum Römischen Oberwinterthur. Vitudurum 4. Berichte der Zürcher Denkmalpflege Monographien 5. Zürich: Orell Füssli, 1988. 336 s.
- Schmauder M. Im Brennpunkt des Geschehens: Germanische Völker an der Donau // Die Völkerwanderung. Europa zwischen Antike und Mittelalter. Stuttgart: Theiss Konrad, 2005. S. 39–49.
- Selling D. Mosaikpärlor med ansiktsmasker (Mosaikperlen mit Gesichtsmasken) // Forvännen. 1942. 37. P. 23–38.
- Schiltz V. L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe VIe siècle av. J. C. – IVe siècle apr. J. C. Paris: Findakly, 2001. 300 p.
- Spaer M. Gold-Glass Beads: A Review of the Evidence // Beads: Journal of the Society of Bead Researchers. 1993. 5. P. 9–25.
- Stawiarska T. Roman and early Byzantine glass from Romania and northern Bulgaria. Archaeological and technological study. Warsaw: Polish Academy of Sciences. Institute of Archaeology and Ethnology, 2014. 151 p.
- Stout A. M. Mosaic glass face beads: Their significance in northern Europe during the Later Roman Empire I–II. PhD dissertation, University of Minnesota. Minnesota, 1985. 190 p.
- Stout A. M. The Archaeological Context of Late Roman Period Mosaic Glass Face Beads // Ornament. 1986. 9: 4. P. 58–61, 76–77.
- Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien 25. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2008. 626 s.
- Tempelmann-Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Römisch-Germanische Forschungen 43. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1985. 432 s.
- Vaday A. Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezőcsát-Höröcsögös // Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1982–1983 (1983). 12–13. S. 167–188, 382–391.
- Vaday A. Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricum // Antaeus. 1989. 17–18. 510 s.
- Vaday A. Kazár – több korszakú régészeti lelőhely. Előzetes jelentés II. (Kazár – a multi period archaeological site. Preliminary report II) // Régészeti Kutatások Magyarországon 2005 (Archaeological Investigations in Hungary 2005) / Szerk. J. Kisfaludi. Budapest: Kulturális Örökségvédelmi Hivatal – Magyar Nemzeti Múzeum, 2006. P. 99–108.
- Vaday A. A szarmata Barbaricum határvidékén (Am Grenzengebiet des Sarmatischen Barbaricums) // Beatus homo qui invenit sapientiam. Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára / Szerk. T. Csécs, M. Takács Győr: Lekri Group, 2016. P. 757–793.
- Vaday A., Szőke Béla M. Szarmata temető és gepida sír Endrőd-Szujókeresztén (Sarmatischen Gräberfeld und gepidisches Grab on Endrőd-Szujókereszt) // Communicationes Archaeologicae Hungariae. 1983. P. 79–132.
- Vágó Á. A Kárpát-medence ősi kincsei. A Kőkortól a honfoglalásig. Budapest: Kossuth Kiadó, 2015. 528 p.

- Volkman A., Theune C. Merowingerzeitliche Millefioriperlen in Mitteleuropa // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 2001. 42. P. 521–553.
- Vörös G. Adatok a szarmatakori női viselethez (Angaben zur sarmatenzeitlichen Frauentracht) // Communicationes Archaeologicae Hungariae. 1981. P. 121–135.
- Vörös G. A ruhák aljának gyöngyözése a Madaras-Halmok szarmata temető sírjaiban (Der Perlenverzierte Saum von Bekleidungsstücken in den Gräbern des Sarmatischen Gräberfeldes Madaras-Halmok) // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve – Studia Archaeologica. 2003. 9. P. 145–150.
- Vörös G. Az alföldi jazigok hagyatékának kronológiai problémái // Múzeumi Kutatások Csongrád Megyében 2005. Szeged: Móra Ferenc Múzeum, 2006. P. 21–29.
- Zak J.: Die Glasperlen mit Gesichtsmasken und Schachbrettmustern in Nord-und Mitteleuropa // Zeitschrift für Archäologie. 1977. 11. S. 67–72.

Anita Korom

Sarmatian grave from the vicinity of Dunakeszi

Abstract

In 2004, in the site of Dunakeszi-Székesdűlő, during a preventive excavation preceding construction works of the Buy-Way shopping centre, two early Sarmatian graves were found. Both burials were oriented S-N, but otherwise there were several differences in the burial rite and find material. In the larger and deeper grave, a woman richly supplied with jewellery was buried, while in the shallow grave found 15 m north of it, only one bead came to light beside the dead buried somewhat irregularly. In the following I shortly introduce the finds of the richer burial.

The earring decorated with granulation has several parallels in Hungary, but is very rare in the eastern Sarmatian territories. The same is the situation with the lunula pendant also decorated with granulation. Bead types of the grave can be found in the North Pontic Region in large number. Spherical carnelian and rock crystal beads (the latter very rare in Hungarian material) were spread in the East in the 1st–2nd c. AD. In the Carpathian Basin, the former can be found together with disc shaped amber beads both in the early (1st–2nd c.) and in the late period's (4th–5th c.) material. The main decoration of one of the necklaces reconstructed from the beads was a faience lion bead, a type that appeared in a relatively large number in the territory between the South Bug and Siret, in the Black Sea northern littoral and in the Kuban Region in the 1st–2nd century AD.

Undoubtedly, the most interesting objects of the burials are the millefiori beads decorating the wrist. According to typochronology published by D. Selling, the face-beads from Dunakeszi can be dated to the early (1st–2nd c.) period. Parallels are widely known from Europe including the North Pontic Region and also from Egypt. On the basis of analogies this bead type can be dated to the late 1st century – early 2nd century.

The costume of the 30–35 years old woman was decorated with eight round and ten triangular thin golden spangles that can be considered to be a set. The latter were on the right forearm and under it, regularly showing the line of the dress sleeve. Based on the position of spangles, the overwear with three quarter sleeves can be reliably reconstructed. This dress was decorated with round spangles on the breast, positioned vertically.

On the basis of the objects with dating value and eastern analogies — the golden earring, and mainly the spangles, the lion shaped faience bead and face beads — we date the burial to the end of the 1st – beginning of the 2nd century AD.

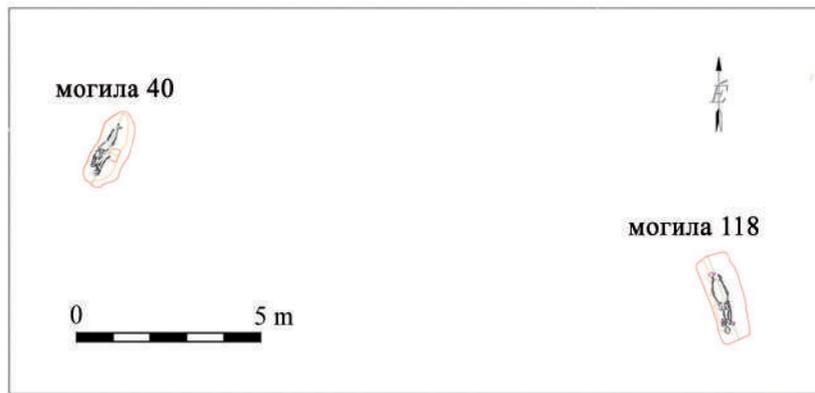
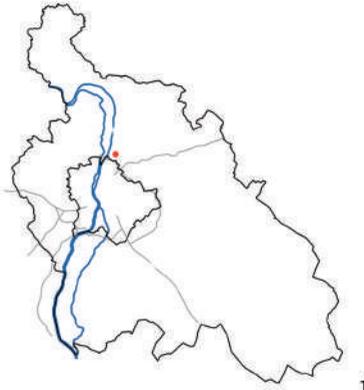
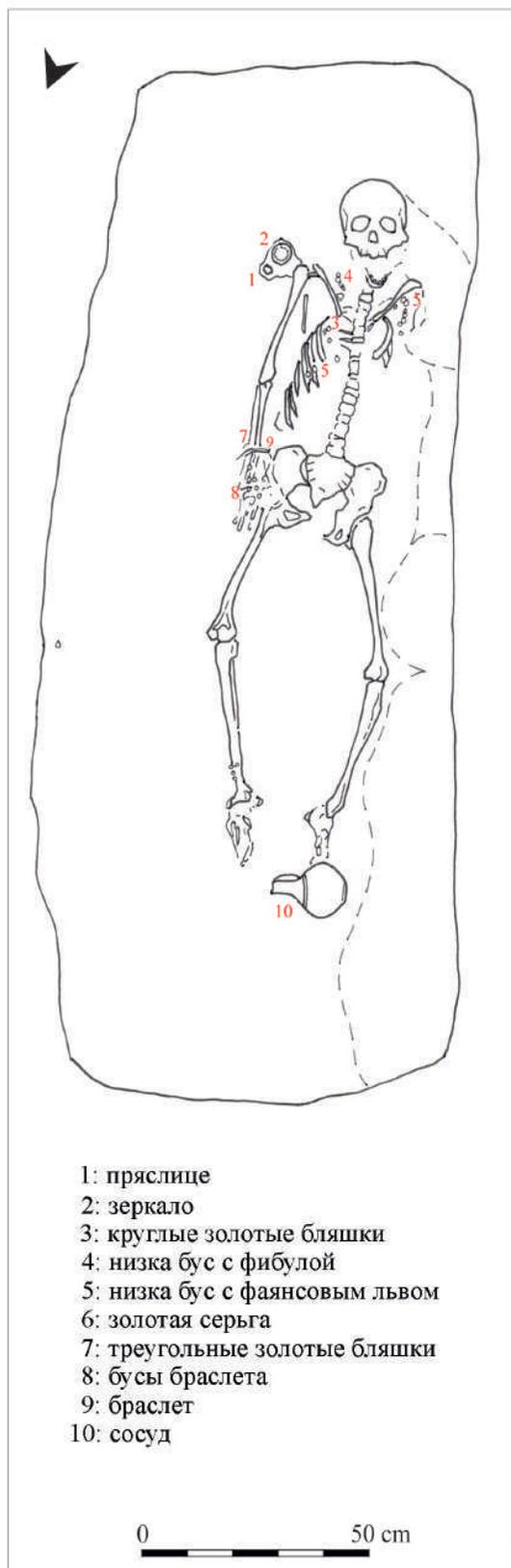
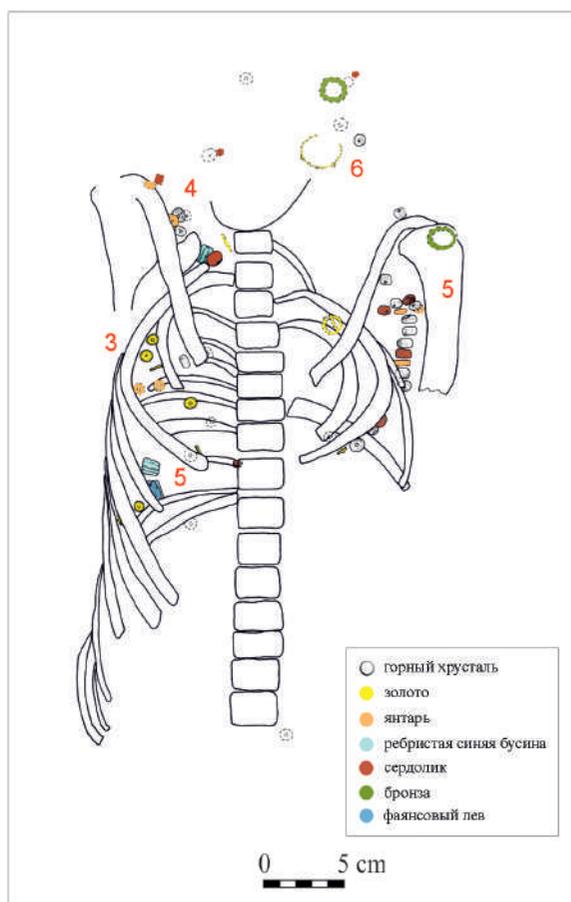

Рис 1. 1 — расположение памятника; 2 — план раскопа; 3 — погр. 40; 4 — погр. 118

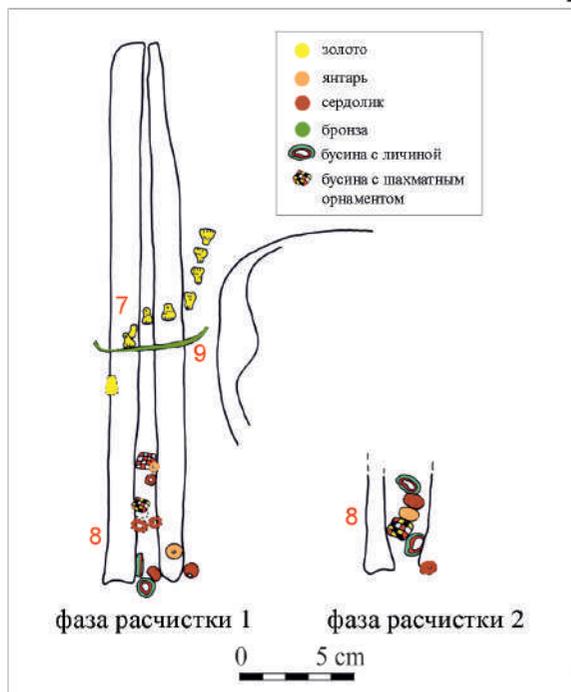

- 1: пряслице
- 2: зеркало
- 3: круглые золотые бляшки
- 4: низка бус с фибулой
- 5: низка бус с фаянсовым львом
- 6: золотая серьга
- 7: треугольные золотые бляшки
- 8: бусы браслета
- 9: браслет
- 10: сосуд

1

2

3

Рис. 2. 1 — погр. 118; 2 — деталь грудной клетки; 3 — фазы расчистки правой руки

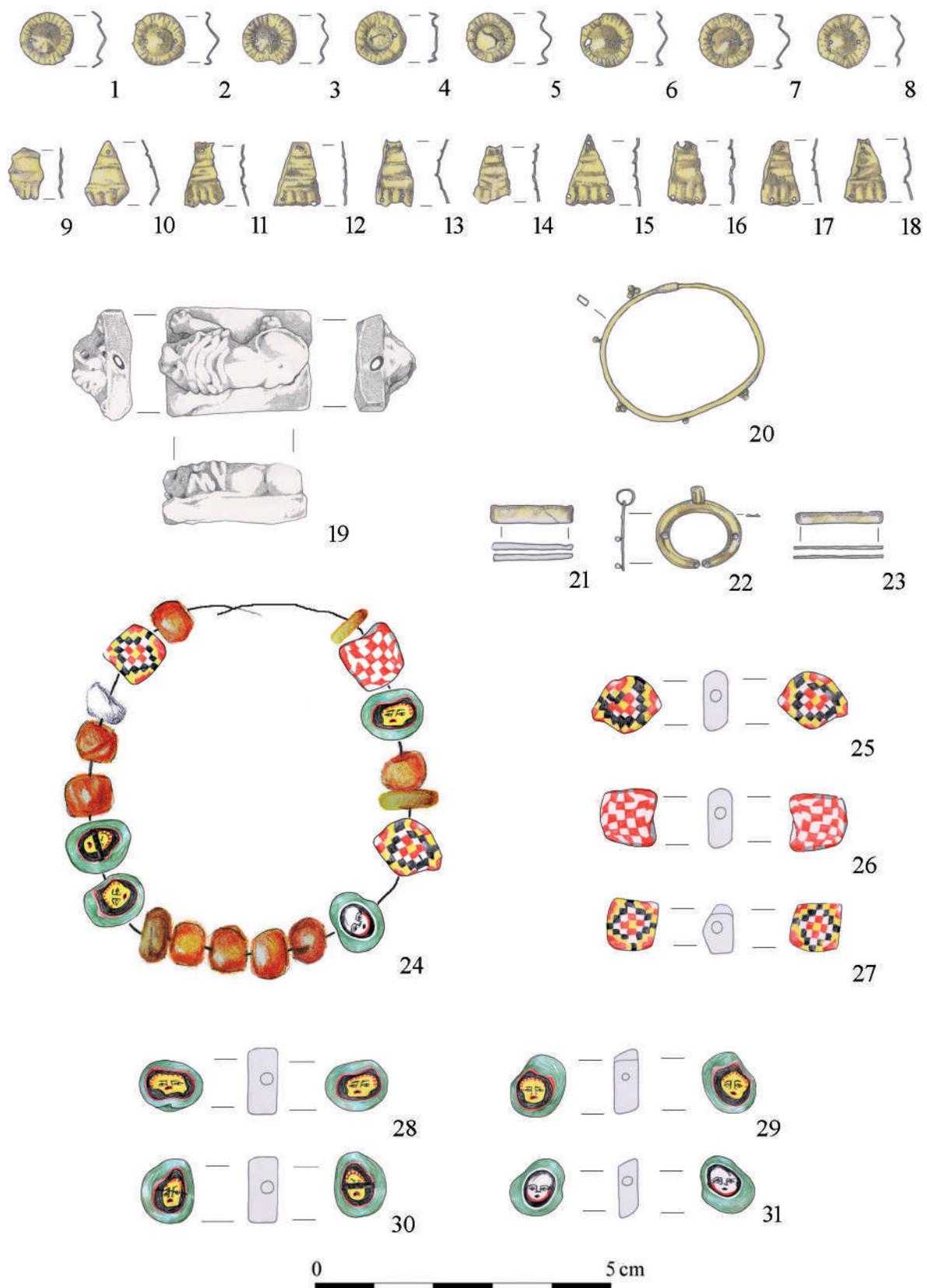

Рис. 3. Материал погр. 118. 1–8 — круглые золотые бляшки; 9–18 — треугольные золотые бляшки; 19 — фаянсовая подвеска-лев; 20 — золотая серьга; 21, 23: — стеклянные бусы с золотой прокладкой; 22 — золотая лунница; 24 — реконструкция браслета; 25–27 — бусы с шахматным орнаментом; 28–31 — лицевые бусы

Рис. 4. Материал погр. 118. 1–8 — круглые золотые бляшки; 9–18 — треугольные золотые бляшки; 19 — фаянсовая подвеска-лев; 20 — золотая серьга; 21–22 — стеклянные бусы с золотой прокладкой; 23 — золотая лунница; 24–27 — лицевые бусы; 28–30 — бусы с шахматным орнаментом; 31 — реконструкция браслета; 32 — реконструкция одежды; 33–34 — увеличенные фоторафии золотых бляшек

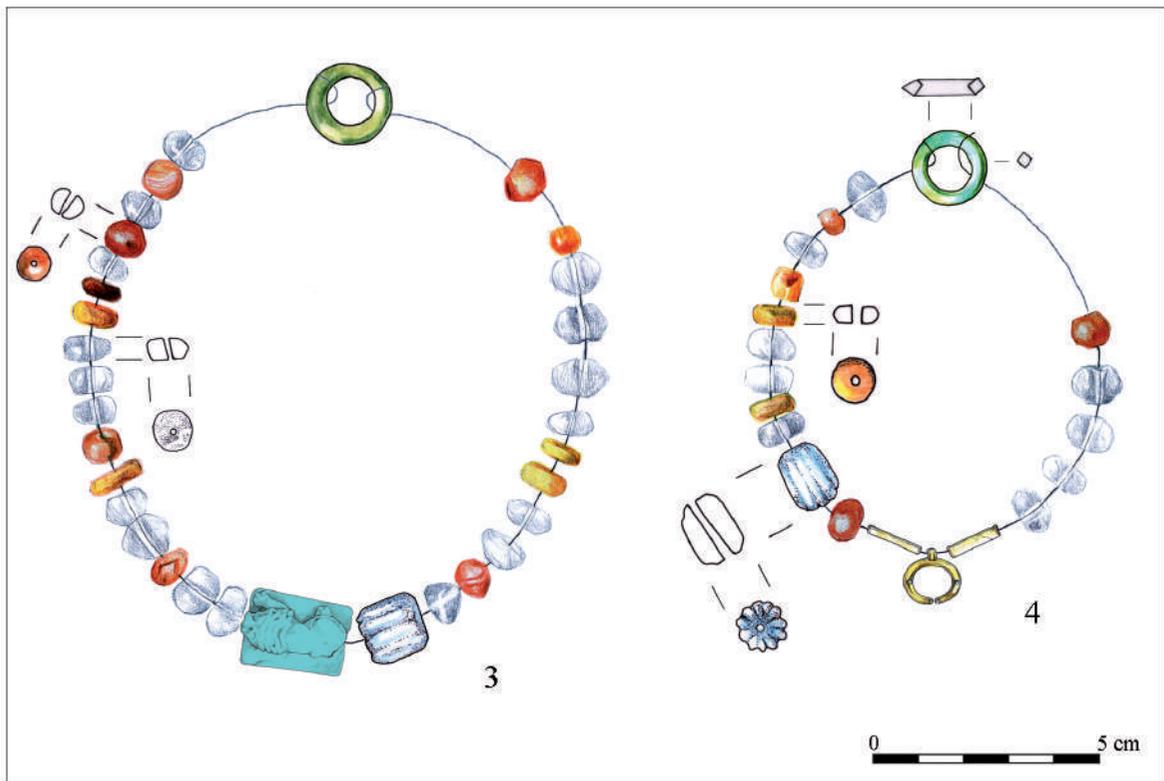

Рис. 5. 1, 3 — реконструкция длинного ожерелья; 2, 4 — реконструкция короткого ожерелья

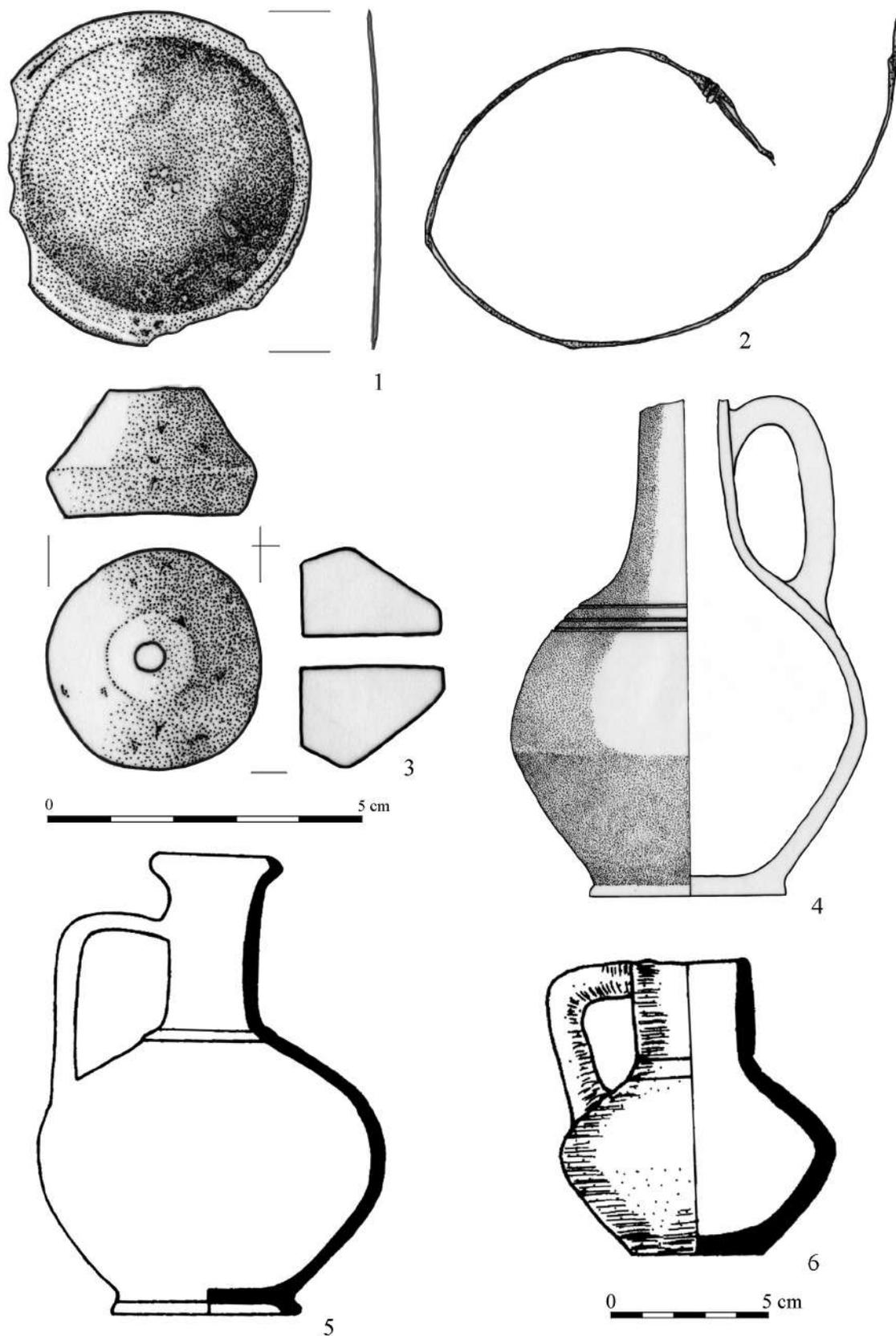
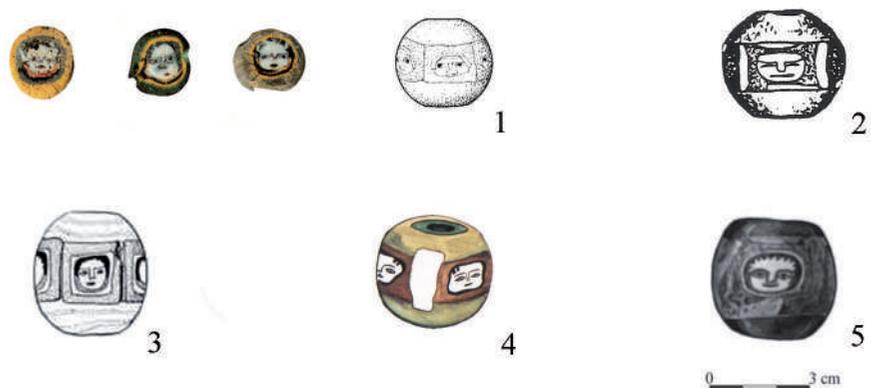

Рис. 6. 1–4: Материал погр. 118: 1 — бронзовое зеркало; 2 — бронзовый браслет; 3 — пряслице; 4 — кувшин; 5 — кувшин из Ханкэуць (по Bârcă, 2006, Fig. 62, 8); 6 — кувшин из Чертовичского могильника (по Bârcă, 2006, Fig. 218)

7

Рис. 7 Бусы типа I по Селлинг. 1 — Обервинтертур (по Rütli, 1988, Taf. 26, 1905–1908); 2 — Чертовичский могильник (по Medvedjev, 2007, Abb. 6, 26); 3 — Аугст (по Riha, 1990, 83); 4 — Любовидз/ Lubowidz (по Tempelmann Mączyńska, 1985, 61); 5 — Гребитен (по Prassolow, Skvorzov, 2016, Fig. 7a); 6 — Геркуланум (по Gores, 1984); 7 — Северное Причерноморье (по Алексеева, 1982)

1

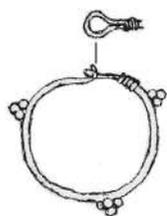
2

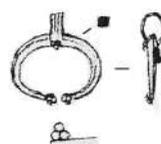
3

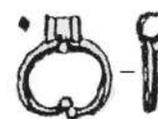
4

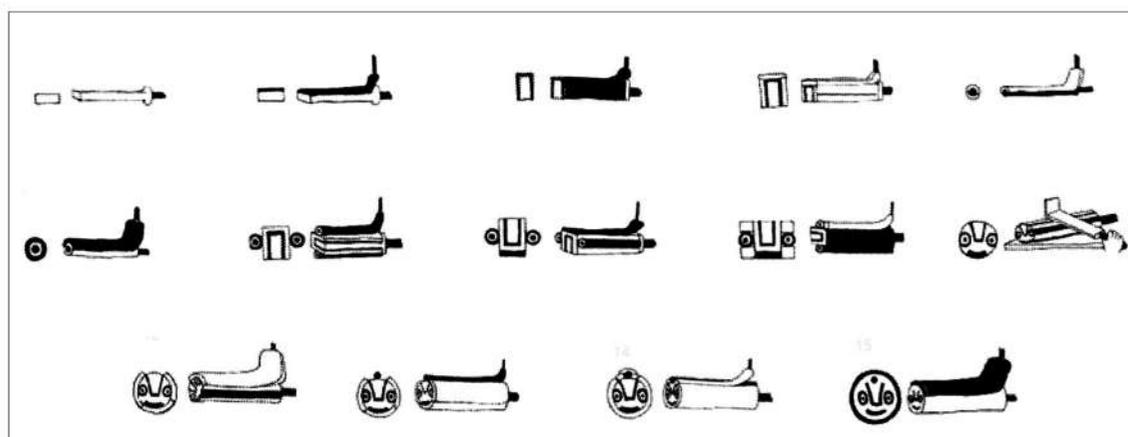
5

6

7

8

Рис. 8. 1 — украшение из Крыма (по Johnston, 1909); 2–5: серьги с грануляцией. 2 — Мокра, курган 1, погр. 10 (по Vârcă, 2006, Fig. 78, 4); 3 — Бравичень, курган 22, погр. 1 (по Vârcă, 2006, Fig. 35, 4); 4 — Чертовичский могильник I, курган 3/42 (по Medvedjev, 2007, Abb. 4, 6); 5 — Усть-Альма, погр. 618/3 (по Пуздровский, 2007, с. 151, рис. 126, 16). 6–7: подвески с грануляцией. 6 — Усть-Альма, погр. 619/3 (Пуздровский, 2007, с. 152, рис. 126, 10); 7 — Усть-Альма, погр. 772 (Пуздровский, 2007, с. 152, рис. 126, 11). 8: процесс изготовления (по Volkmann, Theune, 2001, p. 527, Abb. 1, 3a)

Рис. 9. Карта распространения лицевых бус типа I по Селлинг

- 1 — Аугст (по Riha, 1990, Taf. 36, 1170);
- 2 — Обервинтертур (по Rütli, 1988, Taf. 26, 1905–1908);
- 3 — Дунакеси; 4 — Магдаленсберг (по Czurda-Ruth, 1979, Taf. 23);
- 5 — Геркуланум (по Gores, 1984);
- 6 — Угерске Градиште/Uherské Hradiště (по Tempelmann-Mączyńska, 1985, p. 61);
- 7 — Лeжница Велка/Leżnica Wielka (по Tempelmann-Mączyńska, 1985, p. 61);
- 8 — Любовидз/Lubowidz (по Tempelmann-Mączyńska, 1985, p. 61; Stout, 1986, Fig. 16);
- 9 — Мальборк-Вельбарк/Malbork-Wielbark (по Tempelmann-Mączyńska, 1985, p. 61);
- 10 — Новы-Тарг/Nowy Targ (по Tempelmann-Mączyńska, 1985, p. 61; Stout, 1986, Fig. 17);
- 11 — Щецин/Szczecin (по Tempelmann-Mączyńska, 1985, p. 61);
- 12 — Вьюверд/Wieuwerd (по Selling, 1942, p. 26);
- 13 — Стинс/Stiens (по Selling, 1942, p. 26);
- 14 — Мероэ (по Stout, 1985, p. 286);
- 15 — Чертовицкое (по Medvedjev, 2007, Abb. 6, 26);
- 16 — Окрестности Рима (по Stout, 1985, p. 285);
- 17–19 — Пантикапей (по Stout, 1985, p. 287);
- 20 — Коваленки (по Schiltz, 2001, p. 257);
- 21 — Танаис (по Stout, 1985, p. 287);
- 22 — Гребитен (по Prassolow, Skvorzov, 2016, Fig. 7a)

Á. Buzár, Zs. Bernert

Anthropological analysis of burial 118 found at Dunakeszi-Székesdűlő

Key words: Dunakeszi-Székesdűlő, Sarmatia, anthropology, amputation, perimortem change

Ключевые слова: Дунакеси-Секеш-дюлё, Сарматия, антропология, ампутация, присмертные (вызвывшие смерть) изменения

Introduction:

The historical time-period in question.

The term Sarmatian is ethnically and anthropologically quite complex as it is a collective name for equestrian-nomadic tribes. The entire Eurasian Stepp was under their power for centuries, between the Middle East and the area of the Carpathian Basin east of the Danube.

The first significant Sarmatian warrior groups arrived in the Carpathian basin in the middle Sarmatian period (beginning of 1 A. D.), presumably the lazyges. They initially pushed forward all the way to Carnuntum, but were quickly restrained beyond the river Váh. Thereafter, they permanently settled between the Danube and Tisza rivers.

The migration of the lazyge people coincided with the migration of the Alan people to

the west, and was presumably a consequence of it. The archaeological material linking the Alans to Central Asia appeared in Volga–Don region in the 1st century A. D. The centre of the Alan people was in the Lower Don region, with the Volga forming the eastern border of their empire. In the 1st century B. C. they reached the northern coast of the Black Sea, and soon thereafter claimed power of the Kuban regions as well.

The lazyges had been enemies of the Roman Empire since their original settlement. The fighting ultimately ended with a peace accord which was also advantageous for the Sarmatians, which allowed the area east of the Danube (the Great Plane) to fall under the jurisdiction of the lazyges (Istvánovits, Kulcsár, 1998).

Related anthropological research

The results of all Sarmatian series that have undergone anthropological analysis over the last several decades is far too vast to cover here, but are detailed in the dissertation of Kinga Kocsis (Kocsis, 2011).

From the perspective of our current research, the following facts about the Sarmatians are the most important: 1. Anthropologically, the Sarmatians were quite heterogeneous, the short (brachykran) skull type being the most common. 2. The ratio of mongoloid type skulls is fairly low. 3. Artificial cranium deformation appears along with the Sarmatians in the Carpathian Basin, but its appearance is still sporadic. 4. The average height of females is 155 cm. 5. The skeletal material is in relatively bad condition, which could be related to the clothing of the deceased.

Methodology

In determining morphological sex, the anatomical character of sex dimorphism in the skull was observed: the skull 8 mandible 4 and skeletal bones 9 (Éry et al., 1963; Éry, 1992). Biological age was estimated by observing surface changes of the *facies symphysialis ossis pubis* (Todd, 1920) and the degree of ossification of skull sutures (Nemeskéri et al., 1960; Meindl–Lovejoy, 1985). The development of the sternal rib ends were also observed (Iskan et al., 1984), as well as the degree of demineralisation of inorganic material found in the roots of the remaining dentition (Lamendin et al., 1992). We also observed the degree of tooth wear in the estimation of age group (Perizonus cit. Éry, 1992; Huszár, 1976). For the recording of skull and skeletal bone measurements and indexes we used the methods of Rudolf Martin and Karl Saller (Martin, Saller, 1957). Measurements were recorded for long bones on both sides.

Results

Description of Grave Goods

The skeletal remains of the individual in grave 118 was submitted for anthropological

analysis by the archaeologist Anita Korom in the end of November 2015. Based on the rich (partly gold) grave goods, the individual buried in the grave was determined to be from the early Sarmatian period, around the end of A.D. 1.

The skeletal material was unwashed. During the washing process, a brittle ring-shaped bead with a hole drilled in the centre was found in the soil holding together the right side of the skull and mandible. The condition of the bones is generally good, it was only on the weaker surfaces of the epiphyses that hard outer layer (*substantia compacta*) of the bones were damaged. Moreover, some post-mortem trauma was found, likely from the archaeological excavations, from the storage following excavation, or from transportation. The most serious post-mortem trauma was found in the middle area of the right-side humerus, where the bone was split in half. The surfaces of post-mortem trauma are much lighter in colour than that of the bone surface. Examining the colour of the bone, traces of a green coloured patina was observed in several areas (right shoulder area, right ribs, middle of right lower arm, body of left mandible, left shoulder region). These observations coincide with artifacts mentioned in the archaeological descriptions (mirror, bracelet, bronze hoop). The amount of grave goods suggests that the examined individual was likely a respected member of the community.

The bones were registered under inventory number 2015.11.1. The skull is intact, the mandible is intact, and the skeletal bones are fragmentary.

General anthropological evaluation

Based on the morphological characteristics of the skeleton, a female was found in the grave. Both the skull and skeletal bones are obviously female, while the pelvis was found to be narrow and typically male. The limbs presented strong muscular attachments, revealing a muscular physique.

Age was estimated to be about 30–35 years old (*adultus*) based on open cranial sutures, barely worn dentition, sternal rib ends, and the

appearance of the surface of the symphysis. Stature was calculated from the length of the femur, and estimated to be 165cm.

The skull is quite short, nearly wider than it is tall. The forehead is flat, The occlusal area wide and flat. The characteristics of the face are rounded orbits (orbita), a somewhat wide nose, mild *alveolaris prognathia* and a slightly deep *fossa canina*. Based on typology, a mix between Pamirid and a mongoloid ethnic group. According to the skeletal analysis, likely of Eastern origin.

Metric data of the skull: M1:159; M5:95; M8:151; M9:100; M10:136; M11:131; M12:113; M17:128; M20:113; M23:507; M40:90; M43:105; M45:135; M46:96; M47:121; M48:72; M51:40; M52:35; M54:25; M55:55; M62:47; M63:44; M65:130; M66:99; M69:28; M70:27; M71:66.

Because of the slightly fragmentary nature of the long bone epiphyses, we were only able to measure the lengths of a small number of long bones: left clavícula: 145; right clavícula: 143; right *humerus*: 307; left *femur*: 409; right *femur*: 415

Description of Trauma

Not only is it interesting that several smaller bones are missing from this single person burial, which is fairly common, but that the entire left arm is missing, including the entire hand with all metacarpals and phalanges. The first six of the left ribs and the sternum are also missing. Usually, when grave robbing occurs the smaller bones remain in the grave, indicating that an individual occupied the grave. If the robbery occurs shortly after the time of burial, while the soft tissue is still intact, smaller bones can go missing. In this instance, we exclude this option as the shoulder region was not moved, indicating that the arm was not removed from the grave. Given the position of the clavicles, it was evident that the body was tightly wrapped as both the left and right shoulders were tied close to the body (Fig. 1, 1). It is also clear that no grave robbery occurred as the grave goods were found undisturbed and no tracks were seen. These two facts triggered the interest of

the archaeologists, and grave robbery can be excluded.

The partial absence of left long bones and ribs is mysterious, but three thin cutmarks found on the joint surface of the left scapula (6, 7, and 10 mm long), the further small cutmarks found on the outside blade of the scapula (*margo lateralis*) (Fig. 1, 2), and the broken state of the acromion process is notable. Traces of green patina were found on the surfaces of the cutmarks and the acromion process, which were caused by a bronze ring found under the left clavicle. Therefore, these injuries occurred *perimortem*. As both shoulders were tied equally tightly to the body, and earlier human intervention was seen on the scapula, we believe that the left arm was amputated before the time of death. The absence of the left side lower ribs also suggests that the amputation was the result of more serious trauma. Several unhealed fractures were observed on the left side 4th, 5th, and 6th ribs; as the surfaces of these fractures were darkened, it suggests that injury occurred a long time before death (*perimortem*). The right ribs show similar, but lighter, cutmarks, which are the result of trauma from excavation. Two small holes were found on the inner surface of the left side ilium, 22mm apart (Fig. 1, 3), which caused the bone surface to break and the broken bone fragments to press into the trabecular bone. This trauma also presents a dark surface. The two holes indicate the canines of a predatory animal, and given to the distance of the marks we suspect this was caused by a golden jackal.

Given the position of the body and both the *post-mortem* and *perimortem* trauma, we can confidently state that the woman was buried without her left arm, lower left ribs, and sternum. Of course, we cannot prove that the woman's death was caused by an animal attack, but it seems likely that before burial the left abdominal cavity, the chest cavity, and part of the left arm were torn apart by predators or scavengers.

Bibliography

- Éry K. Útmutató a csontvázletek feldolgozásához (Posztgraduális szakképzés jegyzete) (Handbook of skeletal remain's investigation [Work-book of Postgradual Education in Physical Anthropology]). Manuscript. ELTE Embertani Tanszék, kézirat. Budapest, 1992. 44pp.
- Éry K., Kralovánszky A., Nemeskéri J. Történeti népeiségek rekonstrukciójának reprezentációja// Anthropologiai Közlemények. 1963. 7. P. 41–90.
- Huszár Gy., Schranz D. A fogszuvasodás elterjedése a Dunántúlon, az újkőkortól az újkorig (Die Zahnkaries in Transdanubien von der Neolithenzeit bis cur Neuzeit)// Fogorvosi Szemle. 1976 . P. 3–38.
- Iscan M. Y., Loth S., Wright R. Age estimation from the rib by phase analysis: White Males// Journal of Forensic Sciences. 1984. 29. P. 1094–1104.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Vázlat a szarmaták sztyeppei történetéhez. //Jazigok, roxolánok, alánok. Szarmaták az Alföldön. Guulai katalógusok. / Szerk.: P. Havassy. Gyula, 1998. P. 1–32.
- Kocsis K. A római kori Barbarikum embertani kutatásainak eredményei. Szakdolgozat: ELTE Embertani Tanszék, 2011. 147 pp.
- Lamendin H., Baccino E., Humbert J. F., Tavernier J. C., Nossintchouk R. M., Zerilli A. A Simple Technique for Age Estimation in Adult Corpses: The Two Criteria Dental Method// Journal of Forensic Sciences. 1992. 37 (5). P. 1373–1379.
- Martin R., Saller K. Lehrbuch der Antropologie I. Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1957. 2947 p.
- Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral–anterior Sutures// American Journal of Physical Anthropology. 1985. 68. P. 57–66.
- Nemeskéri J., Harsányi L., Acsádi Gy. Methoden zur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden// Anthropologischer Anzeiger. 1960. 24. S. 103–115.
- Todd T. W. Age Changes in the Pubis Bone: I, The Male White Pubis. American Journal of Physical Anthropology. 1920. 3. P. 285–334.

A. Бузар, Ж. Бернерт

Антропологические анализы погребения 118 в Дунакеси-Секеш-дюлө

Резюме

Мы проанализировали одиночный женский скелет сарматского времени. Потеря левой руки в результате повреждения от грудной клетки до таза случилась незадолго до смерти (*perimortem*). Очевидные повреждения на левом плече явились результатом медицинского вмешательства. Анализ показал, что перемещение земли и ограбление могилы не являлись причинами изменений.

1

2

3

Fig. 1. Photo of the excavation (photo: László Reményi).
Fig. 2. Cut marks on the lateral border of the left scapula.
Fig. 3. Tooth marks on the anterior surface of the left pelvis

V. Mozgai, M. Szabó, Z. May, B. Bajnóczy

Handheld X-ray Fluorescence and Electron Microprobe Analyses of Gold Artefacts of an Early Sarmatian Grave, Dunakeszi–Székes–dűlő, Hungary

Keywords: Sarmatian, gold artefacts, handheld XRF, electron microprobe, granulation, reaction soldering

Ключевые слова: сарматский, золотые изделия, исследование при помощи ручного рентгено-флюоресцентного спектрометра, электронное микрозондирование, зернь, химическая пайка

Archaeological context and the analysed gold artefacts

In 2004, a single south-north oriented grave of a Sarmatian woman was found in the south-western part of the unearthed prehistoric settlement, at Dunakeszi — Székes-dűlő (Korom, Reményi, 2005, p. 207). The neckline of the dress of a woman of a noble origin or her coat was decorated with round beadlets pressed from a gold plaque, which were uncovered on the chest, while the sleeves were ornamented with triangular beadlets. A necklace of cornelian, amber and chalcedony beads was found in the region of the neck. A lunula made from a gold plaque and decorated with granules hung in the middle of the row of beads. The faience lion bead found on the chest may also be part of

this or another longer necklace. A gold earring with a granulated ornament was found under the skull beside the closed bronze ring that held together the necklace. Analogies of this type of earring can be found in early Sarmatian material (Kőhegyi, 1982, p. 267–355; Farkas, 2000, p. 15–50). The gold finds, the beads and the faience lion came from the Pontic region (Korom, in press.). The grave can be dated to the end of the 1st century – beginning of the 2nd century based on the characteristics of the jewellery (Korom, in press).

During this research, the gold earring, the gold lunula, three triangular beadlets and three round beadlets found in the grave¹ (Fig. 1) were analysed with non-destructive

analytical methods (handheld X-ray fluorescence spectrometry, hXRF and electron microprobe analysis, EPMA). The aim of the study was to determine and compare the chemical composition of the gold artefacts,

to determine the provenance of the used raw materials (primary or secondary gold deposit), and to reconstruct the used fixing methods (for the granulation and the hanger of the lunula).

Possibilities and limitations of the archaeometric investigation of gold objects

Gold is a shiny, deep-yellow, highly reflective, easily malleable and very ductile metal. With silver and platinum group elements (PGE), it comprises the group of precious metals. It can be shaped without melting or annealing, therefore it has a high value and was often used for objects of high value since prehistoric times. Since the second half of the 4th millennium, not only the placer deposits, but also the primary quartz lode deposits were mined for gold (Stöllner, Gambaschidze, Hauptmann, 2008, p. 280; Hauptmann, Klein, 2009, p. 76). Different mining, refining and decoration techniques were invented to prepare high quality gold objects. Due to the high value and rarity of gold, gold objects were often reused, recycled and remelted (Pernicka, 2014, p. 159–162).

The archaeometric investigation of gold objects, i.e. the determination of their chemical composition can have several aims: (i) to classify and compare the objects, (ii) provenance determination of the used raw material, and (iii) to determine whether the object is fake or genuine.

Gold occurs most often in the form of native gold in nature, and often forms alloys with other elements, such as silver, copper and PGE (Butterman, Amey, 2005, p. 13; Rapp, 2009, p. 147). Native gold always contains silver at least in 4–5%, however, the silver content can vary within a wide range (5–50%, natural gold-silver alloy) (Craddock, 1995, p. 111). Silver content of higher than 50% can be the result of intentional alloying. The copper content of native gold is rarely higher than 1%, copper content higher than 3% always means intentional alloy-

ing (Craddock, 1995, p. 111). The iron content of native gold never exceeds 5%.

Native gold contains only small amount of trace elements, and during melting in an oxidising atmosphere, gold will lose most of its trace element content. Intentionally or unintentionally alloying with silver or copper can change significantly the trace element composition of gold. Very accurate and precise analytical methods must be used to measure the trace element composition of gold artefacts. Due to the high value of the objects, sampling is very limited, almost impossible. It is particularly problematic in the case of trace elements, mostly present in ppm or ppb amount, which play an essential role in the provenance determination of the gold objects, such as lead, tin and PGE. Gold objects have a very low lead content (~ 1 ppm), therefore — in contrast to silver objects — the determination and interpretation of lead isotope ratios can be difficult. While the association of PGE and gold is very rare in primary vein deposits, placer gold typically contains PGE inclusions. The chemical and osmium isotopic composition of PGE inclusions can be very variable, therefore, their use for provenance determination is limited.

Several invasive or non-invasive, destructive or non-destructive analytical methods can be used to determine the chemical composition of gold objects, e.g. energy dispersive X-ray fluorescence spectrometry (ED-XRF), scanning electron microscopy (SEM), electron probe microanalysis (EPMA), atomic emission spectroscopy (AES), atomic absorption spectroscopy (AAS), particle induced X-ray emission

¹ The analysed gold artefacts are part of the Collection of the Migration Period of the Historical Museum of Budapest. The inventory number of the objects: gold earring (inv. no. 2011.2.118.10), gold lunula (inv. no. 2011.2.118.12), triangular gold beadlets (inv. no. 2011.2.118.14; 2011.2.118.16; 2011.2.118.22) and round gold beadlets (inv. no. 2011.2.118.7; 2011.2.118.8; 2011.2.118.9).

spectrometry (PIXE), neutron activation analysis (NAA), inductively coupled plasma optical or atomic emission spectrometry (ICP-OES/AES), inductively coupled plasma mass spectrometry (ICP-MS) (Meyers, 1969, p. 67–83; Hartmann, 1970; 1982; Ferreira, Gil, 1981, p. 189–199; Watling, Herbert, Delev et al., 1994, p. 205–219; Gondonneau, Guerra, 1999, p. 262–270; Guerra, Calligaro, 2003, p. 1528–1529; Guerra, Calligaro, 2004, p. 1199–1208; Guerra, 2008, p. 317–327; Standish, Dhuime, Hawkesworth et al., 2014, p. 209–211).

In this research, ED-XRF and EPMA was used. Advantage of ED-XRF is the non-destructivity and portability. However, it has a very low sensitivity with detection limits of around 500-1000 ppm, and only limitedly detects trace elements. ED-XRF measurements were supplemented with electron probe microanalysis. The electron microprobe operates analogously with scanning electron microscope (SEM), and has detection limits similar with that of XRF if an energy-dispersive spectrometer is used for analysis. The advantage of scanning electron microscope/electron microprobe is that high resolution images and element maps can be performed, and we can examine the details of the objects to reconstruct their production techniques. Back-scattered electron (BSE) images can give information about the chemical composition and orientation differences, while secondary electron (SE) images give information about the surface morphology. However, the size of the objects to be studied without sampling is limited. Both ED-XRF and SEM-EDS/EPMA are surface methods (although X-rays can penetrate deeper than electrons during excitation); therefore, we can get chemical information only from the surface of the objects. The information depth can be different for each element in different alloys. For instance, in the case of a gold alloy composed of 80% gold, 15% silver and 5% copper, the characteristic X-rays of tin derive from ~36 μm , silver from ~25 μm , lead from ~11 μm , gold from ~8.3 μm , and copper from ~5.6 μm depth in XRF measurements. In SEM-EDS/EPMA analysis, the electron beam pene-

trates into smaller depth (~5 μm) (Tate, 1986, p. 20; Blakelock, 2016, p. 914). Therefore, it is important to know whether a corrosion layer on the surface is present, which can have a different chemical composition compared to the “bulk” object. In case of gold objects, it is particularly problematic, because there is no thick corrosion layer present or visible. Pure gold is rather resistant to corrosion processes, but archaeological gold objects generally also contain other elements (silver, copper). These less noble elements can be leached out during corrosion processes, which can derive to the surface enrichment of gold. Therefore, concentrations can be up to 10 relative wt% lower in silver and 30 – 40 relative wt% lower in copper on the surface compared to the “bulk” composition of the object (Blakelock, 2016, p. 913). A possible method is to polish the surface of the object on a small area, or scrape the surface with a special tool in order to remove the upper, corroded layer and then analyse the subsurface area. The subsurface area is repeatedly scraped/polished deeper and re-analysed, until no further changes in composition are detected, indicating that the core alloy has been reached (Tate, 1986, p. 22–23; Blackelock, 2016, p. 918–919). This method can be used with difficulties in case of extremely thick (> 50 μm) surface layers (Tate, 1986, p. 22–23). The shape and geometry of the objects can also influence the precision and accuracy of the measurements, because flat, polished surfaces are required for correct analysis by both techniques. For the XRF results small changes in angle, up to $\pm 30^\circ$ from the optimum take-off angle, remain within one standard deviation of the average, and therefore are not likely to result in errors significant enough to influence qualitative surface analysis (Blakelock, 2016, p. 915). In the SEM, however, curved or tilted surfaces at angles beyond $\pm 15^\circ$ are likely to produce significantly increased errors. As the angle increases, higher silver content is measured, whereas lower angle results in lower silver content. Silver content is more influenced with this effect than copper content (Blakelock, 2016, p. 915).

Analytical methods

The objects were analysed non-destructively without any sample preparation or sampling with two different methods to determine their chemical composition. All the objects were measured with a handheld X-ray fluorescence spectrometer (hXRF) (Thermo Scientific Niton XI3t GOLDD+ type, Peltier cooling, Ag-anode, 50 kV X-ray tube, energy-dispersive, Large Drift detector (LDD) with 180 eV resolution). The concentration of the following major, minor and trace elements were determined: Au, Ag, Cu, Fe, Pd, Sn, Nb, Bi, Pb, Co, Ni, Zn, Cd, Mn, Cr and Ti. Each point was measured with two types of built-in calibration ('General Metals' and 'Precious Metals') and 40 – 45 and 60 – 90 sec acquisition time using two types of energy ('Main' and 'High'). The measured area was 3 mm (earring and lunula) and 8 mm (round and triangular beadlets) in diameter.

The results are normalised to 100%. Each triangular and round beadlets were measured in 2 points, the gold earring in 4 points, and the lunula in 3 points, respectively.

Some of the objects were also studied at high magnification using an electron microprobe (JEOL Superprobe-733 type, Oxford Instruments INCA Energy 200 type energy-dispersive (EDS) detector, 20 kV accelerating voltage, 6 nA stream) and their major element composition (Au, Ag and Cu) was also determined. Both point and area analyses (from 120 $\mu\text{m} \times 120 \mu\text{m}$ to 3 mm \times 3 mm) were performed. During quantitative analysis, the following standards were used: silver sulphide (Ag_2S), copper and gold. The acquisition time was 90 sec (point analyses) and 5 min (area analyses). Totals below 95 wt% and above 105 wt% were not evaluated.

Results

Handheld XRF analysis

All the triangular beadlets were made from high purity gold (99.2 – 99.4 wt%) (Table 1). The following minor elements were also determined: silver (0.5 wt%) and iron (0.04 – 0.09 wt%); copper is below detection limit. There are no measurable differences between the back- and the front-sides of the objects.

In comparison, the round beadlets contain less gold and more silver (81.8 – 82.3 wt% gold and 16.7 – 17.1 wt% silver) than the triangular beadlets (Table 1). Moreover, they contain 0.8 – 1.0 wt% copper, up to 0.05 wt% iron, 0.09 – 0.1 wt% bismuth and 0.02 wt% lead. There are no measurable differences between the back- and the front-sides of the objects.

The composition of the lunula is different between the front- and the back-side. The front-side has higher copper content (97.9 wt% gold, 1.9 wt% copper, silver is below detection limit), than the back-side, where silver was also detected (99.6 wt% gold, 0.03 – 0.06 wt% copper, 0.08 – 0.15 wt% silver). There is no difference in iron content between the front- and the back-side (0.14 – 0.19 wt%) (Table 1).

The earring was measured at several points (ring and granulation), and the composition was not homogeneous (Table 1). The gold content ranges between 98.0 and 99.1 wt%, the copper content is between 0.4 and 1.5 wt%. The silver and iron content is much more homogeneous (0.08 – 0.14 wt% silver, 0.26 – 0.38 wt% iron).

Electron microprobe analysis

The analyses proved the results of hXRF measurements, namely the triangular beadlets are made from high purity gold (1 wt% silver was also detected in some points), whereas the round beadlets have higher silver content (5 – 19 wt%), and one of the round beadlet also contains 0.8–1.3 wt% copper (Figs. 2, 3). Back-scattered electron images indicate that the beadlets were made by hammering, and holes were punched with a tool in order to fix them (Fig. 4, 1, 4).

The ring of the lunula was made from high purity gold, and in accordance with the hXRF measurements copper was detected only on the front-side (~1%). Composition of two granules is similar with that of the ring,

whereas the other two (upper left and lower left) contain more silver (~5 – 12 wt%) (Figs. 2, 3). The fixing method of the granulation and the hanger is well visible on the secondary and back-scattered electron images, for instance the granules and the ring are melted together at the joining points (Fig. 5, 1, 3). Copper was detected at the joining point of the hanger (0.8 – 1 wt%) and at the joining points of the granules (0.8 wt%).

Discussion

The hXRF and electron microprobe analyses of the objects show similar results, taking into consideration that both techniques are surface analytical methods and no sample preparation was performed. The round beadlets were made from a different gold alloy with higher silver content (17 wt% silver based on the hXRF analyses) than the other objects, which were made from high purity gold (>98 wt% gold). The ring and some of granules on the lunula show different compositions, two of the granules contain more silver (5 – 12 wt% based on EPMA). However, the ring and the granules of the earring show no differences in composition.

A very low amount of silver (typically ≤ 0.5 wt%) was detected in the triangular beadlets, in the ring and two of granules of the lunula and in the earring. The very low amount of silver in these objects differs from the silver content of natural gold alloy (5 – 50%) indicating the possible use of refining processes (cementation (salt process or sulphur process) or perhaps amalgamation) used to remove the silver content of gold (Tylecote, 1962, p. 2–7; Forbes, 1971, p. 173–181; Craddock, 1995, p. 115–119, 285; Ramage, Craddock, 2000, p. 27–53, 175–183, 200–211, 233–235). Although round beadlets with higher silver content fits into the compositional range of natural gold, further analyses are needed to determine whether their composition is due to natural or intentional alloying.

The earring was also made from high purity gold; the composition of the granules is same with that of the ring (Figs. 2, 3). The granules and the ring are melted together at their joining points (Fig. 5, 5, 6). At the joining points of the granules 1–1.5 wt% copper was detected.

No PGE inclusions were observed in the objects.

The absence of PGE inclusions in the analysed gold objects can be interpreted as (i) gold used did not come from placer deposits, or (ii) gold came from placer deposits, which do not contain PGE grains, or (iii) gold was selected by hand-sorting, therefore no PGE grains were sorted into the ore concentrate (Ogden, 1977, p. 70).

In the round beadlets and on the front-side of the lunula, 0.8 – 1.9 wt% copper was detected by handheld XRF analysis. This low copper content does not change either the physical properties or the colour of the objects; therefore, it is supposed to be an unintentional contamination. On the one hand, natural gold can contain copper (rarely more than 1%), on the other hand, copper minerals occur with gold in placers, therefore during panning they can also enter the ore concentrate (Pernicka, 2014, p. 159–162). On the back-side of the lunula less copper was detected (below detection limit or ~ 1 wt% based on EPMA) than on the front-side. The reason of the difference can be (i) the selective corrosion, which could have removed copper from the back-side, or (ii) copper from copper solder used to fix the granulation on the front-side (see below), or (iii) the analytical geometry (curvature of the front-side).

Native gold and cassiterite (tin oxide) can also occur together in placers; therefore, tin content of gold objects could indicate the placer origin of gold. No tin content was detected in

the analysed gold objects suggesting the use of primary vein gold. However, origin of gold from placers cannot be excluded with confidence as tin can be removed from gold during melting in an oxidising atmosphere (Lehmann, Fellenger, Vogt, 2014, p. 242 – 244; Leusch, Pernicka, Armbruster, 2014, p. 170).

Scientific papers about the chemical composition of Sarmatian gold objects are rare according to our knowledge. Chemical composition of 17 gold objects from a Late Sarmatian (2nd – 3rd century AD) burial from Pokrovka (Southern Russia) was determined using ICP-OES and ICP-MS methods (Hall, Brimmer, Li et al., 1998, p. 545). The objects exhibited lower gold content (84.0 – 94.1%) and higher copper content (1.95 – 5.94%) with a silver content of 0.20 – 7.51 %, than the objects from Dunakeszi. Four different gold alloys were determined in the objects from Pokrovka. Two of them were interpreted as results of intentional alloying based on their elevated (> 3%) copper content. Based on the PGE content, gold of two objects could have been derived from the Ural Mountains (Hall, Brimmer, Li et al., 1998, p. 548–551).

The lunula and the earring is decorated with granulation. This decoration technique was widely used in the Mediterranean, the highest quality was reached by the Etruscans (Wolters, 1981, p. 119; Guerra, 2008a, p. 479–489; Rastrelli, Miccio, Troalen et al., 2009, p. 357–364; Nestler, Fomigli, 2010). The earliest object decorated with granulation is known from Ur (2560 – 2500 BC). Although it was mainly used to decorate gold objects, in some cases silver (Syria, 2370 – 2200 BC; Greece, Central- and Northern-Europe, from the 7th until the 12th centuries AD) and copper objects (Spain, 15th century AD) were also decorated with granulation (Wolters, 1981, p. 120).

The size of the granules is variable. The smallest known granules (Etruscan dust granulation) are 0.14 mm in diameter, whereas the largest ones are several mm in diameter (Avarian work from Hungary, 9th century AD) (Wolters, 1981, p. 120). The lunula (Fig. 5, 1, 2) and the earring (Fig. 5, 5, 6) are decorated with granules 1 – 1.5 mm in diameter. Many types of granulation are known: separate or point granulation, linear granulation, massed or field granulation, cluster or grape-like granulation. The lunula and the earring are decorated with point granulation. The formal diversity of granulation technique raises several technical problems: how were the small granules made in such a high quantity; how were they placed onto the object and how were they soldered to the surface? Based on their joining methods, the granulation decoration of different cultures and periods can be grouped into two groups: (i) granulations with clearly recognizable traces of solder alloys ('metallic' solders; gold–silver–copper alloys) at the joining points;² and (ii) granulations with no remnants of solder alloys.³ 'Non-metallic' (colloidal) solders were used in the latter type (Wolters, 1981, p. 125–127). Based on the analysis of archaeological objects and the results of modern experimental works, it was presumably prepared as follows: copper compounds [malachite ($\text{Cu}_2\text{CO}_3(\text{OH})_2$); azurite ($\text{Cu}_3(\text{CO}_3)_2(\text{OH})_2$); copper oxides (mixture of cuprite, Cu_2O and tenorite, CuO); verdigris (copper–acetate–pentahydrate, $\text{Cu}(\text{CH}_3\text{CO}_2)_2 \times 5\text{H}_2\text{O}$); vitriol (copper–sulphate–pentahydrate, $\text{CuSO}_4 \times 5\text{H}_2\text{O}$); copper-hydroxide ($\text{Cu}(\text{OH})_2$)] were mixed with organic glue (e. g. animal glue, tragacanth, fish glue, gum arabic) and water, then the granules were fixed with this mixture. Then the object was heated on charcoal bed, which ensured reducing environment. The organic material burnt away

² Egypt of the Middle Kingdom era (1910 BC); Iran since the end of the Parthian period (1st to 2nd centuries AD); prehistoric northern and central Europe (6th century BC to 4th century AD); Imperial Rome (2nd to 3rd centuries AD); Byzantium (3rd to 11th centuries AD); northern Europe of the Migration Period (4th to 7th centuries AD); central and southern Europe (from medieval times onwards) (Wolters, 1981, p. 122).

³ Mesopotamia since the period of the earliest dynasties (2500 BC); Syria (from 2370 BC onwards); Troy IIg (2350 to 2100 BC); Transcaucasia (from 2128 BC); Egypt since the Middle Kingdom (1800 BC); Crete subsequent to the Middle Minoan Stage IB (1800 BC); Palestine since the middle of the Bronze Age (1625 BC); Iran (after the 16th century BC); Greece since early Mycenaean times (1600 BC); Cyprus (after 1550 BC); Etruscan work since the First Phase (700 BC) (Wolters, 1981, p. 122, 124).

in the form of carbon dioxide, and the copper compounds were reduced to metallic copper. Copper formed alloy with gold, via his process the granules were fixed to the base (Maryon, 1949, p. 110–113; Untracht, 1968, p. 202–207; Wolters, 1981, p. 124–127; Oberfrank, 1986, p. 30–32; Guerra, Calligaro, 2003, p. 1530–1531). The small amount of copper (0.8–1.5 wt%) and the lack of silver at the joining of the granulation of the lunula and the earring rather indicates the use of ‘non-metallic’ solders.

During preparation of ancient gold objects, the following three soldering techniques could be used: (i) joining without solder; (ii) hard soldering by diffusion bonding (reaction soldering); (iii) brazing (Duval, Eluere, Hurltel, 1989, p. 5–13; Guerra, Calligaro, 2003, p. 1529–1530; Troalen, Guerra, Tate et al.,

2009, p. 116–117; Lemasson, Moignard, Pacheco et al., 2015, p. 283–284). The copper content (0.8–1 wt%), detected at the joining point of the hanger of the lunula, indicates the use of reaction soldering (in case of brazing, higher copper and silver content should be measured). The hanger was later soldered to the object, and not cast together. The used method is very similar to the joining method of granulation. For soldering copper salts (malachite or azurite powder) were used, which were mixed with flux (mainly borax). This mixture was applied onto the surface, and after that the object was heated with care not to melt the joining parts (Maryon, 1949, p. 107–115; Untracht, 1968, p. 172–173, Oberfrank, 1986, p. 28–29; Raub, 1996, p. 27–30; Guerra, Calligaro, 2003, p. 1529–1530).

Conclusion

The objects were made from high purity gold (>98 wt%), except the round beadlets and the two granules on the lunula, which were made from gold alloys with higher silver content (up to 17 wt% silver). At the joining points of the hanger of the lunula and the granulation of the lunula and the earring, copper salts (so-called reaction soldering) were probably used.

Based on the absence of tin and PGE inclusions, primary vein gold or alternatively secondary placer gold without PGE grains was used to prepare the objects. If the objects were not made from reused gold, trace element and lead isotopic measurements performed by LA-ICP-MS technique would be needed to determine the provenance of gold.

Table 1. Chemical composition of the gold objects measured by handheld X-ray fluorescence spectrometer (weight%; <LOD: below level of detection)

Measurement point	Spot size	Au	Ag	Cu	Fe	Sb	Sn	Bi	Pb	Zn
2011.2.118.22 (triangular beadlet)										
front	8 mm	99.22	0.54	0.01	0.08	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
back	8 mm	99.40	0.54	<LOD	0.04	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
2011.2.118.14 (triangular beadlet)										
front	8 mm	99.39	0.53	<LOD	0.08	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
back	8 mm	99.39	0.55	<LOD	0.04	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
2011.2.118.16 (triangular beadlet)										
front	8 mm	99.38	0.56	<LOD						
back	8 mm	99.37	0.54	<LOD	0.09	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
2011.2.118.9 (round beadlet)										
front	8 mm	82.29	16.74	0.82	0.05	<LOD	<LOD	0.09	0.02	<LOD
back	8 mm	82.27	16.79	0.85	<LOD	<LOD	<LOD	0.09	0.02	<LOD
2011.2.118.8 (round beadlet)										
front	8 mm	81.92	16.99	0.97	<LOD	<LOD	<LOD	0.10	0.02	<LOD
back	8 mm	81.82	17.02	1.05	<LOD	<LOD	<LOD	0.10	0.02	<LOD
2011.2.118.7 (round beadlet)										
front	8 mm	81.87	17.04	0.97	0.03	<LOD	<LOD	0.09	0.02	<LOD
back	8 mm	81.75	17.12	1.00	0.04	<LOD	<LOD	0.09	0.02	<LOD
2011.2.118.12 (lunula)										
front	3 mm	97.93	<LOD	1.86	0.14	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
back, point 1	3 mm	99.61	0.15	0.03	0.17	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
back, point 2	3 mm	99.67	0.08	0.06	0.19	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
2011.2.118.10 (earring)										
granulation	3 mm	98.51	0.10	1.03	0.35	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
ring	3 mm	99.14	0.11	0.40	0.26	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
ring	3 mm	97.98	0.14	1.50	0.38	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
granulation	3 mm	98.26	0.08	1.41	0.26	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD

Bibliography

- Blakelock E. S. Never judge a gold object by its surface analysis: a study of surface phenomena in a selection of gold objects from the Staffordshire Hoard // *Archaeometry*. 2016. Vol. 58(6). P. 912–929.
- Butterman W. C., Amey III E. B. Mineral commodity profiles — Gold. Reston, Virginia. Open File Report 02-303. USGS. 2005. 72 p.
- Craddock P. T. Early metal mining and production. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1995. 363 p.
- Duval A. R., Eluere C., Hurtel L. P. Joining techniques in ancient gold jewellery // *Jewellery Studies*. 1989. Vol. 3. P. 5–13.
- Farkas Cs. Kora szarmata sírok Füzesabony határában (Füzesabony-Kastély dűlő I.) // *Heves Megyei Régészeti Közlemények* 2. Eger, 2000. P. 15–50.
- Ferreira G., Gil F. B. Elemental analysis of gold coins by PIXE // *Archaeometry*. 1981. Vol. 23(2). P. 189–199.
- Forbes R. J. Studies in ancient technology Volume VIII — Metallurgy in Antiquity. Part 1.: Early metallurgy, the smith and his tools; gold, silver and lead, zinc and brass. Leiden: E. J. Brill, 1971. 253 p.
- Gondonneau A., Guerra M. F. The analysis of gold by ICP-MS with a UV laser. Application to the study of the gold currency of the Muslim West Africa. // Young S., Pollard A., Budd P., Ixer R.A. *Metals in Antiquity*. 1999. Vol. 792. P. 262–270. (BAR International Series).
- Guerra M. F. An overview on the ancient goldsmith's skill and the circulation of gold in the past: the role of X-ray based techniques // *X-ray Spectrometry*. 2008. Vol. 37. P. 317–327.
- Guerra M. F. Etruscan gold jewellery: genuine, restored or pastiche? // Rovira Llorens S., García-Heras M., Gener Moret M., Montero Ruiz I.: *Actas del VII Congreso Ibérico de Arqueometría*. Madrid (Quadro-CSIC), 2008. P. 479–489.
- Guerra M. F., Calligaro T. Gold cultural heritage objects: a review of studies of provenance and manufacturing technologies // *Measurement Science and Technology*. 2003. Vol. 14. P. 1527–1537.
- Guerra M. F., Calligaro T. Gold traces to trace gold // *Journal of Archaeological Science*. 2004. Vol. 31. P. 1199–1208.
- Hall M. E., Brimmer S. P., Li F.-H., Yablonsky L. ICP-MS and ICP-OES studies of gold from a Late Sarmatian burial // *Journal of Archaeological Science*. 1998. Vol. 25. P. 545–552.
- Hartmann A. Prähistorische Goldfunde aus Europa. II. Spektralanalytische Untersuchungen und deren Auswertung. Studien zu den Anfängen der Metallurgie 3. Berlin: Mann, 1970. 129 p.
- Hartmann A. Prähistorische Goldfunde aus Europa. II. Studien zu den Anfängen der Metallurgie 5. Berlin: Mann, 1982. 155 p.
- Hauptmann A., Klein S. Bronze Age gold in Southern Georgia // *ArchéoSciences, revue d'archéométrie*. 2009. Vol. 33. P. 75–82.
- Korom A., Reményi L. Újabb régészeti kutatások Dunakeszi-Székesdűlőn (Recent archaeological investigations at Dunakeszi-Székesdűlő) // *Aquincumi Füzetek*. 2005. Vol. 11. P. 197–209.
- Korom A. Kora szarmata női sír Dunakeszi határából (Ein frühsarmatisches Frauengrab in der Gemarkung von Dunakeszi [Kom. Pest]) // *Relationes rerum. Tanulmányok Nagy Margit születésnapja alkalmából*. Budapest (in press)
- Kőhegyi M. Kora szarmata aranyleletes női sírok az Alföldön // *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve* 1982. 1985. P. 267–355.

- Lehmann R., Fellenger D., Vogt, C. Modern metal analysis of Bronze Age gold in Lower Saxony by using laser ablation mass spectrometry (ns-LA-ICP-QMS and fs-LA-ICP-MCMS) and portable X-ray fluorescence (pXRF) // Meller H. H., Risch R., Pernicka E. *Metalle der Macht — Frühes Gold und Silber / Metals of power — Early gold and silver*. 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle (Saale) / 6th Archaeological Conference of Central Germany, October 17 – 19, 2013 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseum für Vorgeschichte Halle. 2014. Band 11/I. P. 237–246.
- Lemasson Q., Moignard B., Pacheco C., Pichon L., Guerra M. F. Fast mapping of gold jewellery from ancient Egypt with PIXE: Searching for hard-solders and PGE inclusions // *Talanta*. 2015. Vol. 143. P. 279–286.
- Leusch E., Pernicka E., Armbruster B. Chalcolithic gold from Varna — Provenance, circulation, processing and function // Meller H. H., Risch R., Pernicka, E. *Metalle der Macht — Frühes Gold und Silber / Metals of power — Early gold and silver*. 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle (Saale) / 6th Archaeological Conference of Central Germany, October 17 - 19, 2013 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseum für Vorgeschichte Halle. 2014. Band 11/I. P. 165–182.
- Leuser J. Über die Besonderheiten der Edelmetalllegierungen im Schmuckgewerbe // *Metall*. 1949. Vol. 3. P. 105–110.
- Maryon H. Metal working in the Ancient World // *American Journal of Archaeology*. 1949. Vol. 53(2). P. 93–125.
- Meyers P. Non-Destructive Activation Analysis of ancient coins using charged particles and fast neutrons // *Archaeometry*. 1969. Vol. 11(1). P. 67–83.
- Nestler G., Fomigli E. *Etruscan granulation. An ancient art of goldsmithing*. Brunswick (Maine): Brynmorgen Press, 2010. 96 p.
- Oberfrank F. *Az aranyművesség története*. Budapest: Műszaki Könyvkiadó, 1986. 124 p.
- Ogden J. M. Platinum group metal inclusions in ancient gold artifacts // *Journal of the Historical Metallurgy Society*. 1977. Vol. 11(2). P. 53–72.
- Pernicka E. Possibilities and limitations of provenance studies of ancient silver and gold // Meller H. H., Risch R., Pernicka E.: *Metalle der Macht — Frühes Gold und Silber / Metals of power — Early gold and silver*. 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle (Saale) / 6th Archaeological Conference of Central Germany, October 17 – 19, 2013 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseum für Vorgeschichte Halle. 2014. Band 11/I. P. 153–164.
- Ramage A., Craddock P. T. *King Croesus' gold. Excavations at Sardis and the history of gold refining*. London: British Museum Press, 2000. 272 p.
- Rapp G. *Archaeomineralogy*. Berlin;Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 348 p.
- Rastrelli A., Miccio M., Troalen L. G., Martínón-Torres M., Guerra M. F., Siano S., Sumbera A., Vitobello M. L. Modern and ancient gold jewellery attributed to the Etruscans: a science-based study // *ArchéoSciences, revue d'archéométrie*. 2009. Vol. 33. P. 357–364.
- Raub C. J. Reaction soldering with copper on an Early Medieval disc brooch from Germany // *Gold Bulletin*. 1996. Vol. 29(1). P. 27–30.
- Standish C. D., Dhuime B., Hawkesworth C. J., Pike A. W. G. New insights into the source of Irish Chalcolithic and Early Bronze Age gold through lead isotope analysis // Meller H. H., Risch R., Pernicka, E.: *Metalle der Macht — Frühes Gold und Silber / Metals of power — Early gold and silver*. 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle (Saale) / 6th Archaeological Conference of Central Germany, October 17 – 19, 2013 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseum für Vorgeschichte Halle. 2014. Band 11/I. P. 209–222.

- Stöllner T., Gambaschidze I., Hauptmann A. The earliest gold mining of the Ancient World? Research on an Early Bronze Age gold mine in Georgia // Yalcin Ü., Özbal H., Paşamehmetoğlu A. G. Ancient Mining in Turkey and the Eastern Mediterranean. International Conference AMITEM. Ankara, 2008. P. 271–288.
- Tate J. Some problems in analysing museum material by nondestructive surface sensitive techniques // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. 1986. Vol. B14. P. 20–23.
- Troalen L. G., Guerra M. F., Tate J., Manley B. Technological study of gold jewellery pieces dating from the Middle Kingdom to the New Kingdom in Egypt // ArchéoSciences, revue d'archéométrie. 2009. Vol. 33. P. 111–119.
- Tylecote R. F. Metallurgy in Archaeology. London: Edward Arnold Publishers, 1962. 384 p.
- Untracht O. Metal Techniques for Craftsmen — A Basic Manual on the Methods of Forming and Decorating Metals. New York: Doubleday, 1968. 509 p.
- Watling R. J., Herbert H. K., Delev D., Abell I. D. Gold fingerprinting by laser ablation-inductively coupled plasma-mass spectrometry // Spectrochimica Acta. 1994. Vol. 49(B-2). P. 205–219.
- Wolters J. The ancient craft of granulation — A re-assessment of established concepts // Gold Bulletin. 1981. Vol. 14(3). P. 119–129.

V. Mozgai, M. Szabó, Z. May, B. Bajnóczy

Исследование золотых изделий из раннесарматского погребения в Дунакеси-Секеш-дюлё, Венгрия с использованием ручного рентгено-флюоресцентного спектрометра и электронного микрозонда

Резюме

В настоящей работе представлены результаты вещественного анализа золотых изделий, найденных в раннесарматском женском погребении из Дунакеси-Секеш-дюлё (Венгрия). Основной целью археометрического исследования было определение химического состава золотых изделий и его сравнительный анализ, чтобы тем самым определить тип использованной золотосодержащей руды (коренная жила или аллювиальные золотые россыпи) и реконструировать технологии, использованные при фиксации отдельных элементов на изделиях. Три круглые бляшки, три треугольные бляшки, лунница и золотая серьга исследовались по неразрушающей технологии с помощью ручного рентгено-флюоресцентного спектрометра (hXRF) и электронного микрозонда (EPMA).

Большая часть вещей сделана из золота очень высокой пробы (> 98 % весовых), за исключением круглых бляшек и двух гранул на луннице, которые сделаны из золотых сплавов с более высоким содержанием серебра (до 17% весовых). Очень низкое содержание серебра (< 0,5% весовых) у большинства изделий может указывать на использование обогатительных процессов (с применением соли или серы, или, возможно, амальгамирования). Низкое содержание меди (0,8–1,9 % весовых) не привело к изменению ни физических свойств, ни цвета изделий, а потому можно предположить, что это – результат непреднамеренного загрязнения. Включений элементов платиновой группы (PGE) или олова в изучаемых вещах не обнаружено, что указывает на вероятное происхождение золота из коренных жил или же, в другом варианте, из аллювиальных золотых россыпей, не включавших зерна элементов платиновой группы. Для фиксации крепления лунницы и зерни на ней и на сережке, возможно, использовались медьсодержащие соли (так называемая химическая пайка).

Fig. 1. The analysed gold artefacts. 1–3 — round beadlets; 4–6 — triangular beadlets; 7 — lunula; 8 — earring (photo: Csilla Tóth)

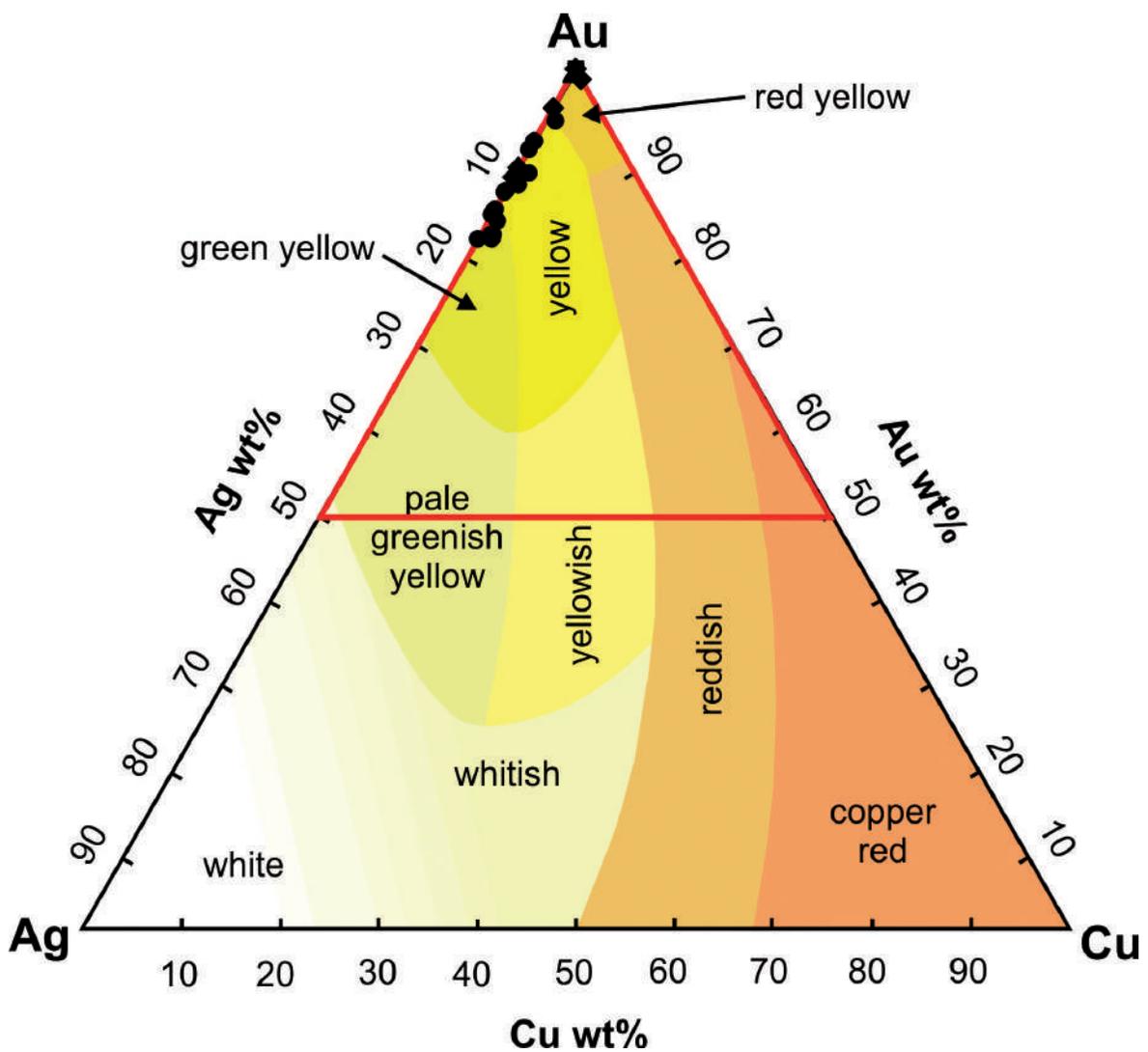

Fig. 2. Chemical composition of gold artefacts plotted in the gold–silver–copper triangular diagram based on the electron microprobe analyses (black signs, consistent with Fig. 3). The colouring indicates the colours of various gold–silver–copper alloys (after Leuser, 1949). The red triangles indicate the range of triangular diagrams on Fig. 3

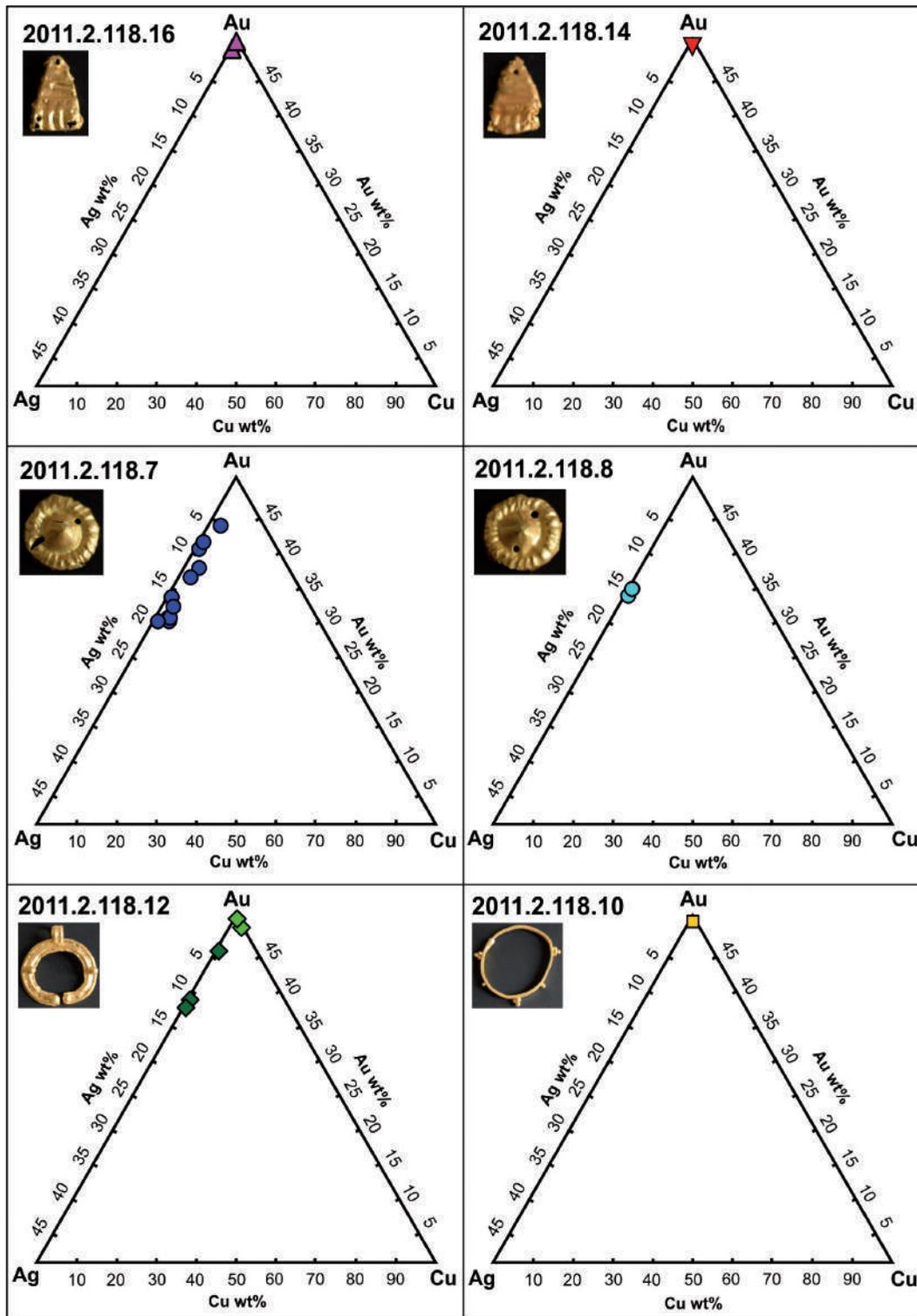

Fig. 3. Chemical composition of the gold artefacts plotted in the gold–silver–copper triangular diagram based on the electron microprobe analyses. In the diagram of the lunula, lighter colour indicates the composition of the ring, while darker colour indicates the chemical composition of granules with higher silver content. The chemical compositions of the joining points of the granules and hanger are not plotted

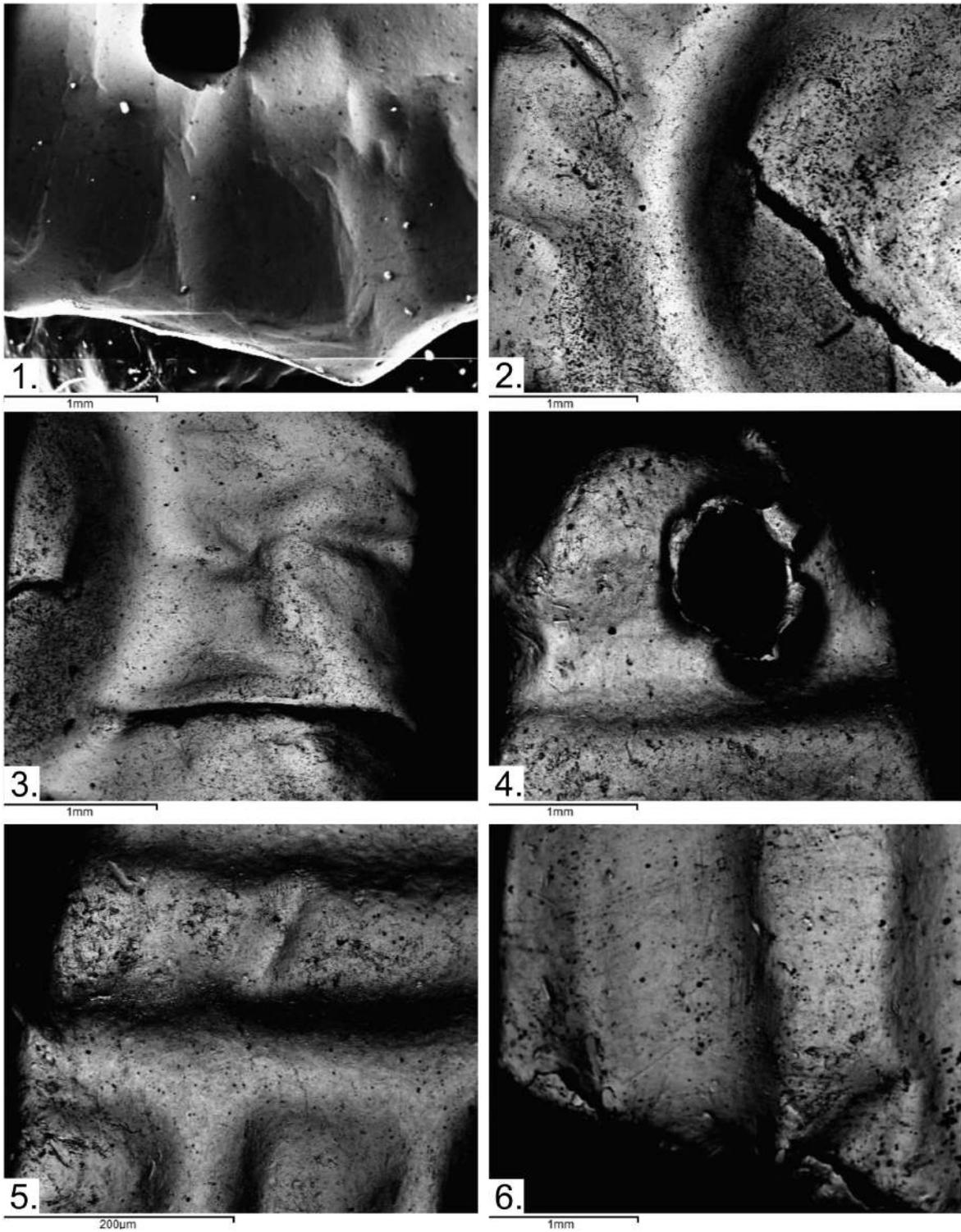

Fig. 4. Secondary and back-scattered electron images. 1–3 — round beadlets; 4–6 — triangular beadlets

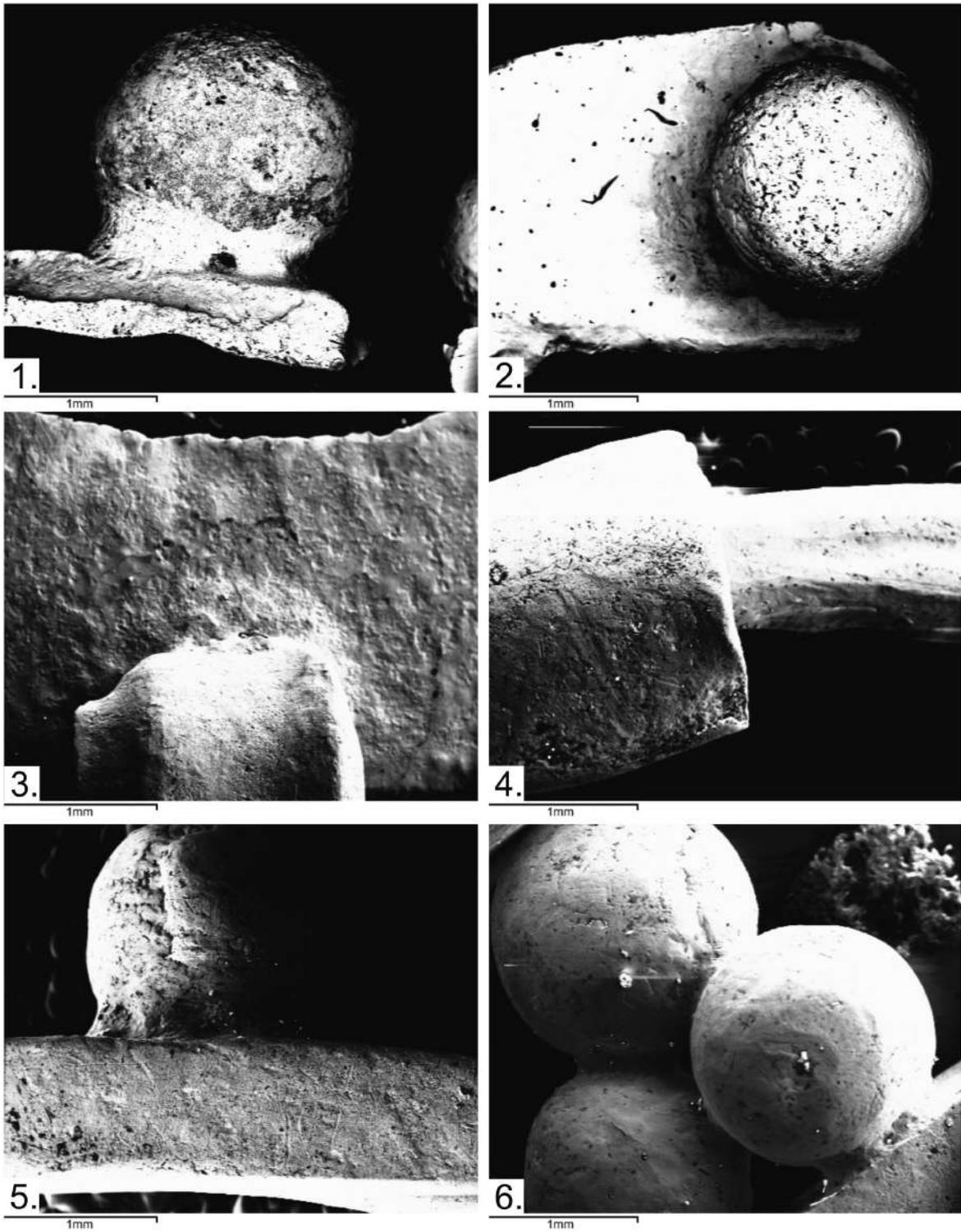

Fig. 5. Secondary and back-scattered electron images. 1-3 — lunula; 4-6 — earring

В. К. Гугуев

Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника

Ключевые слова: Кобяковский курганный могильник, меоты и сарматы, Нижний Дон, первые века нашей эры, Танаис, римский импорт, зеркала Западной Хань, Великий шелковый путь

Key words: Kobiakovo barrow cemetery, Maiotians and Sarmatians, Lower Don, first centuries AD, Tanais, Roman imports, Western Han mirrors, Silk Road

Кобяковский культурный комплекс римского времени, включающий одноименное городище и грунтовой некрополь, благодаря интенсивным раскопкам последних десятилетий на сегодняшний день является эталонным памятником I – III вв. н. э. Значительно меньше повезло курганному могильнику, занимавшему террасу коренного берега р. Дон к западу от городища и примыкавшему к грунтовому некрополю. Сформированный вокруг курганов эпохи бронзы, протянувшихся по водоразделу между Кобяковской и Кизитериновской балками, он никогда не был предметом систематического исследования вплоть до своего исчезновения под постройками микрорайона п. Александровка в конце 80-х годов

прошлого века. Вместе с тем, благодаря обнаружению нескольких ярких комплексов первых веков нашей эры, включая уникальное неразграбленное погребение представительницы высшей сарматской знати, памятник получил широкую известность (Guguev, 1986, p. 71–72; Гугуев, Безуглов, 1990, с.164–175; Прохорова, Гугуев, 1992, с.142–162; Гугуев, 1992, с. 116–129; Gouguev, 1994, p. 78–83; Guguev, 1996, p. 51–61).

Материалы двух захоронений, происходящих с территории курганного некрополя, были изданы в качестве приложения («аппендикса») к англоязычной монографии Б. А. Раева «Римские импорты в бассейне Нижнего Дона» (Guguev, 1986, p. 71–72).

Предложенный тогда формат не позволил осуществить полноценную публикацию кобяковских комплексов. Этот пробел призвана восполнить предлагаемая статья. Следует оговориться, что до обнаружения этих комплексов хронологическая и культурная связь курганов с близлежащим городищем была неясна. Площадь, занимаемая грунтовым некрополем, и тот факт, что он фактически смыкается с курганами, не были известны. В материалах Кобяковской экспедиции областного управления культуры курганы обозначались, как «находящиеся в пос. Александровка». Название могильника, как «Кобяковский» было введено мною в научный оборот в отчетах и публикациях в 1983 – 84 гг. после того, как на строительных площадках микрорайона в п. Александровка была обнаружена серия погребений римского времени, примыкавшая к грунтовому Кобяковскому некрополю (тем участкам, что были раскопаны автором). Тогда же мною был снят инструментальный план могильника, на который нанесены сохранившиеся к тому времени насыпи и исследованные в траншеях и котлованах отдельные погребения, также получившие порядковые номера курганов. Ставшие недавно доступными аэрофотоснимки «Люфтваффе» 1943 г. свидетельствуют о высокой плотности на данном участке курганных насыпей разного размера, практически смыкавшихся друг с другом полами. Следует отметить, что публикуемые погребения на плане и в отчетах фигурируют как курганы 1 и 3, в то время как в предварительной публикации в английском издании они обозначены «захоронение 1 и 2».

Оба рассматриваемых комплекса были обнаружены в траншее, проходящей параллельно жилому зданию №81/3 по проспекту 40 лет Победы в Пролетарском районе г. Ростова-на-Дону (рис 1, 1–2). Первое, обозначенное как курган 1, до половины разрушено бортом траншеи, в котором и было найдено. Судя по сохранившейся части, оно совершенно в узкой подпрямо-

угольной яме, ориентированной продольной осью по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 2). На глубине около 0,5 м от современной поверхности имелись слабовыраженные уступы, на которых прослеживались остатки камышового перекрытия. Очевидно, могила относилась к так называемому типу «с заплечиками». В засыпи ямы обнаружены 4 зуба лошади (особь 4-х лет). На дне сохранились остатки нижней половины скелета. Судя по ним, погребенная (женщина старше 20 лет) лежала вытянуто на спине, головой на ССВ. Левая рука была вытянута, кисть находилась у крыла таза и бедра. Ноги погребенной были чуть сведены в стопах. Между стопами костяка и ЮЮЗ стенкой ямы оставлено значительное пространство, заполненное следующим инвентарем:

1. Между правой стопой, погребенной и ССЗ стенкой могилы, частично перекрывая кости стопы, лежал вверх дном, обращенный рукоятью к ЮЮЗ бронзовый ковш (рис. 2, 1).

2. К югу от ковша лицевой частью вверх лежал обломок зеркала с центральной петлей (рис. 2, 7).

3. Почти вплотную к фрагменту зеркала с востока примыкало железное шило с черенком для крепления рукояти, на котором находились остатки древесного тлена (рис. 2, 8).

4. Вплотную к зеркалу с ЮВ лежал на боку сосудик из зеленоватого стекла в виде баночки или горшочка (рис. 2, 5).

5. Сверху на стеклянном сосуде острием на СВ находился железный нож с изогнутой спинкой, вогнутым лезвием и черенком для крепления рукояти (рис. 2, 12).

6. Вплотную к сосуду с востока острием на СВ лежал другой железный нож с прямыми спинкой, лезвием и черенком для крепления рукояти (рис. 2, 6).

7. К ЮЗ от стеклянной баночки лежало на боку лепное пряслице усечено-биконической формы (рис. 2, 4).

8. Сверху на пряслице острием на ССВ был найден железный предмет в виде

стержня, заканчивающийся изогнутым под прямым углом шипом (рис. 2, 9).

9. С ЮВ к стеклянному сосуду примыкал предмет, изготовленный из средней части рога благородного оленя (рис. 2, 2).

10. Сверху на изделии из рога острием на СВ лежали железные пружинные ножницы (рис. 2, 3).

11. С севера к ножницам примыкало лепное пряслице усечено-конической формы (рис. 2, 13).

12. Вплотную к пряслицу с севера лежал железный предмет неизвестного назначения в виде заостренного подпрямоугольного в сечении стержня (рис. 2, 9).

13. Между изделием из рога и стеклянным сосудиком находился обломок другого железного предмета неясного назначения плохой сохранности (рис. 2, 14).

14. Вплотную к железному предмету с запада примыкал комок мела и румяна розового цвета (рис. 2, 10).

15. К СЗ от зеркала, несколько обособлено от скопления вещей, обнаружено два мелких обломка тонкостенного стеклянного сосуда типа бальзамария.

Рассмотрим более детально инвентарь погребения, прежде всего, с точки зрения хронологии. Бронзовый ковш имеет следующие размеры: длина — 26 см, высота — 7,7 см, диаметр дна — 9,5 см. Он относится к известному, так называемому, «гедакэрскому» типу — Эггерс 144, пик распространения которого приходился на фазу В2 (50/70 – 150–170 гг. н. э.) (Eggers, 1951, Veil. 60). По мнению Б. А. Раева, посвятившего этой форме библиографический очерк, подобные изделия начали производиться не ранее периода В2 (Raev, 1986, p. 29–30). Наш экземпляр дополнительно украшен под венчиком орнаментом типа киматия (рис. 3, 1; 5, 3). Норлинг-Кристенсен выделил подобные ковши в особую более позднюю разновидность (Norling-Christensen, 1952, p. 177–178). У кольцевидного навершия ручки ковша орнаментирована подтреугольной композицией, в основании которой

расположены 4 дугообразных фигуры, а пространство внутри треугольника заполнено 11 округлыми миниатюрными насечками (рис. 3, 1; 5, 3). Серия близких в деталях орнамента ковшей из краеведческого музея Трира была издана Б. Бинертом. Исследователь отнес их распространение к периоду от эпохи Флавиев до последней трети III в. н. э. (Binert, 2007, S.67–89, Kat. Nr. 76–77). В классификации Р. Петровского кобяковский ковш отнесен к типу V, 5, который, по мнению автора, производился с 60-х гг. н. э. до первых десятилетий II в. н. э. (Petrovsky, 1993, S.79).

В степных памятниках мне известны следующие комплексы с подобными ковшами: Чугуно-Крепинка, Центральный, курган 20. Эти погребения обычно относятся к среднесарматской культуре («первая четверть», «первая треть» II в. н. э.) (Раев, 1993, с.157; Симоненко, 1998, с.72). Такая их атрибуция представляется мне дискуссионной. Кованые кувшины варианта «Стралджа» и котелки типа «Дебелт», обнаруженные в кургане 20 могильника Центральный, в целом в Причерноморье характерны для позднесарматских комплексов. Показательно, что перечисленные выше погребения представляли собой подбойные могилы с северной ориентировкой костяков. В кургане 20 могильника Центральный наиболее показателен с точки зрения датировки меотский серолощенный кувшин (Раев, Науменко, 1993, с.184, р. 2). Припухлая форма горла известна на многочисленных сосудах этого типа, происходящих из могильников римского времени на Нижнем Дону. Все они датируются не ранее второй половины – конца II в. н. э. В состав инвентаря захоронения у Чугуно-Крепинки, наряду с крупной сильнопрофилированной железной фибулой, входила бронзовая миниатюрная застежка той же разновидности (Simonenko, 2008, Taf. 63, 7, 9). В некрополях донских меотов железные сильнопрофилированные фибулы и миниатюрные бронзовые по моим наблюдениям получают распространение

уже во второй половине II в. н. э., причем первые, в отличие от бронзовых аналогов, доживают до середины III в. н. э. (Гугуев В. К. Фибулы Кобяковского некрополя из раскопок 1984–93 гг. — в печати).

Сомнения в принадлежности комплекса из Чугуно-Крепинки к среднесарматской культуре недавно высказал М. В. Кривошеев (Кривошеев, 2014, с.107). С его аргументами можно согласиться лишь с той оговоркой, что наличие в могиле железных пружинных ножниц (которые в целом, безусловно, более характерны для поздних сарматов) не может использоваться в качестве хронологического индикатора, так как они известны в надежно датированных комплексах среднесарматского времени. Зеркало, фрагмент центральной части которого был обнаружен в могиле, относится к разновидности изделий Западной Хань (рис. 3, 3; 5, 2). У Бросседер использует для наименования этой группы термин “*siru*” («с 4 сосцевидными выступами») (Brosseder, 2015, p. 242). Китайское название этого типа “*ssu-jussu ssu-hu*”. В центре таких зеркал помещена центральная петля, от которой отходят либо сгруппированные по три – двенадцать окружностей (“*huawen*”), как в кургане 1, либо розетка из четырех лепестков лотоса, как в кургане 10 Кобякова (рис. 12, 1–2). Встречается и упрощенный вариант меньшего диаметра, когда основной орнаментальный пояс отделен от центральной петли вихревой розеткой. В основном («внутреннем») орнаментальном поле зеркал “*ssu-jussu*” расположены четыре сосцевидных выступа, между которыми помещены S-видно изогнутые стилизованные драконы, «солнечные львы» и птицы: ласточки, иволги и фениксы.

Детальная морфологическая классификация подобных зеркал в работах на европейских языках мне не известна. Наличие специальной статьи, посвященной ханьским зеркалам и их репликам на территории юга Восточной Европы, избавляет меня от необходимости подробно останавливать-

ся на этом вопросе (Гугуев, Трейстер, 1995 с. 143–156; Guguev, Ravich, Treister, 1991, p. 32–50). С момента выхода этой работы мне стало известно лишь об одной новой находке китайского зеркала в погребении первой половины III в. н. э. из некрополя Городской в Адыгее. А. А. Сазонов ошибочно отнес его к типу TLV, в то время как оно, очевидно, принадлежит к типу «восьмиарочных» (Сазонов, 1992, с. 261, р. 3, 11a). Находки зеркал “*ssu-jussu*” за пределами Китая нередки. Они встречаются на обширной территории от Центральной Азии до Восточной Европы, но, как правило, не имеют надежных дат (Brosseder, 2015, p. 242). В степи, кроме Нижнего Дона, фрагменты двух таких зеркал найдены в «Золотом кладбище» на Кубани и в Бережновском могильнике. Они относятся к римской эпохе (Гугуев, Трейстер, 1995, с.147, рис. 3, 4–5). Более интересны прямые аналогии экземпляру из к.1, найденные за пределами Китая, из хорошо датированных комплексов. Сюда следует отнести зеркало из погребения вождя сюнну или хунну в кургане 7 могильника Царам в Бурятии. (Минаев, Сахаровская, 2007, с.162, рис. 3, 7). Авторы публикации датируют погребение I в. до н. э. – I в. н. э. (Минаев, Сахаровская, 2007, с.166). Наличие в комплексе лаковой чашечки с надписью, вероятно, позволит специалистам по китайской палеографии в будущем сузить эту дату. Похожее зеркало, отличающееся лишь отсутствием двенадцати миниатюрных дисков в поле петли (“*huawen*”), было найдено разбитым в гробнице 22 Ноин Улы рубежа нашей эры (Полосьмак, Богданов, 2015, рис. 3, 53). К этому же времени относится идентичное зеркало, найденное на юге Вьетнама, разбитое на части и помещенное внутрь местного бронзового культового барабана (Yamagato Mariko, Pham Duc Manh, Bui Chi Hoang, 2001, p.99–105, Fig. 9). Любопытно, что из трех зеркал типа «*ssu-jussu*», найденных на Нижнем Дону, два — в кургане 10 Танаиса и кургане 1 Кобяково — были

представлены фрагментами. И лишь в богатейшей могиле кургана 10 Кобяково был найден целый экземпляр (рис.12, 1–2). Бросседер отмечает, что подобные крупные зеркала встречаются в Китае, как правило целыми, в могилах нобилитета, причем, в отличие от западных находок, как в женских, так и в мужских погребениях (Brosseder, 2015, p. 239). Учитывая в целом редкость обнаружения ханьских зеркал в Северном Причерноморье и принадлежность описанных выше изделий к различным вариантам одного типа, а также относительную синхронность комплексов, можно предположить единый источник поступления этих предметов на Нижний Дон. Это могла быть одна партия импортов, поступивших в Танаис по сухопутной части Великого шелкового пути.

В непосредственной близости от Танаиса, в кургане 46 могильника Царский, относящегося к среднесарматской эпохе, наряду с остатками инвентаря — зеркалом с валиком по краю, диаметром 14 см, алебастровым сосудиком и другими вещами, — Л. С. Ильюковым были найдены фрагменты предмета («шкатулки»), определенные автором как «лоскутки черной и красной краски» (Ильюков, 1994, с. 202–203, рис. 3, 6). Часть их помещена в экспозиции музея-заповедника «Танаис» (витрина 2 — «Некрополь Танаиса», НВФ 102/138). Очевидно, данные фрагменты принадлежат лаковому изделию Западной Хань (рис. 11, 2). Композиция и стиль сохранившихся фрагментов очень похожи на орнаментальный фриз лаковой чашечки из кургана 6 Ноин-Улы (Минаев, Елихина, 2010, с.171–172, рис. 2, 1–2), которая имеет надпись, относящуюся ко 2 г. до н. э. Дата кургана 46, судя по фрагментам двух светлоглиняных амфор типа CIV-B (по Внукову), обнаруженных у могилы на древнем горизонте, лежит в пределах конца I в. н. э. — первой половины II в. н. э. Кроме «торговой» версии происхождения ханьских импортов в среднесарматских курганах на Нижнем Дону не следует сбрасывать

со счетов их вероятную принадлежность к военным трофеям, добытым кочевниками во время одного из походов. Так в кургане 10 Кобяковского могильника вместе с ханьским зеркалом была обнаружена гривна с мифологическим сюжетом, явно принадлежащая к сакрализованным у иранцев инсигниям власти. К таковым относятся многочисленные предметы восточного происхождения: драгоценное оружие, сбруя, золотая и серебряная посуда, ювелирные украшения, резная слоновая кость с изображением парфянского царя и т. п., найденные в курганах сарматской знати на Нижнем Дону. В свое время я исключил возможность поступления данной категории предметов в результате торговых операций (Гугуев, 1992, с. 127–129). Этого мнения придерживаюсь и сейчас.

Представляется, что стеклянная посуда из-за своей хрупкости наиболее показательна в плане хронологии. Сосудик из к.1 п.1 относится к типу Айсингс 68 (Isings, 1957, p. 88–89). Исследовательница определяла время бытования этой формы I – II вв. н. э. В рассматриваемом кобьяковском погребении баночку сопровождал другой стеклянный сосуд, от которого уцелели лишь мелкие фрагменты. Набор из аналогичной баночки и арибалла был найден в могиле 197 некрополя Бельбек IV, датируемой авторами, издавшими комплекс, второй половиной I – началом II в. н. э. (Гущина, Сорокина, 1984, с. 44, рис. 1, 8). По мнению И. И. Гущиной и Н. П. Сорокиной, баночка использовалась для мази и составляла с другим сосудом косметический набор, в который также входили румяна. Кобьяковский комплект из двух сосудиков и румян подтверждает это наблюдение. Краснолаковый кубок из п.197 Д. В. Журавлев также датировал рубежом I – II вв. н. э. (Журавлев, 2010, с. 149, кат.№245, табл. 31; X). Фибулы с кнопкой на конце пластинчатого приемника из этой могилы (Гущина, Сорокина, 1984, рис. 2, 36), вероятно, не выходят за пределы I в. н. э.

Рассмотрим теперь изделие из рога. Оно выполнено из части спиленного с двух сторон рога благородного оленя (семейство *Cervidae*) таким образом, что полученный предмет состоит из трех отростков и имеет в длину 17,5 см (рис. 4, 7; 5, 4). Состояние поверхности не позволяет определить была ли она дополнительно заполирована. У краев двух отростков имеются парные миниатюрные отверстия диаметром 0,2 см, к которым, вероятно, крепилась ткань или кожа. находка Y-образного изделия из рога оленя в погребении римской эпохи представляется довольно экзотическим случаем. Как правило, подобные предметы, обозначаемые либо как «горло бурдюка», либо как «реликварии», и даже как меха для надувания плавательных средств, происходят из средневековых памятников. Их интерпретации посвящены специальные исследования (Флерова, 2001, Табл. X, 1–4; Кокорина, 2014, с. 49–66; Маслов, 2015, с. 269–295). Но вопрос об их происхождении и назначении до сих пор не решен. Видимо отчасти это объясняется отсутствием прямых иконографических параллелей. Причем в эту группу включаются морфологически разные предметы, которые часто объединены по принципу изготовления из рога оленя. К интересующему нас времени относятся три находки подобных изделий: с Иволгинского городища, Дырестуйского могильника и крепости Калалы-Гыр 2 из Туркменистана. Эти предметы детально проанализированы в недавно вышедшей обстоятельной статье В. Е. Маслова (Маслов, 2015, с. 269–273, ил №1–2). Автор, рассматривая сюжет и стиль изображения на предмете из хорезмийской крепости, приводит аргументы в пользу восточного происхождения предметов и присоединяется к датировке их «средним периодом Западной Хань» (Маслов, 2015, с. 271–291). Не вступая в полемику с автором по поводу функциональной атрибуции предмета — «сосуд-контейнер», — замечу, что никогда внутри подобных предметов ничего найдено не было, даже в тех случа-

ях, когда вблизи находился погребальный инвентарь, который по размерам мог бы вполне поместиться внутрь изделия. Вопрос о направлении распространения Y-образных предметов — из Сибири в Среднюю Азию или наоборот — на мой взгляд, также вряд ли может быть решен ввиду малого числа самих предметов для рассматриваемой эпохи. Вполне вероятным представляется лишь появление подобных изделий в Причерноморье античной эпохи с востока, о чем косвенно свидетельствует повторное их распространение в средневековье в том же направлении.

Железные пружинные ножницы с расходящимися концами имеют кольцевидную, овальную в сечении пружину (рис. 4, 6; 5, 4). Длина изделия — 14 см, диаметр пружины — 4,7 см, ширина лезвия в основании — 1,1 см. В литературе распространен миф, что эта категория материала характерна исключительно для позднесарматского времени (Кривошеев, 2014, с. 107). Это неверно. Есть серия погребений среднесарматского периода, где были найдены подобные изделия. Очевидно не позднее конца I в. н. э. датируется комплекс находок, включающий ножницы, из кургана 1 группы Лебяжье (Сергацков, 2000, рис. 4). Пожалуй, наиболее показательным в этом отношении является исследованная М. В. Власкиным кобяковская катакомба, содержащая пружинные железные ножницы обычного типа. Три стеклянных сосуда, сопровождавшие погребение, надежно датируют его второй половиной I в. н. э. (Власкин, 1998, с. 36, рис. 1). Пряслица, ножи и шило относятся к стандартному набору в женских погребениях римского времени и мало пригодны для культурной и хронологической атрибуции. Завершая рассмотрение комплекса находок из кургана 1 Кобякова, можно сделать вывод, что наиболее вероятной датой могилы будет промежуток времени от второй половины I в. н. э. до начала следующего столетия. Как далеко во второй век может заходить предполагаемая дата комплекса,

определяемая в основном по стеклянному сосуду, мне неясно.

Обратимся теперь к следующему захоронению. Как и в предыдущем случае, над погребением, обозначенным, как курган 3, насыпь прослежена не была. Современная дневная поверхность сnivelирована при строительстве. Контуры могилы зафиксированы с уровня материкового суглинки. Могильное пятно состояло из темно-серого грунта со следами затека, обозначая контуры грабительского лаза. В плане по верхнему краю яма имела вид прямоугольника с закругленными углами размером 2,05x0,9 м (рис. 6). Продольной осью могила была вытянута по линии СЗ–ЮВ. В заполнении встречены нижняя челюсть и фрагмент тазовой кости лошади, правый астрагал быка. Кроме того, там же были обнаружены два фрагмента ручек светлоглиняных амфор CIVA и CIVB (Внуков, 2006, рис. 1, 8–9), фрагмент венчика красноглиняной амфоры (рис. 9, 8), а также обломок оселка из песчаника (рис. 9, 3). На глубине 1,2 м от уровня обнаружения вдоль длинных стенок ямы обозначились уступы шириной 0,15–0,18 м. На них сохранились остатки продольного камышового перекрытия. Конфигурация могилы позволяет отнести ее к типу «с заплечиками». Погребение было разграблено, сохранились лишь кости левой ноги и берцовые — правой. Судя по ним, погребенный, мужчина 35–45 лет, лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. В могиле был обнаружен следующий инвентарь:

1. На левой стопе погребенного, вплотную к ССВ стенке ямы лежал вверх дном бронзовый таз с округлыми стенками, загнутым внутрь краем, на кольцевидном поддоне (рис. 6, 1).

2. Под тазом на стопе лежали остатки двух плетеных из органического материала предметов (рис. 6, 10)

3. Там же находился фрагментированный железный предмет в виде загнутого в кольцо стержня (рис. 7, 11)

4. К северу от бронзового таза, на боку устьем на север лежала фрагментированная стеклянная чашка с косыми стенками и отогнутым наружу краем, на кольцевом поддоне (рис. 6, 2).

5. На диафизе большой берцовой кости левой ноги на боку устьем на север находилась часть краснолакового двуручного кубка с округлыми стенками на кольцевидном поддоне, орнаментированном в стиле «барботин». Другая часть кубка лежала в 20 см к ЮЗ от правого коленного сустава (рис. 6, 3).

6. Между дистальными эпифизами берцовых костей правой ноги и стенкой ямы на дне в ряд, острием на ЮВ лежали не менее 18 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел и их фрагментов (рис. 6, 4).

7. Вдоль правого бедра погребенного, полосой располагался древесный тлен с отпечатками красной краски (рис. 6, 5). Вероятно, это были остатки ножен меча или кинжала.

8. В 5 см см к югу от края ножен (?) обнаружена меловая подвеска в виде усеченной пирамидки с остатками голубой краски (рис. 6, 6).

9. В СЗ углу могилы на дне находился фрагмент изделия из органики (кожи?) с бронзовыми скрепками (рис. 6, 8).

10. В СВ углу могилы на дне обнаружен фрагмент рукояти железного ножа с костяными накладками (рис. 6, 7), а также фрагменты железных предметов неясного назначения, вероятно остатки упряжи (рис. 6, 12).

Рассмотрим более подробно перечисленные выше предметы. Бронзовый таз имеет размеры: диаметр по внешнему краю — 35 см, высота — 13 см, диаметр поддона — 10,4 см (рис. 7, 4; 8, 3). Его особенность состоит в том, что на внутренней поверхности местами сохранились следы лужения, а в нижней части стенок имеется крупная заплата, которая изготовлена с помощью наложения на стенки внутри

сосуда бронзовой пластины с заклепками по краю. Часть заклепок не сохранилась, на их месте имеются сквозные отверстия. Ручки у сосуда отсутствовали. Однако форма тулова и четкий след одной из ручек с атташем в виде стилизованного грифона свидетельствует о том, что мы имеем дело с типом Эггерс 100 (Eggers, 1951, Beil. 60). Эта разновидность импорта имела широкое распространение не только в римских провинциях, но и за пределами империи, например, в Индии (De Puma, 1991, p. 91–95). Основная масса изделий Эггерс 99–100 вместе с другими римскими импортами в Восточной Европе издана в сводах В. В. Кропоткина (Кропоткин, 1970, с. 88–98), Б. А. Раева (Raev, 1986, p. 27–28), А. В. Симоненко, Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (Simonenko, Marčenko, Limberis, 2008, S. 279–280, Taf. 69, 1; 72, 1; 76, 2; 85, 6; 92, 3; 109, 2). Две находки этого типа, найденные в Поволжье — в среднесарматском погребении в кургане 3 могильника Бердия и в позднесарматском захоронении в кургане 2 Котлубани — изданы А. С. Скрипкиным и И. В. Сергацковым (Скрипкин, 1989, рис. 1, 15; Сергацков, 2000, с. 124, рис. 86, 2). Мне известны еще три комплекса с сосудами Эггерс 100, найденные сравнительно недавно и не введенные в научный оборот. Это таз из кургана 4 Могильника Плоский I (Копылов, Коваленко, 2016, с. 127–128), обнаруженный в ограбленной среднесарматской квадратной яме (находка помещена в витрине археологической экспозиции на истфаке ЮФУ). Другой сосуд происходит из тайника кургана 2 могильника Мокро-Чалтырский I (раскопки В. Яценко 2015 г.). Кроме таза тайник содержал литой бронзовый котел позднесарматского облика с тамгой и провинциально римский литой бронзовый кувшин. Оба погребения (катакомба и подбой), обнаруженные в кургане, принадлежат к позднесарматской эпохе¹. Наконец, третий таз типа Эггерс 100 найден в неразграбленном

среднесарматском погребении в кургане могильника Чеботарев (раскопки П. Морозова 2016 г.). Судя по наличию в комплексе двух светлоглиняных амфор переходного типа от CIV-A к CIV-B, погребение датируется второй половиной I в. н. э. Таким образом, на сегодняшний день мне известно 7 экземпляров сосудов Эггерс 100, найденных на Нижнем Дону. При этом они почти поровну распределены между средне- и позднесарматскими комплексами. Примерно такая же картина наблюдается в целом с находками Эггерс 99–100, как, впрочем, и с большинством провинциально римских импортов в Восточной Европе. Видимо возможности этой категории материала как хронологического индикатора следует признать ограниченными. Интересно, что фрагмент таза и две ручки типа Эггерс 100 были найдены в комплексе с ручкой бронзового кувшина (?) на горизонте тризны в уже упоминавшемся кургане 10 Кобякова (Прохорова, Гугуев, 1992 с. 145, рис. 3, 11–12). Следует отметить, что эти два кургана, по-видимому, синхронны и находились на расстоянии в несколько десятков метров друг от друга. Не исключено, что римский импорт попал в них из одного источника. Римская бронзовая посуда найдена в предыдущее десятилетие еще в двух комплексах Кобякова. В 2004 г. П. А. Ларенок обнаружил котелок варианта «Дебелт» в составе тризны в кургане вместе со светлоглиняными амфорами типа CIVC второй половины II в. н. э. (Ларенок, 2016, с. 61, табл. 91, 1, 7). В 2008 г. в катакомбе коридорного типа, окруженной кольцевым ровиком с перемычкой в южной части, В. В. Верещагиным найден набор, состоящий из кувшина варианта «Стралджа», и цедилки типа Эггерс 160 (Ларенок, 2016, с. 316, табл. 96, 1–4). Судя по бронзовой сильнопрофилированной фибуле с плоской спинкой (Ларенок, 2016, с. 314, табл. 94, 19), курган датируется второй половиной II в. н. э. Таким образом, римская бронзовая посуда в курганах Кобякова

¹ Приношу благодарность В. Яценко, позволившему ознакомиться с находками в полевых условиях.

представлена в ассортименте и встречается на протяжении всего времени существования городища и некрополя. Можно предположить, что основным источником ее поступления были торговые операции с близлежащим Танаисом, где, наряду с простыми бронзовыми изделиями, недавно Г. Е. Беспалым обнаружены образцы художественного серебра (Беспалый, 2016, с. 32, оп. 1326; с. 67, оп. 1390).

Подобные предметы встречаются и в прилегающих к городу могильниках сарматской знати (Ильюков, 1994, с. 202–203, рис. 3, 6; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 77–109). Думается, к вопросу о происхождении римских бронзовых сосудов в богатых курганах сарматской знати, вокруг которого нередко возникают дискуссии, надо подходить в каждом конкретном случае, исходя из контекста находки. Сосуды отличной сохранности в комплексе с другими престижными предметами роскоши вполне могли служить в качестве так называемых даров. Однако, относить сюда все римские импорты, как это сделал для позднесарматской эпохи М. В. Кривошеев, я бы не стал (Кривошеев, 2014, с. 111). Как справедливо отмечает сам автор, значительная часть этих изделий имеет видимые дефекты: отсутствующие части, заплаты, другие следы ремонта. Предполагать, что с помощью подобных вещей местное население могло заручиться поддержкой сарматских вождей — значит допустить, что мироощущение кочевой элиты приближалось к папуасам Миклухо-Маклая. Факт тотального грабежа курганов среднесарматской знати позволяет предположить, что какая-то часть римских импортов с признаками “*second hand*” и существенным хронологическим разрывом между временем производства и попадания в могилу происходит из ограбленных захоронений.

Весьма ценен для определения хронологии комплекса краснолаковый сосуд (рис. 7, 1; 8, 1). Он имеет шаровидное тулово, две вертикальные ручки-петельки,

кольцевидный поддон. Край венчика слегка заострен, слегка отогнут наружу, подчеркнут неглубокой бороздкой. В верхней части сосуда проходит орнаментальный пояс из каплевидных наклепов разных размеров, расположенных почти вертикально на неодинаковом расстоянии друг от друга. Глина красная. Лак морковного цвета, отсутствует в нижней части чашки. Высота сосуда — 7 см, диаметр тулова — 8 см. Кубок из кургана 3 Кобякова по морфологии и орнаменту *en barbotine* очевидно относится к форме 32.5 Понтийской сигиллаты (Журавлев, 2010, с. 236, табл. 30, кат. № 235). Практически идентичный сосуд из п. 25 (1970 г.) некрополя Бельбек IV отнесен автором ко второй половине I в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 148). Не менее важна для датировки кургана 3 находка стеклянного сосуда. Чашка глубокая, ассиметричная, с оплавленным, отогнутым наружу краем, косыми стенками, на низком кольцевом поддоне (рис. 7, 3; 8, 2). Стекло почти бесцветное с голубовато-зеленоватым оттенком. Дно слегка вогнуто в центральной части, на нем видны следы понтии. Диаметр венчика — 10 см, высота чашки — 4,5 см. Тип: Айсингс 41b. К. Айсингс относил эту форму предположительно к изделиям западноримского происхождения и предполагала, что она изготавливалась от второй трети I в. н. э. до конца этого столетия (Isings, 1957, p. 57). Н. З. Кунина, издавая аналогичную чашку из некрополя Пантикапея, хранящуюся в Эрмитаже, определила ее как италийскую и датировала второй половиной I в. н. э. (Кунина, 1984, с. 147–168, табл. I, 1). Сосуд того же типа происходит из склепа 245 некрополя Кеп (Кунина, Сорокина, 1972, с. 160–163, рис. 7,9). Авторы публикации датируют комплекс находок из склепа второй половиной I в. н. э. Судя по набору фибул из могилы: лучковая 1 варианта по Амброзу, и две — с завитком на конце пластинчатого приемника, такая дата вполне приемлема (Амброз, 1969, с. 251, 254). Вероятно, к несколько более позднему времени можно

отнести чашку, аналогичную кобяковской, происходящую из погребения 19 Цемдолинского некрополя (Довгалюк, Малышев, 2008, с. 41, рис. 34, 1). Авторы определяют сосуд, как восточно-средиземноморский, и датируют «второй половиной I в. до н. э.», что, вероятно, является опечаткой. Судя по лучковой фибуле 2 варианта по Амброзу (Довгалюк, Малышев, 2008, рис. 34, 4), комплекс можно отнести ко второй половине I в. н. э. – первой половине II в. н. э. (Амброз, 1969, с. 251).

Среди обломков железных предметов, происходящих из кургана 3, наиболее информативными являются наконечники стрел и их фрагменты (рис. 7, 6). Все они относятся к типу трехлопастных черешковых. Размеры изделий — около 4 см, длина пера — 2,5 см. Данная форма наконечников в Северном Причерноморье приходит на смену варианту с миниатюрным пером, размером около 1 см. В некрополях донских меотов замена мелких экземпляров на более крупные происходит на рубеже I – II вв. н. э. Среди обломков железа из кургана 3 любопытна находка фрагментов двух изделий в виде петли с расходящимися в разные стороны концами (рис. 7, 7–8; 9, 6–7). Подобные предметы неясного назначения встречаются в воинских погребениях I – III вв. н. э. вместе с уздой, однако лежат обычно обособленно (Сергацков, 2000, рис. 7, 3; Беспалый, Лукьяшко, 2008, табл. 1, рис. 7). Внутри петли иногда заметны следы древесного тлена. В кургане 5 Кобякова четыре аналогичные скобы были найдены на ступеньке подбоя (Гугуев, Безуглов, 1990, с. 164–165, рис. 1, 20; 2, 20).

Подвеска в виде усеченной пирамидки с округленными углами, выточенная из материала, похожего на мел, могла быть изготовлена из мрамора или мергеля. Ее размеры составляли: высота — 1,8 см; размеры нижнего основания — 1,7х1,7 см, верхнего — 1,5х1,5 см. Нижнее основание уплощено, верхнее — скруглено. Диаметр отверстия, просверленного с двух сторон —

0,7 см (рис. 7, 2). На одной из граней сохранились остатки голубой краски. Любопытно, что такая же раскраска была встречена на крупных мраморных бусах, украшавших уздечку, в грунтовом некрополе Кобякова (п. 129 1985 г., раскопки автора). Скорее всего, бусина из кургана 3 являлась подвеской ножен меча или кинжала, остатки которых были обнаружены в могиле. Фрагменты изделий из плетенки органического происхождения (коры?), к сожалению, слишком редкая находка, обязанная своей сохранностью микроклимату под перевернутым бронзовым тазом (рис. 10, 1–4). Размеры изделий: 5,5х5,5 см и 7х7,5 см. В Причерноморье аналогии этим предметам мне не известны. Характер загнутого уголка одной из плетенок наводит на мысль, что это остатки обуви. Эта гипотеза соответствует месту находки предмета — у левой стопы. Подводя итог рассмотрению находок из кургана 3 с точки зрения хронологии, можно предположить, что, как и в случае с курганом 1, наиболее вероятна его датировка второй половиной I в. н. э., с возможностью захода в начало следующего столетия. Хронологическими индикаторами в данном погребении выступают, в основном, стеклянный и краснолаковый сосуды.

В заключение рассмотрим культурную принадлежность описанных выше комплексов. Кобяковский курганный могильник иллюстрирует сложное переплетение социальной и этнической истории кочевых и оседлых племен Нижнего Дона римской эпохи. Комплексы, обозначенные как курганы №1 и №3, находят параллели в обряде грунтового некрополя. Здесь среди синхронных захоронений могилы «с заплечиками» составляют около 36%, причем более 97% погребенных ориентированы головой в секторе СЗ-ССВ (Гугуев В. К. Структура ритуала некрополей донских меотов — в печати). Различие наблюдается лишь в богатстве и разнообразии инвентаря погребений курганного некрополя. Однако, в 1987 г. в нескольких десятках метров от курганов 1 и 3 в кургане 10 было обна-

ружено погребение представительницы высшей сарматской знати. В квадратной могиле с ярусным перекрытием и дощатым ящиком, имитирующим сруб, в сопровождении разнообразных предметов и уникальных ювелирных изделий была погребена молодая женщина. Показательна находка в погребении набора из парного комплекта двусоставных курильниц обычных для среднесарматской культуры. Эти предметы, наряду с обрядом, служат диагностическим признаком сарматской культуры. Именно отсутствие этих специфических предметов культа и характерного для степи обряда в грунтовом некрополе Кобякова и других городищ римского времени ранее представлялось мне одним из решающих аргументов в отрицании возможной седентеризации сарматов на меотских городищах в I в. н. э. – начале II в. н. э. Инфильтрацию кочевников в состав жителей нижнедонских городищ и Танаиса я допускал лишь с началом позднесарматской эпохи (Безуглов, Гугуев, 1988, с. 26–27).

В настоящее время в некрополях донских меотов с момента их возникновения в I в. н. э. и синхронных комплексах Танаиса прослеживаются отчетливые следы сарматского присутствия (тамги и курильницы сарматских типов, кавказская керамика, отдельные элементы обряда) (Гугуев В. К. Структура ритуала некрополей донских меотов – в печати). И в грунтовом, и в курганном могильниках Кобякова присутствуют катакомбы Г-образного и коридорного типов, содержащие на выкидах грунта из камер во входных колодцах остатки туш лошадей и чучел крупного рогатого скота. Эти особенности ритуала в сочетании со специфическим набором ориентировок генетически связаны с меотским Прикубаньем (Гугуев, 2008, с. 137). Однако катакомбы в курганном могильнике со второй половины II в. н. э. окружены ровиками с перемычкой в южной части. Этот элемент обряда распространяется в Евразии параллельно с распространением позднесарматской культуры. Ровиками с пере-

мычками также были окружены некоторые подкурганные захоронения, совершенные в подбойных могилах. Один из таких комплексов — курган 5, содержал бронзовый котел с тамгой, набор вооружения и узды позднесарматского типа, однако имел нехарактерную для этого времени южную ориентировку погребенного (Гугуев, Безуглов, 1990, с. 164–175). Интересно, что в грунтовом Кобяковском некрополе недавно было обнаружено погребение, содержащее набор вооружения и узды, типичный для позднесарматской всаднической субкультуры (Ларенок, 2013, с. 333–335, табл. 50–52). В свое время в совместных статьях с С. И. Безугловым при размежевании кочевого сарматского и оседлого меотского населения Нижнего Дона наличие таких комплексов в степных курганах и их отсутствию в грунтовых некрополях придавалось большое значение (Гугуев, Безуглов, 1990, с. 173). Однако с накоплением материала этнически значимые признаки в курганных и грунтовых погребениях Кобякова, оставленных представителями местных элит, становятся как бы несколько размытыми. Вероятно, в свете новых данных эта точка зрения нуждается в ревизии, с чем в принципе согласен и мой соавтор. Можно предположить, что меотская знать с помощью ритуала могла пытаться демонстративно ассоциировать себя с элитой сарматского мира. Впрочем, это лишь один из вариантов интерпретации описанных выше фактов. Аналогичные трудности возникают и при попытке соотнесения некрополей Прикубанья римского времени с носителями конкретной этнической или социальной группы. Если относительно грунтовых могильников в среде специалистов преобладает мнение об их меотской принадлежности, то курганы, как например, т. н. «Золотое кладбище», обычно приписывают дружинам кочевников-сарматов: сиракам (Лимберис, Марченко, 2011, с. 197–198) или аланам (Ждановский, 1979, с. 38–45). Как компромиссный вариант иногда появляется термин меото-сарматы (Сазонов, 1992, с. 248–250)

или сирако-меоты. На различие античной традиции и различное понимание одних и тех же археологических фактов, как например, распространение в регионе камерных погребальных сооружений, не влияют ни кратное увеличение исследованных комплексов, ни появление новых инструментов исследования в результате цифровой революции.

Создается несколько парадоксальная ситуация. Если в издании источников за последние десятилетия произошел существенный прогресс, то в их осмыслении исследователи как бы движутся по кругу. Приходится констатировать, что

идеи М. Г. Мошковой, высказанные на страницах различных изданий и с площадок конференций: акцентировать методическую составляющую в изучении этнической и социальной истории племен Северного Причерноморья римской эпохи, остаются в целом не востребованными. Очевидно, необходимо объединить усилия археологов для создания неких моделей, описывающих схожие ситуации в структуре и динамике погребального обряда в зонах интенсивных контактов мира кочевников и оседлого населения римской эпохи, какими являлись Нижний Дон, Прикубанье, Крым, лесостепь Среднего Дона и другие регионы.

Список использованной литературы

- Амброз А. К. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Изд-во Института археологии АН СССР, 1969. С. 248–272.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2007. 127 с.
- Безуглов С. И., Гугуев В. К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. / Ред. М. Г. Мошкова. Азов, 1988. С. 19–27.
- Беспалый Г. Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания в х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. Том II / Архив музея-заповедника Танаис. Ф.2. Оп.12. Д.6.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население Дона и Кагальника. Курганый могильник у с.Высочино // Материалы и исследования по археологии Юга России. Т. 1 / Отв. ред. Б. А. Раев. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 222 с.
- Власкин М. В. Археологические исследования в г. Ростове-на-Дону и Аксае в 1995–1996 гг. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. С. 32–47
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. 320 с.
- Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 143–156.
- Гугуев В. К. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э. – начала II в. н. э.) // ВДИ. 1992. №4. С.116–129.
- Гугуев В. К., Безуглов С. И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища // СА. 1990. №2. С. 164–173.
- Гугуев В. К. Структура погребального ритуала Нижне-Гниловского некрополя (к вопросу о донском варианте меотской культуры // Novensia. 2008. № 18–19. С. 129–137.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9 / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь: б/и, 2010. 320 с.

- Ильюков Л. С. Сарматский курган окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // Вестник Танаиса. Вып.1 / Ред. Л. М. Казакова. Ростов-на-Дону: Гэфест, 1994. С.198–214.
- Кокорина Н. А. К вопросу о назначении так называемых «реликвариев» эпохи средневековья Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. №2 (8). С. 49–66.
- Копылов В. П., Коваленко А. Н. О формировании элитарной культуры у племен среднесарматского времени // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б. А. Раева (Кагальник, 20 – 21 октября 2016 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 127–128.
- Кривошеев М. В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» ИИЯЛ УНЦ РАН, 12 – 15 мая 2014 г. (УАВ. Вып. 14) / Отв. Ред. Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С.105–112.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Наука, 1980. 98 с. (САИ. Вып. Д1-27)
- Кунина Н. З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспоре (по материалам некрополя Пантикапея из собрания отдела Античного мира Эрмитажа) // ТГЭ. XXIV. 1984. С. 147–168.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999–2000гг. Часть I. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2013. 488 с.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов из раскопок 2000 – 2001, 2002, 2004 годов. Часть II. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2016. 320 с.
- Малышев А. А. Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.: Гриф и К., 2008. 304 с.
- Маслов В. Е. Композиция с номадами из Калалы-гыр 2 и ее культурно-исторический фон // ТГЭ. 2015. LXXVII. С. 269–295.
- Миняев С. С., Елихина Ю. И. К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2010. №5. С. 169–182.
- Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Курганы Суцзктэ (Ноин Ула, Монголия). Часть 1. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. 136 с.
- Прохорова Т. А., Гугуев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. №1. С. 142–162.
- Раев Б. А., Науменко С. А. Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор / Отв. ред. М. Ю. Вахтина. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 1993. С. 151–160.
- Сазонов А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Д. Х. Мекулов. Майкоп: АНИИ ЭЯЛИ, 1992. С. 241–271.
- Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. 396 с.
- Симоненко А. В. Сосуды в виде барана в сарматских погребениях Олонешты // Античная цивилизация и варварский мир. Часть 1 / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: б. и., 1998. С. 68–75.
- Скрипкин А. С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. №4. С.172–181.

- Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв. Искусство и ремесло. (По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
- Binert B. Die romischen Bronzgefasse im Reinischen Landesmuseum Trier // *Trierer Zeitschrift-Beiheft*. 2007. №31. S. 67–89.
- Brosseder U. A Study on the Complexity and Dynamics of Interaction and Exchange in Late Iron Age // *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium* / Bonn Contributions to Asian Archeology. Volume 7 / Ed. J. J. Bemman, M. Schmauder. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2015. S. 199–333.
- Guguev V. K. The Burials in the Kobjakovo barrow-cemetery // Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: BAR Publishing, 1986. 137 p. (BAR International Series. Vol. 278)
- Guguev V. K. Complex of the Gold Jewelry from Barrow 10 of the Kobiakov Pit Burial. // *International Symposium: Ancient Jewelry and Archaeology*. 28 / Ed. A. Calinescu. Bloomington: Indiana University Press, 1991. P. 51–61.
- Gougouev V. Tombe d'une reine sarmate, dans le cimetière de Kobiakovo // *Les Scythes Dossiers d'Archéologie*. 1994. N°194. P. 76–83.
- Guguev V., Ravich I., Treister M. Han Mirrors and their Replicas in the Territory of South of Eastern Europe. // *Bull. of the Metals Museum*. 1991. Vol. 16. P. 32–50.
- De Puma R. D. The Roman Bronzes from Kolhapur // *Rome and India. The Ancient Sea Trade* / Ed. V. Begley, R. D. De Puma. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1991. P. 84–112.
- Isings C. Roman Glass from dated Finds. Djakarta: Walters, 1957. 185 p.
- Norling-Christensen H. Kasseroller med the huller eller tredelt hut I skaffet. *Aarboger for nordisk oldk. og hist.*, 1952. 178 p.
- Simonenko A, Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern // *Archaeologie in Eurasien*. 2008. Band 25. 623 s.
- Yamagata M., Manh Ph. D., Hoang B. C. Western Han Bronze Mirrors recently discovered in central and southern Viet Nam // *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*. 2001. Volume 5. P. 99–106.
- Stöllner T., Gambaschidze I., Hauptmann A. The earliest gold mining of the Ancient World? Research on an Early Bronze Age gold mine in Georgia // Yalcin Ü., Özbal H., Paşamehmetoğlu A. G. Ancient Mining in Turkey and the Eastern Mediterranean. International Conference AMITEM. Ankara, 2008. P. 271–288.
- Tate J. Some problems in analysing museum material by nondestructive surface sensitive techniques // *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research*. 1986. Vol. B14. P. 20–23.
- Troalen L. G., Guerra M. F., Tate J., Manley B. Technological study of gold jewellery pieces dating from the Middle Kingdom to the New Kingdom in Egypt // *ArchéoSciences, revue d'archéométrie*. 2009. Vol. 33. P. 111–119.
- Tylecote R. F. Metallurgy in Archaeology. London: Edward Arnold Publishers, 1962. 384 p.
- Untracht O. Metal Techniques for Craftsmen — A Basic Manual on the Methods of Forming and Decorating Metals. New York: Doubleday, 1968. 509 p.
- Watling R. J., Herbert H. K., Delev D., Abell I. D. Gold fingerprinting by laser ablation-inductively coupled plasma-mass spectrometry // *Spectrochimica Acta*. 1994. Vol. 49(B-2). P. 205–219.
- Wolters J. The ancient craft of granulation — A re-assessment of established concepts // *Gold Bulletin*. 1981. Vol. 14(3). P. 119–129.

V. K. Guguev

**Two Graves with Western and Eastern Imports
in the Kobiakovo Barrow Cemetery Area**

Abstract

This article deals with two graves found on the territory of the burial mound of Kobyakovo. Analysis of the subjects of the Eastern and Western import of these complexes allows to date them from the second half of the 1st century AD – to the early 2nd century AD. The funeral ceremony of the burial mound represents at the same time elements of the nomadic culture of the Sarmatians and Meotians, who lived on a nearby settlement. Roman imports in the author's opinion came as a result of trade with the Tanais, while the Eastern wares — along the Great Silk Road or through donations but also as robbery. The similarity of the processes of infiltration of nomads to the settlements on the Lower Don, the Kuban, the forest-steppe Middle Don Region and the Crimea — requires the establishment of General patterns of relations between local populations and nomads.

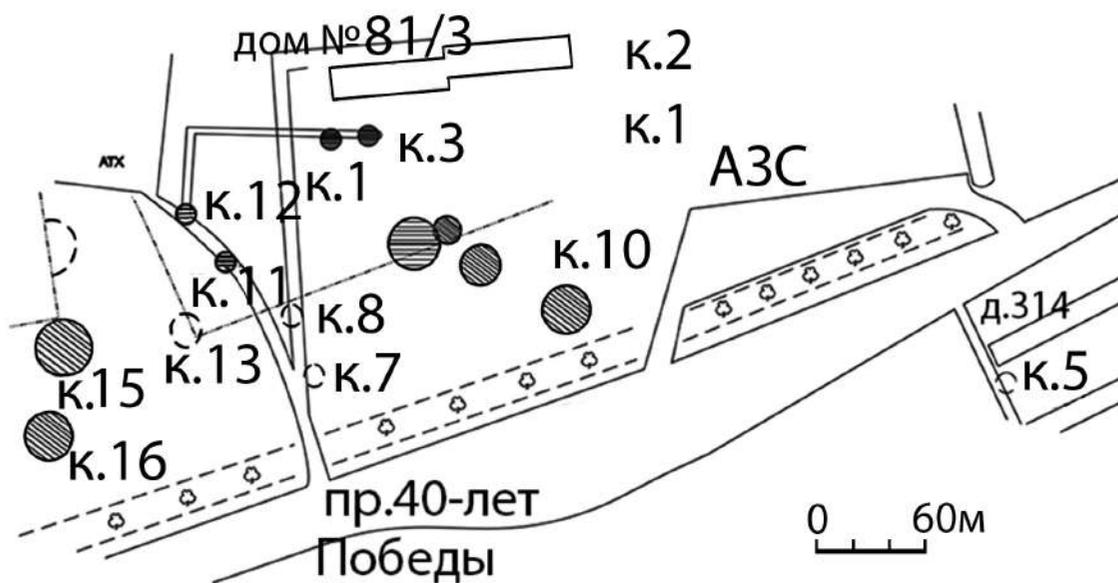

Рис. 1.1. План участка Коб'яковскогo курганногo некрополя (съемка В. К. Гугуева 1985 года)

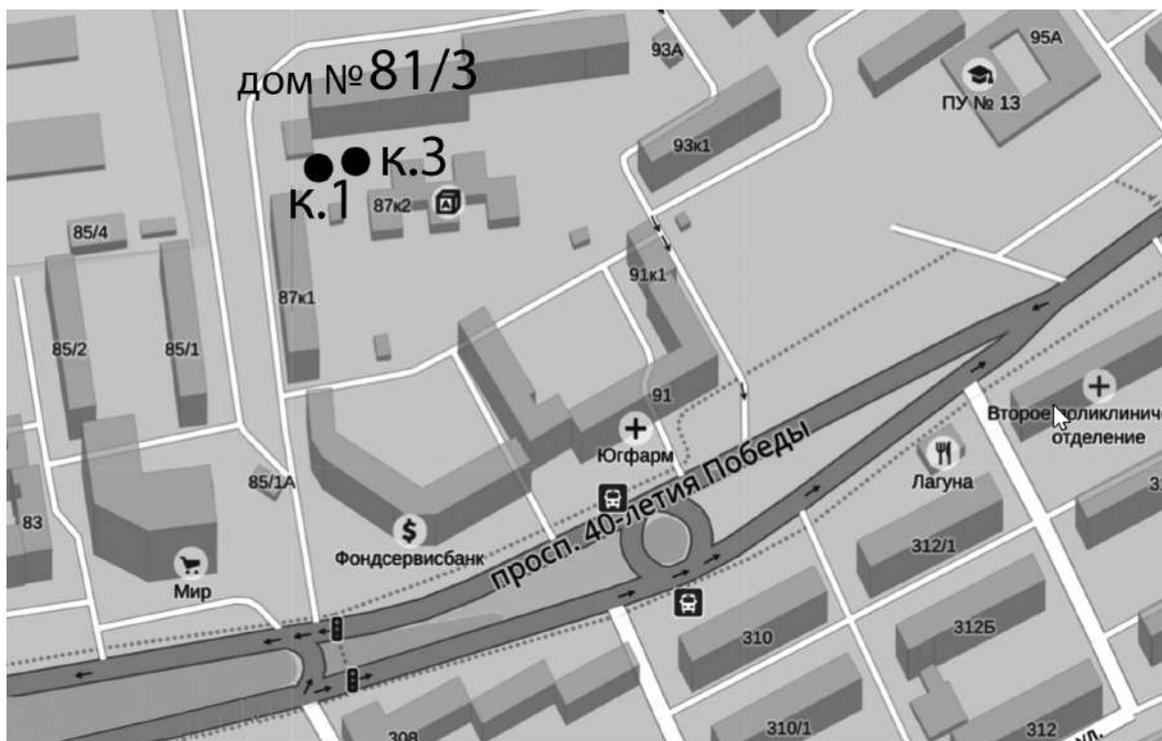

Рис. 1.2. Курганы №1 и №3 по проспекту 40-летия Победы г. Ростова-на-Дону на современной карте

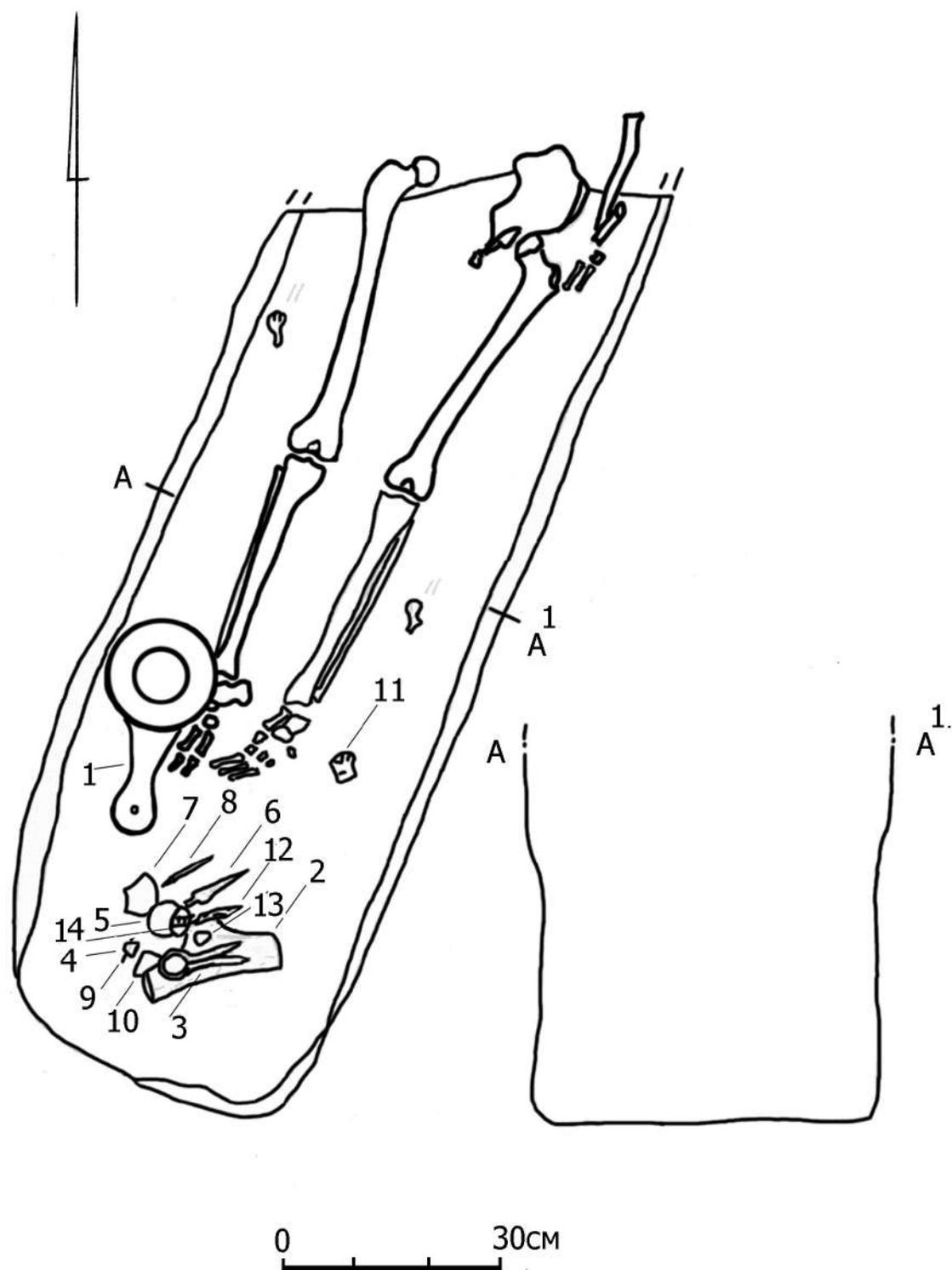

Рис. 2. План и разрез погребения кургана 1 Кобяковского могильника. 1 — ковш, 2 — изделие из рога, 3 — ножницы, 4 — пряслице, 5 — баночка, 6 — ножи, 7 — зеркало, 8 — шило, 9 — стержень, 10 — кусок мела, 11 — меловая подсыпка, 12 — нож, 13 — пряслице, 14 — железный предмет

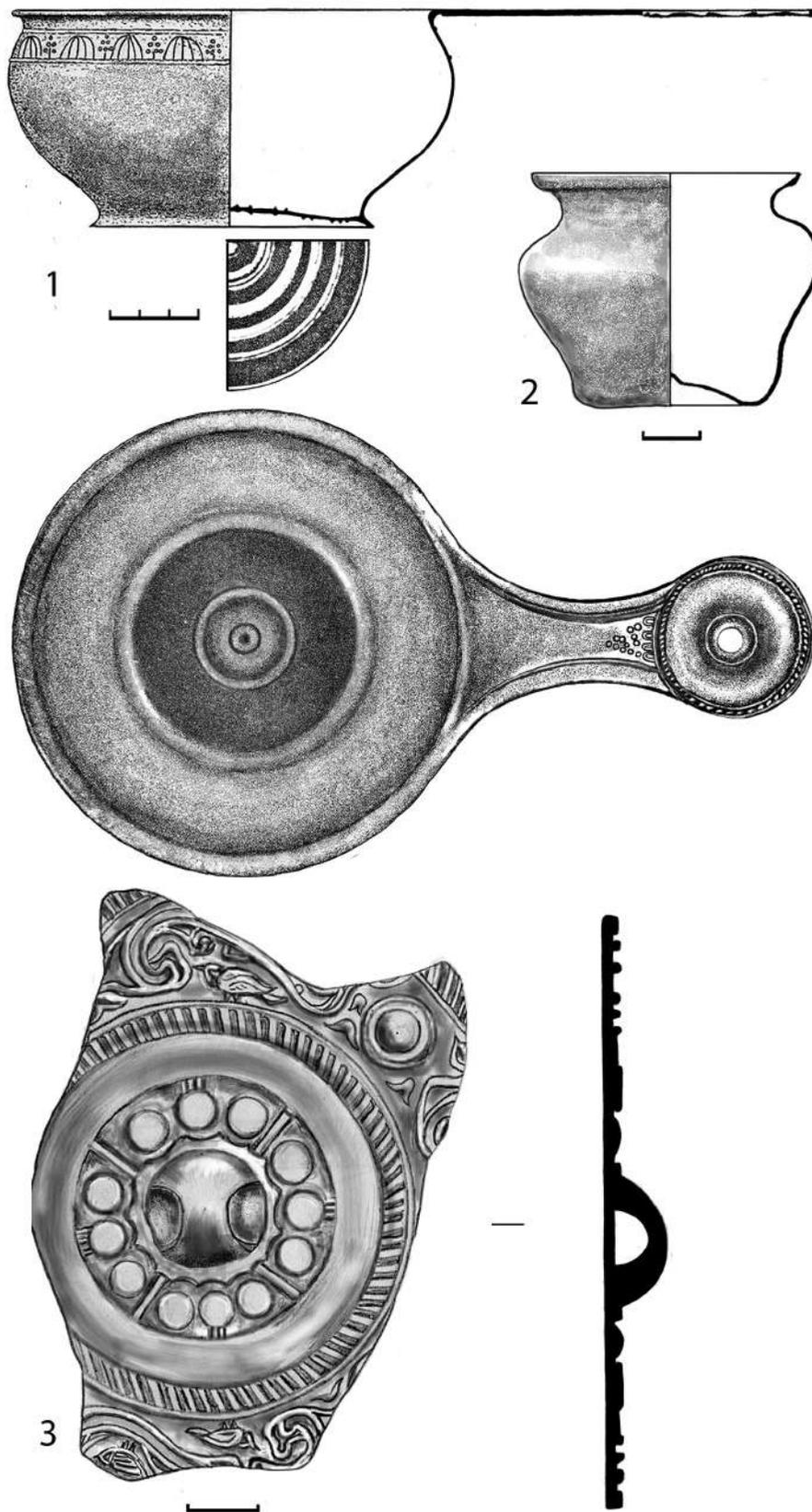

Рис. 3. Инвентарь кургана 1 Кобяковского некрополя. 1 — бронзовый ковш, 2 — стеклянный сосуд, 3 — зеркало (1–3 — бронза, 2 — стекло)

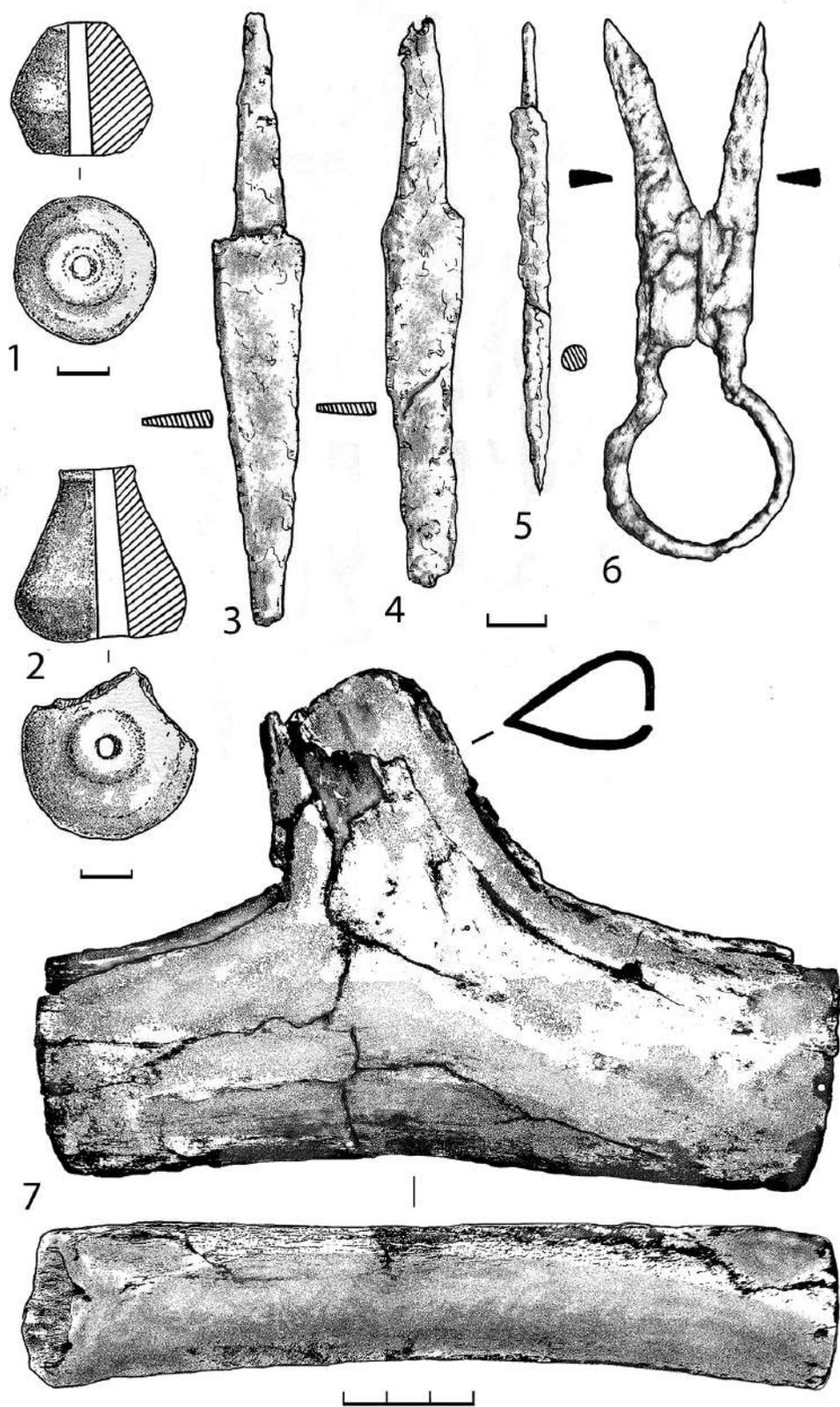

Рис. 4 Инвентарь кургана 1 Кобяковского некрополя. 1-2 — пряслица, 3-4 — ножи, 5 — шило, 6 — ножницы, 7 — изделие из рога 1-2 — керамика, 3-6 — железо.

Рис. 5. Фотографии предметов из кургана 1 Коб'яковского некрополя.
 1 — баночка, 2 — зеркало, 3 — ковш, 4 — изделие из рога и ножницы (монолит)
 (1 — стекло, 2-3 — бронза, 4 — кость, железо)

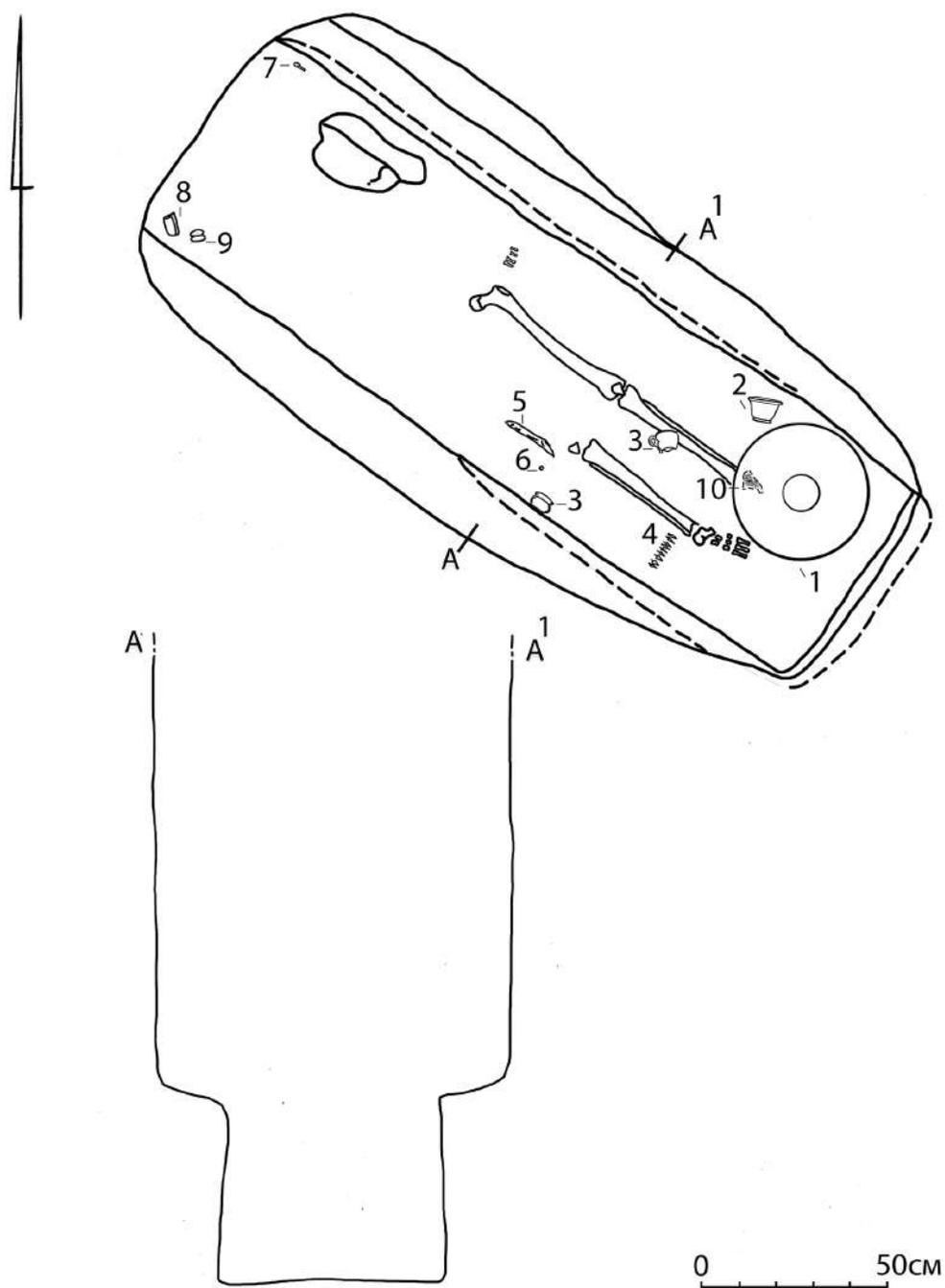

Рис. 6. План и разрез погребения кургана 3 Кобяковского некрополя. 1 — таз, 2 — чашка, 3 — кубок, 4 — стрелы, 5 — остатки ножен (?), 6 — подвеска, 7 — нож, 8 — скрепы, 9 — железные предметы, 10 — плетеные изделия

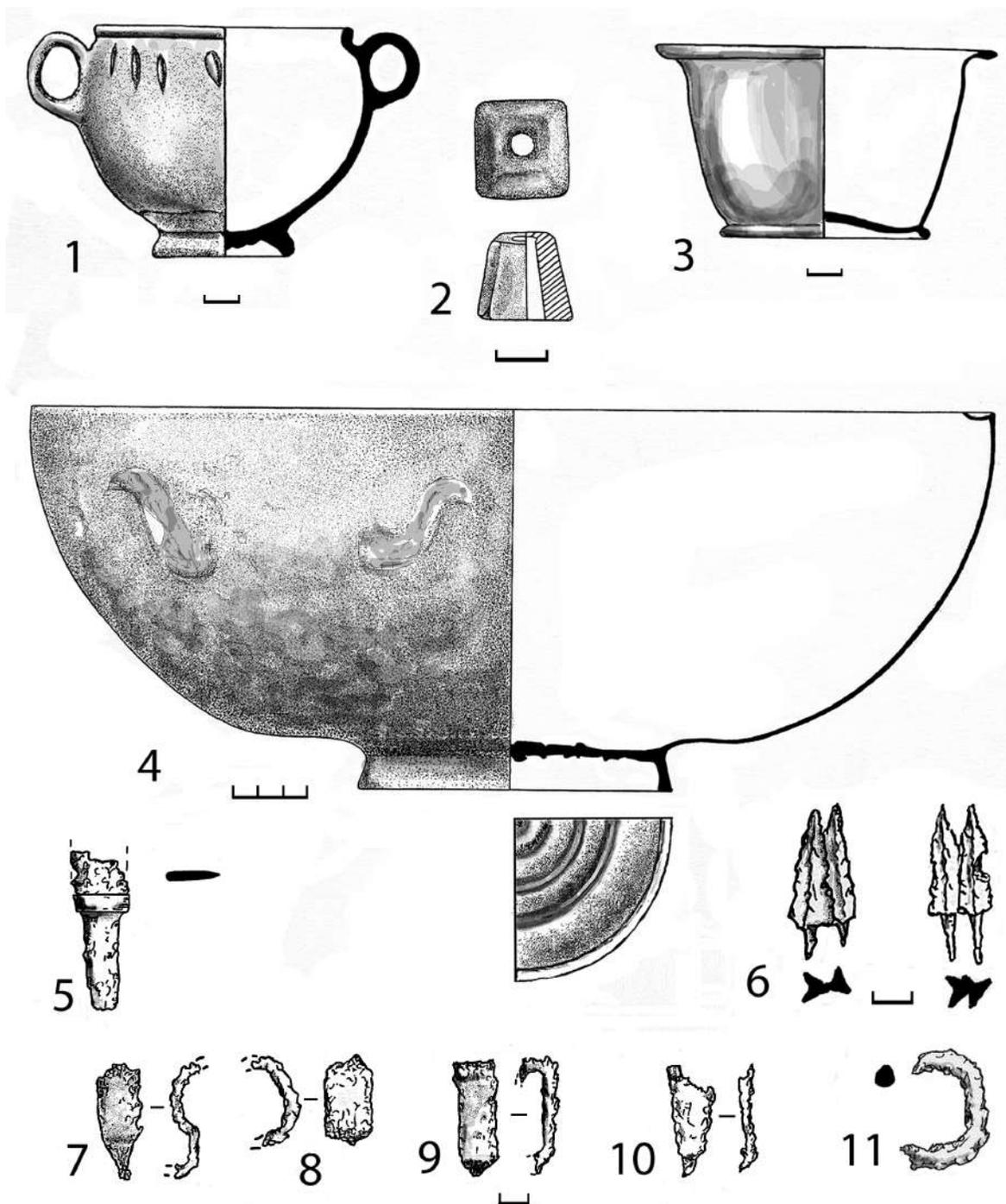

Рис. 7. Инвентарь кургана 3 Кобяковского некрополя. 1 — кубок, 2 — подвеска, 3 — чашка, 4 — таз, 5 — нож, 6 — наконечники стрел, 7–8 — скобы, 9–11 — фрагменты деталей упряжи (?) (1 — керамика, 2 — мел, 3 — стекло, 4 — бронза, 5–11 — железо)

Рис. 8. Фотографии предметов из погребения кургана 3 Кобяковского некрополя.
1 — кубок, 2 — чашка, 3 — таз (1 — керамика, 2 — стекло, 3 — бронза)

Рис. 9. Фотографии предметов из кургана 3 Кобяковского некрополя. 1 — нож, 2 — наконечники стрел, 3 — оселок, 4–7 — фрагменты деталей упряжи (?), обломки амфор (1–2, 4–7 — железо, 3 — песчаник, 8–10 — керамика)

Рис. 10. Фотографии изделий, плетенных из органики (обувь?), из кургана 3 Кобяковского некрополя

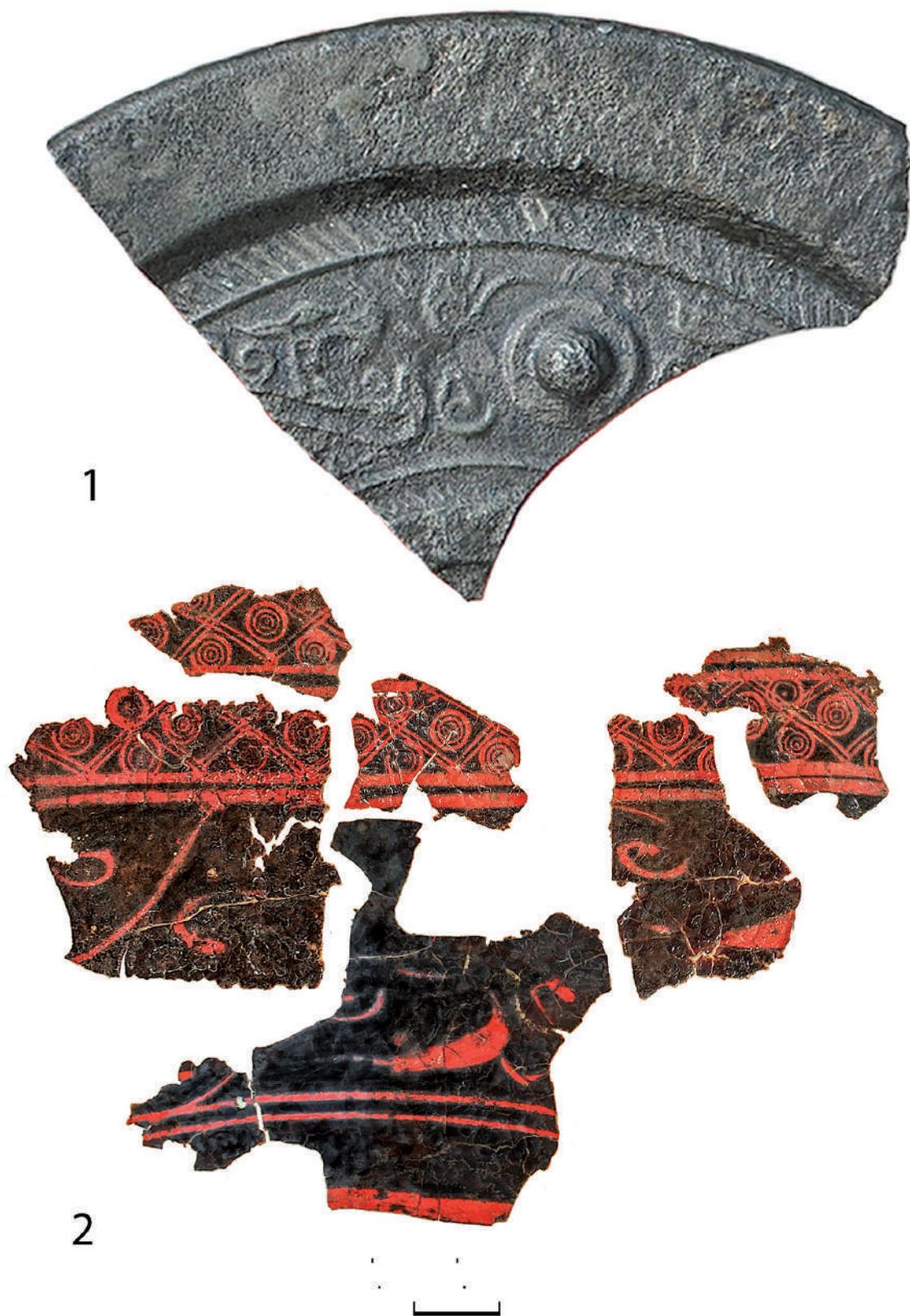
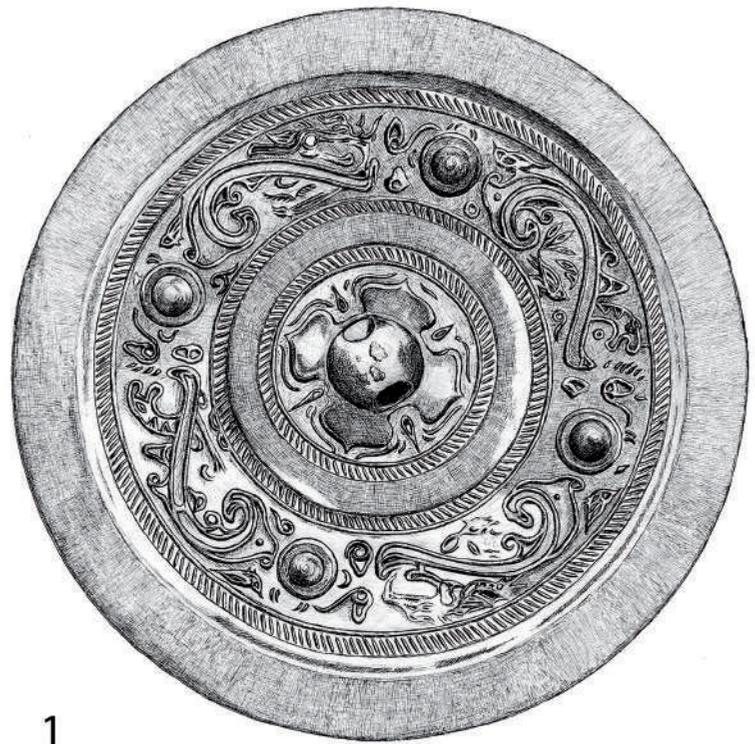
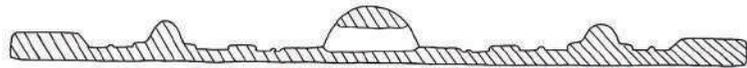

Рис. 11. Ханьские импорты из курганов Танаиса и его окрестностей.
1 — фрагмент бронзового зеркала из кургана 10 некрополя Танаиса,
2 — фрагменты лакового сосуда из кургана 46 могильника «Царский»

1

2

Рис. 12. Бронзовое Ханьское зеркало из кургана 10 Кобяковского курганного некрополя.
1 — рисунок, 2 — фото

А. А. Труфанов

Краснолаковые ойнохои Усть-Альминского некрополя

Ключевые слова: Крым, Усть-Альминский могильник, краснолаковая керамика, ойнохои

Key words: Crimea, Ust'-Al'ma cemetery, red-slip ware, *oenochoi*

У варварского населения Крыма первых веков н. э. имелся немалый спрос на распространенную в это время привозную краснолаковую посуду, она широко использовалась в повседневной жизни и применялась в погребальных обрядах — в качестве емкости для пищи, сопровождающей погребенного.

Количество краснолаковых сосудов, выявленных при раскопках позднескифских могильников, исчисляется сотнями, если не тысячами экземпляров. Значительную их часть составляют кувшины разнообразных форм. При этом в общей массе обнаруженной краснолаковой посуды кувшины со сливом, иначе называемые ойнохоями, представлены крайне малым количеством находок. На некоторых некрополях такие сосуды не найдены вообще, на других памятниках они представлены единицами. Те же, что обнаружены, имеют формаль-

ные особенности, мешающие выявлению точных аналогий этим сосудам при обращении к опубликованным материалам других синхронных памятников. Это существенно затрудняет систематизацию таких изделий. В частности, в коллекции из 597 краснолаковых сосудов могильников Бельбек III и Бельбек IV присутствуют только 2 ойнохои, причем Д. В. Журавлев в разработанной им типологии каждый из этих двух сосудов выделил в отдельную форму (Журавлев, 2010, с. 73, табл. 39, 296, 297).

На многих позднескифских могильниках краснолаковые ойнохои вообще не обнаружены, или представлены единичными находками. В ряде случаев это может объясняться тем, что большинство памятников раскопано не полностью, а лишь частично, но даже с учетом фрагментарности полученные материалы, как случайная статистическая выборка, отражают общую

ситуацию. Это подтверждается и данными некрополей с большим количеством раскопанных погребений. К примеру, таких сосудов не выявлено в погребениях Битакского могильника, притом, что коллекция краснолаковой посуды этого памятника достаточно велика. Среди опубликованных находок из Восточного некрополя Неаполя всего 2 ойнохой (Сымонович, 1983, табл. V, 1, 4).

В каталоге, отражающем керамическую коллекцию могильника Заветное, из 360 сосудов, учтенных как краснолаковые (Кюнелт, 2007, с. 139), насчитано 6 гончарных ойнохой, среди которых на самом деле только 1 бесспорно относится к числу краснолаковых изделий (Kühnelt, 2008, №139), остальные либо вообще не имеют лакового покрытия, либо его наличие вызывает сомнения, что отмечается самим автором каталога (Кюнелт, 2007, с. 144, 145). Одна краснолаковая ойнохоя обнаружена при раскопках Чернореченского могильника (Бабенчиков, 1963, с. 105; Труфанов, 2009, рис. 49, 3).

Группа краснолаковых ойнохой, найденных к настоящему времени на территории Усть-Альминского могильника, состоит из 18 сосудов, происходящих из 17 погребальных комплексов. Это самая многочисленная серия сосудов данного типа в сравнении с коллекциями других позднескифских памятников, однако, принимая во внимание, что количество раскопанных погребальных сооружений Усть-Альмы значительно превышает число погребений, изученных на других синхронных памятниках варварского населения Крыма, данный факт не должен вызывать удивления. Пропорциональное соотношение между количеством ойнохой и общей массой краснолаковых изделий здесь приблизительно такое же, как на других позднескифских могильниках.

Можно прийти к выводу, что в комплексе краснолаковой посуды, попадавшей в погребения позднескифских могильников, при всем многообразии ее типов процент ойнохой крайне мал.

Совсем иной выглядит ситуация на Боспоре. Там подобные сосуды попадали в погребения значительно чаще, что можно отметить, например, на основании материалов изучения некрополей, относящихся к сельским поселениям прибрежной зоны. Так, среди 57 опубликованных краснолаковых сосудов могильника Золотое имеется 5 ойнохой¹ (Корпусова, 1983, с. 38, 162). В числе 32 краснолаковых сосудов могильника у с. Ново-Отрадное присутствуют 6 ойнохой (Арсеньева, 1970, с. 133, табл. 14, 8; 16, 9–13). Считается, что большая их часть относится к изделиям боспорского производства (Арсеньева, 1970, с. 135; Корпусова, 1983, с. 38). Эти ойнохой имеют свои формальные особенности, отличающие их от сосудов, обнаруженных в позднескифских могильниках центрального и юго-западного Крыма, что мешает их привлечению в качестве прямых аналогий. Помимо краснолаковых и простых гончарных сосудов, в погребениях некрополей Боспора встречены и лепные ойнохой, что для позднескифских могильников вообще несвойственно.

Представленный ниже перечень ойнохой Усть-Альминского некрополя состоит из краснолаковых изделий. В него не включены гончарные ойнохой без лакового покрытия, представленные в керамике Усть-Альмы в основном сосудами двух типов. В числе этих гончарных изделий довольно большая группа плоскодонных сосудов с резко обозначенным местом перехода тулова в горло (Пуздровский, 2007, рис. 176, 1, 2; 177, 8–10) из комплексов последней трети I – первой половины II в. н. э., а также встреченные в меньшем количестве ойнохой с вогнутым дном и плавным переходом тулова в горло (Пуздровский, 2007, табл. 185, 1) из погребений II – первой половины III в. н. э. На некоторых из этих сосудов прослеживаются следы ангоба, что при написании отчетов служило пово-

¹ В тексте монографии В. Н. Корпусовой упоминаются 6 краснолаковых ойнохой, но в иллюстративной части работы представлено 5 сосудов (Корпусова, 1983, с. 38, табл. II, 14; VIII, 2; XX, 5; XLII, 12; XLIII, 14).

дом для отнесения их к числу краснолаковых, но во избежание путаницы здесь они не рассматриваются, поскольку их форма полностью повторяет форму сосудов без лакового покрытия.

Найденные в погребениях Усть-Альминского могильника краснолаковые ойнохои в количественном отношении уступают гончарным, но более разнообразны по форме. Различаются сосуды, ручка которых расположена перпендикулярно оси слива, и ойнохои с ручками, прикрепленными по оси слива, иногда с небольшим смещением или наклоном вправо. Остальные различия касаются пропорций и размеров изделий. Довольно высока и их вариативность в отношении глины и качества лакового покрытия. По-видимому, это многообразие при незначительном количестве находок указывает на то, что краснолаковые ойнохои поступали к варварскому населению Крыма из большего числа мастерских, но при этом в ограниченном количестве.

Из приведенного ниже списка ойнохой Усть-Альминского могильника почти все (17 экз.) в настоящее время хранятся в фондах ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», один экземпляр, происходящий из могилы 75, в фондах музея обнаружить не удалось.

Форма 1. Сосуд с яйцевидным, расширяющимся книзу туловом и узким высоким горлом, верхняя часть которого оформлена в виде раструба, на кольцевом поддоне (рис. 1, 1). Ручка расположена перпендикулярно по отношению к оси слива. Верхняя часть тулова украшена двумя поясами врезных линий. Высота сосуда 14,2 см, максимальный диаметр тулова 9,4 см, диаметр поддона 6,7 см.

Ойнохои находилась среди вещей погребения 31 склепа 550. К этому же погребению относились бусы: округлые из синего и красного стекла, а также округлые из стекла с металлической прокладкой. Погребение 31, располагавшееся на самом дне

камеры, относится к числу наиболее ранних в этом склепе. Судя по расположению остатков гробов, его совершению предшествовало помещение в склеп гроба с захоронениями 34 и 35, в вещевом наборе которых присутствовала длинная дугоконечная пряжка второй трети или третьей четверти I в. н. э. (Труфанов, 2004, с. 165, 168). По-видимому, погребение 31 было совершено в рамках этого же отрезка времени, или чуть позже.

Аналогии. Полную аналогию данному сосуду в опубликованной литературе найти не удалось. Наиболее близка ему по формальным признакам ойнохои из склепа 170 (Золотое), функционировавшего, по мнению В. В. Корпусовой, в I в. до н. э. – начале I в. н. э., отличающаяся, однако, сферическим туловом и витой ручкой (Корпусова, 1983, с. 112, табл. VIII, 2).

Форма 2. Сосуд со сферическим, сужающимся книзу туловом и узким высоким горлом, верхняя часть которого оформлена в виде раструба, на кольцевом поддоне (рис. 1, 2). Ручка расположена почти перпендикулярно по отношению к оси слива. Верхняя часть тулова украшена поясом врезных линий. Высота 17,9 см, максимальный диаметр тулова 13,1 см, диаметр поддона 7,0 см.

Данный сосуд обнаружен в могиле 469. В монографии А. Е. Пуздровского эта ойнохои «по совокупности данных» (погребальный обряд, инвентарь комплекса) датирована концом I в. до н. э., при этом остальной набор краснолаковой посуды отнесен ко времени между 20 г. до н. э. и 20 г. н. э. (Пуздровский, 2007, с. 84).

Ойнохои, найденная в могиле 469, происходит из подбоя 1, в котором находилось погребение женщины. В числе сопровождающих находок, кроме того, присутствует тарелка с лаковым покрытием, фрагментированный веретенообразный флакон, полусферическая краснолаковая чашка, нож, раковина каури, серьги, фрагменты гвоздей и множество бус, среди которых бочковидные изделия из чередующихся полос

разноцветного стекла, расположенных наклонно по отношению к каналу отверстия (Алексеева, 1978, с. 47, тип 249). В другом подбое этой же могилы находилось погребение ребенка с шарнирной дуговидной фибулой, краснолаковым кубком, лепной курильницей с отверстиями, бронзовым кольцом с тремя рядами выступом и бусами.

Шарнирная фибула, относящаяся к типу «Алезия», имеет соответствия среди находок из римских провинций, обычно датирующихся в пределах второй половины I в. до н. э. (тип 5.1 по: Riha, 1994, Taf. 18, 2238). Однако в Северном Причерноморье, как считает В. В. Кропотов, подобные фибулы имеют тенденцию у «запаздыванию», поскольку встречаются с застежками, бытовавшими, по его мнению, в конце I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. и даже во второй половине I – начале II в. н. э. (Усть-Альма, склеп 440) (Кропотов, 2010, с. 264, 272, 273, рис. 76, 8). Что же касается комплекса с фибулой из могилы 469, то полагаю, что он все-таки может быть датирован в пределах конца I в. до н. э. – первой половины I в. н. э., поскольку в его составе нет находок, однозначно указывающих на время после середины I века н. э.

Судя по конструктивным особенностям могилы 469, подбойная камера с погребением взрослой женщины была сооружена раньше, чем меньший по размерам и не столь глубокий подбой с детским захоронением. Отсюда следует, что погребение с ойнохоей было совершено не позже даты, определяемой фибулой. Не противоречат этому и прочие находки из комплекса. Тарелка с лаковым покрытием, пережженным до черного цвета (Пуздровский, 2007, рис. 163, 5), не имеет аналогий среди краснолаковой керамики второй половины I – первой половины III в. н. э., что может служить некоторым основанием для ее более ранней датировки. Веретенообразный флакон (Пуздровский, 2007, рис. 164, 1) по формальным признакам близок сосудам, найденным в усадьбе Хрисалиска (Соколь-

ский, 1976, рис. 54, 1, 7). На этом основании женское погребение с ойнохоей может быть датировано в пределах конца I в. до н. э. – первой половины I в. н. э., или чуть более ранним временем.

Форма 3. Сосуд со сферическим туловом и узким высоким горлом, верхняя часть которого выделена утолщением, образующим ребро, на кольцевом поддоне (рис. 1, 3). Ручка расположена по оси слива. Верхняя часть тулова украшена поясом врезных линий. Высота 17,5 см, максимальный диаметр тулова 12,1 см, диаметр поддона 7,0 см. Нижняя часть сосуда без лакового покрытия. По многим формальным признакам данный сосуд похож на ойнохою формы 2, отличаясь расположением ручки.

В подбойной могиле 466, в которой была найдена эта ойнохоа, судя по размеру костяка, был погребен подросток. В составе погребального инвентаря, помимо того, находились: краснолаковая усеченно-коническая тарелка с костью животного, кинжал с кольцевым навершием, бронзовый пластинчатый предмет с отверстиями и большое количество бус, сосредоточенных главным образом рядом с погребенным. Среди них округлые и бочковидные бусы из чередующихся полос разноцветного стекла, расположенных наклонно по отношению к каналу отверстия (Алексеева, 1978, с. 47, типы 248 и 249), а также стеклянная пронизь в форме скарабея наподобие изделий, встреченных в погребениях Кольчугинского могильника (Храпунов, Масыкин, Мульд, 1997, с. 106, типы 48 и 49).

Ойнохою из могилы 466 А. Е. Пуздровский отнес к концу I в. до н. э., краснолаковую тарелку из этой же могилы датировал 20 г. до н. э. – 20 г. н. э., а саму могилу, с учетом найденного в ней меча с кольцевым навершием, причислил к числу комплексов I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. (Пуздровский, 2007, с. 66, 84).

Форма 4. Сосуд с высоким биконическим туловом и узким высоким горлом, верхняя часть которого оформлена в виде

раструба, на кольцевом поддоне (рис. 1, 4). Ручка расположена по оси слива. Высота сосуда 18,5 см, максимальный диаметр около 11,6 см, диаметр поддона около 6,0 см. Как отмечалось ранее, в фондах Бахчисарайского музея данный сосуд обнаружить не удалось и здесь его изображение и данные о размерах приводятся по рисунку и описанию из монографии Т. Н. Высотской (Высотская, 1994, с. 79, табл. 22, 27).

Ойнохоя происходит из могилы 75, в которой находилось детское погребение. Вместе с ней обнаружены: краснолаковая тарелка Понтийской группы с вертикальным бортиком и клеймом *planta pedis*, бронзовые колокольчики, нож, фрагменты гвоздей, бусы и фаянсовая фигурная подвеска в виде сдвоенных «ведерок». Краснолаковая тарелка по наличию клейма относится к изделиям, распространение которых, по мнению Д. В. Журавлева, приходится на середину I – начало II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 104, 112). Большие полусферические колокольчики, подобные одному из найденных в могиле, известны по находкам из погребений этого же времени (Труфанов, 2009, с. 235), что и определяет датировку комплекса.

Форма 5. Сосуды с округлым приземистым туловом и высоким широким горлом, на кольцевом поддоне (рис. 2, 1, 2). Ручка расположена по оси слива. Такие кувшины, различающиеся в деталях, найдены в могилах 292 и 1052.

5.1. Ойнохоя с округлым приземистым горлом и высоким широким горлом, на кольцевом поддоне (рис. 2, 1; 6, 6). На месте перехода тулова в горло имеется валик. Верхняя часть ручки украшена налетом. Высота сосуда 13,6 см, максимальный диаметр тулова 11,6 см, диаметр поддона 5,6 см. Глина бледно-оранжевая, с включениями белых и бурых частиц. Лаковое покрытие представляет собой матовую коричневатую-оранжевую обмазку, остатки которой сохранились на горле и тулове.

Ойнохоя найдена в могиле 1052, содержащей останки детского погребения. Помимо нее, в состав комплекса входят: краснолаковая чашка, различные подвески и большое количество бус (Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 78, 79, рис. 151; 152). В числе бус бочковидные изделия из чередующихся наклонных полос разноцветного стекла (Алексеева, 1978, с. 47, тип 249), а также цилиндрические ребристые бусы с металлической прокладкой (Алексеева, 1978, с. 31, тип 11). При публикации погребение было датировано в последней трети I – первой половиной II в. н. э. (Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 79), однако возможна и более ранняя датировка.

5.2. Ойнохоя с округлым приземистым горлом и высоким широким горлом, на кольцевом поддоне (рис. 2, 2). На месте перехода тулова в горло имеется валик, на уровне нижнего прилепа ручки проведена врезная линия. Высота сосуда 13,4 см, максимальный диаметр тулова 10,2 см, диаметр поддона 5,7 см.

Рассматриваемая ойнохоя найдена в могиле 292 в составе вещей, сопровождающих детское погребение. Среди прочих находок: бусы, колокольчик, железная подвеска, бронзовая бляшка с тремя отверстиями, фрагменты краснолаковой тарелки и кость животного. О подвеске и бляшке в отчете сказано, что они разрушились при зачистке, соответственно рисунков и фотографий этих находок не имеется. Не ясна и форма тарелки, так как ее фрагменты даже не были включены в коллекционную опись. По этим причинам оснований для датировки комплекса недостаточно.

Аналогии. Сосуд, по формальным признакам близкий ойнохое из могилы 292, но отличающийся далеко выступающей ручкой, происходит из могилы 152 некрополя Золотое, которую В. Н. Корпусова датировала I в. н. э. (Корпусова, 1983, с. 110, табл. XLII, 12).

Форма 6. Ойнохой с грушевидным туловом и коротким горлом, обозначенным изгибом стенки, на кольцевом поддоне

(рис. 3, 1–4). Ручка расположена по оси слива. Различаются сосуды с широким и более узким горлом, но следует ли считать данный признак формообразующим, на основании столь малой статистической выборки определить сложно. Ойнохой этой формы представлены в коллекции керамики из Усть-Альминского некрополя 4 экземплярами. Они найдены в могилах 90, 614 и 759, а также в склепе 1067.

Могила 90. Сосуд с относительно узким горлом, тулово в верхней части украшено поясом из врезных линий (рис. 3, 1; 6, 1). Высота 11,7 см, максимальная ширина 8,7 см, диаметр поддона 4,7 см. Часть венчика утрачена. Глина оранжевая, лаковое покрытие красно-коричневого цвета, неравномерное, матовое, нижняя часть сосуда без покрытия. Вместе с ойнохой в могиле, содержащей остатки детского погребения, найдены бусы и краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 46, форма 4.2).

Могила 614. Широкогорлый сосуд, тулово в центральной части декорировано поясом из врезных линий (рис. 3, 2). Высота 11,5 см, максимальный диаметр 9,2 см, диаметр поддона 5,1 см. Лаковое покрытие красно-коричневое, нижняя часть сосуда без лака. В составе находок, сопровождающих детское погребение в могиле 614, кроме ойнохой, имеется фибула, краснолаковые тарелка и кубок, нож, гривна, ведерковидные подвески и бусы, среди которых фаянсовые округло-ребристые и округлая из чередующихся наклонных полос разноцветного стекла (Алексеева, 1978, с. 47, тип 248).

Фибула относится к типу изделий с S-видным завитком, время существования которых, по мнению В. В. Кропотова, ограничено периодом расцвета среднесарматской культуры, под которым он подразумевает вторую половину I – начало II в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 185, 332, группа 8, серия I, форма 1). Краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком и клеймом *plan-*

ta pedis относится к изделиям последней трети I – первой половины II в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 154, тип 3, группа 1). Краснолаковый кубок датируется в пределах последней трети I – начала II в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 162, рис. 24, 1–6, тип 1). По совокупности этих датировок время совершения погребения в могиле 614 определяется в границах последней трети I – начала II в. н. э.

Могила 759. Сосуд с относительно узким горлом (рис. 3, 3; 6, 4). Высота 10,4 см, максимальный диаметр 8,9 см, диаметр поддона 4,5 см. Глина оранжевая, лак оранжево-коричневый, нижняя часть сосуда без покрытия. Часть венчика утрачена.

В могиле 759 находилось захоронение девочки-подростка, сопровождавшееся большим количеством разнообразных вещей, среди которых краснолаковая посуда (тарелка, кувшин, кубок, чашка), фибулы, шило, нож, браслеты, зеркало, перстни, кольца, колокольчики и множество бус. К числу узко датирующихся находок относится краснолаковая тарелка группы ESB-2 (Hayes, 1985, form 60) с фигурным клеймом последней четверти I – первой половины II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 26, 27, 126–128). Зеркало-подвеска датируется по аналогиям из погребений конца I – первой половины II в. н. э. (Труфанов, 2007, с. 176, вариант 2). Краснолаковый кувшин подобен сосудам из могильника Бельбек IV, происходящим из комплексов первой половины II в. н. э. и второй – третьей четверти II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 77, форма 5), что не исключает существование таких кувшинов и в предшествующее время. Краснолаковые кубки (или кружки) с валиком под венчиком появляются в погребениях крымских некрополей в последней четверти I в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 91, 92, форма 1) или в последней трети I в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 128, 167). К этому же времени относится появление пирамидальных колокольчиков (Труфанов, 2009, с. 235).

На основании перечисленных датировок время совершения захоронения в моги-

ле 759 может быть отнесено к последней четверти или концу I – первой половине II в. н. э. А. Е. Пуздровский датировал комплекс вещей из могилы 759 рубежом I–II вв. н. э. (Пуздровский, 2007, с. 180).

Склеп 1067. Кувшин с относительно узким горлом, склеен из фрагментов (рис. 3, 4; 6, 7). Высота 13,3 см, максимальный диаметр 10,4 см, диаметр поддона 5,8 см. На тулове имеются неровности, полученные при ротации сосуда на гончарном круге. Глина бледно-оранжевая, лак темно-оранжевый, коричневатого оттенка, с темно-коричневыми пятнами, покрывающий почти всю внешнюю поверхность сосуда, за исключением нижней части с поддоном.

Ойнохоя обнаружена среди остатков разрушенных погребений в нижней части заполнения камеры разграбленного склепа 1067. Судя по прочим находкам, этот склеп функционировал с третьей четверти I в. н. э. до конца I – начала II в. н. э. (Пуздровский, Труфанов, 2015, с. 212, рис. 5, 4), а может быть, и до середины II в. н. э. Учитывая то, что склеп являлся «многоярусным», а ойнохоя найдена в нижней части заполнения камеры, можно предположить, что она относилась к одному из ранних погребений.

Аналогии. Две ойнохои, соответствующие сосудам рассматриваемой формы, происходят из комплексов могильника Бельбек IV, датированных в пределах последней четверти I – первой половины (или первой четверти) II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 73). Эти ойнохои, представленные в типологии Д. В. Журавлева как сосуды двух форм (Журавлев, 2010, с. 73, табл. 39, 296, 297, табл. XIV, 296; XV, 297), на мой взгляд, не имеют существенных формальных отличий и различаются лишь размерами – одна из них больше (высота 16,6 см, диаметр поддона 6,0 см), другая меньше (высота 11,5 см, диаметр поддона 4,9 см). Это кувшины с грушевидным туловом и коротким, более или менее широким горлом, что вполне соответствует характеристикам сосудов рассматриваемой формы.

Такие же формальные признаки имеют две краснолаковые ойнохои, найденные при раскопках Восточного могильника Неаполя скифского. Одна из них происходит из склепа 75, функционировавшего длительное время (с I в. до н. э. до II в. н. э., по определению Э. А. Сымоновича), другая найдена в могиле 94 вместе с лучковой фибулой II в. н. э. (Сымонович, 1982, с. 50–52, 74, табл. V, 1, 4).

Датировка. Большинство комплексов с ойнохоями рассматриваемой формы относится к последней трети (или четверти) I – первой половине II в. н. э. Хронология некоторых погребений определяется в рамках второй половины I в. н. э. и II в. н. э., что допускает вероятность более длительного периода существования таких сосудов. На более раннее время возникновения формы указывает и находка ойнохои с грушевидным туловом, но с далеко выступающей ручкой, происходящая из могилы 163 некрополя Золотое, которую В. Н. Корпусова датировала I в. до н. э. (Корпусова, 1983, 110, табл. XLIII, 14).

Форма 7. Ойнохои со сферическим туловом и коротким цилиндрическим горлом, на кольцевом поддоне (рис. 4, 1–4). Ручка расположена по оси слива. Среди 4 сосудов этой формы, найденных в погребениях Усть-Альминского могильника, различаются изделия трех вариантов.

7.1. Могила 269. Ойнохоя с широким сливом, со сферическим туловом и налепом на ручке найдена в могиле 269 (рис. 4, 1; 6, 2). Высота 13,5 см, максимальный диаметр 11,0 см, диаметр поддона 6,2 см. Глина бледно-оранжевая, лак темно-оранжевый с темными пятнами, нижняя часть сосуда без лакового покрытия.

В могиле 269 находилось погребение женщины, в числе находок краснолаковая полусферическая миска с ножом и костью животного, краснолаковая чашка с вертикальным бортиком и клеймом *planta pedis* с неразборчивыми буквами внутри рамки, створка раковины и румяна.

Появление на краснолаковой керамике клейм *planta pedis*, содержащих имя владельца мастерской или мастера, относят к 20-м годам I в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 98). Около середины I в. н. э. появляется, а с последней трети этого столетия широко распространяется посуда Понтийской группы, клейменная штампами *planta pedis* без надписей. На этом основании можно предположить, что чашка, найденная в могиле 269, была изготовлена во второй трети I в. н. э. и попала в закрытый комплекс около середины века, или чуть позже. Краснолаковая миска подобна сосудам из комплексов третьей четверти I в. н. э. и конца I – первой половины II в. н. э. могильника Бельбек IV (Журавлев, 2010, с. 54, 140, 141, форма 14.1). Согласно этим датировкам, комплекс находок из могилы 269, включая ойнохою, может быть отнесен ко второй половине I в. н. э.

7.2. Могилы 788. Ойнохою с широким сливом, со сферическим, слегка вытянутым туловом и налепом на ручке найдена в могиле 788 (рис. 4, 2). Высота 16,0 см, максимальный диаметр 12,1 см, диаметр поддона 6,4 см. Венчик с утратами, нижняя часть сосуда без лакового покрытия.

В могиле находилось погребение взрослого человека (мужчины?), в числе находок краснолаковая усеченно-коническая миска с загнутым венчиком с ножом и костью животного, пряжка с круглой рамкой и подвижным язычком, а также фибула с узкой спинкой и S-видным завитком на конце приемника. По мнению В. В. Кропотова, такие фибулы встречаются как в погребениях второй половины I – начала II в. н. э., так и в комплексах более позднего времени (Кропотов, 2010, с. 185, 189, 332, группа 8, серия I, форма 2(?)). Краснолаковая миска имеет широкий круг аналогий, датирующихся в пределах конца I – середины III в. н. э. В материалах могильника Бельбек IV такие сосуды представлены в комплексах конца I – первой половины II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 55, форма 17.1.1). Исходя из этого,

наиболее вероятным временем совершения захоронения в могиле 766 следует считать конец I – первую половину II в. н. э., не исключая и более позднюю датировку.

7.3. Ойнохои с узким сливом и со сферическим, слегка вытянутым туловом. Такие сосуды найдены в склепе 1067 и в могиле 1075 (рис. 4, 3, 4).

Склеп 1067. Высота сосуда 17,7 см, диаметр поддона 6,8 см (рис. 4, 3; 6, 8). Сосуд склеен из фрагментов, часть ручки утрачена. Горло и тулово в средней части декорировано поясами слабо выраженных врезных линий. Глина оранжевая, лак красный, покрывающий почти всю внешнюю поверхность сосуда, за исключением поддона.

Как отмечалось выше, «многоярусный» склеп 1067 функционировал с третьей четверти I в. н. э. до конца I – начала II в. н. э. (Пуздровский, Труфанов, 2015, с. 212), или до середины II в. н. э. Рассматриваемая ойнохою найдена в нетронутом грабителями заполнении погребальной камеры на высоте около 0,70 м от уровня дна, что следует расценивать как ее принадлежность к одному из наиболее поздних захоронений, совершенных в конце I – первой половине II в. н. э.

Могилы 1075. Высота сосуда 16,1 см, максимальный диаметр 12,6 см, диаметр поддона 6,7 см (рис. 4, 4; 6, 9). Глина бледно-оранжевая, лак оранжево-красный, нижняя часть тулова без лакового покрытия. Сосуд склеен из фрагментов.

В могиле 1075 находилось погребение взрослого человека (мужчины?), среди прочих находок — тарелка с вертикальным бортиком и клеймом *planta pedis* с ножом и костью животного, кубок без ручек, пряжка и оселок. Тарелка подобна некоторым сосудам из могильника Бельбек IV, происходящим из погребений второй половины I – первой четверти II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 41–45, формы 2 и 3). Кубок аналогичен сосудам, найденным в комплексах последней трети I – начала II в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 162, рис. 24, 1–6, тип 1).

Пряжка относится к изделиям с дуговидной рамкой и подвижным язычком. Ранние находки пряжек этой формы происходят из комплексов, датирующихся временем до рубежа эр, в числе поздних — пряжка из погребения II в. н. э. могильника Заветное (Труфанов, 2004, с. 161; Масякин, 2007, с. 130). На основании перечисленных датировок погребение в могиле 1075 может быть отнесено к последней трети I – первой четверти II в. н. э.

Датировка четырех комплексов Усть-Альминского некрополя с ойнохоями рассматриваемой формы укладывается в рамки второй половины I – первой половины II в. н. э.

Форма 8. Ойнохоя с коротким цилиндрическим горлом и высоким овальным туловом на кольцевом поддоне (рис. 5, 1). Высота 18,2 см, максимальный диаметр 11,6 см, диаметр поддона 5,4 см. Ручка утрачена в древности, но, судя по местам прилепов, она располагалась по оси слива. На горле и на тулове имеются неровности, полученные при ротации на гончарном круге. Нижняя часть сосуда без лакового покрытия.

Ойнохоя найдена в склепе 649 среди вещей, относящихся к поздним захоронениям, в числе которых узкогорлая светлоглиняная амфора типа D (по: Шелов, 1978), а также монеты Септимия Севера (193 – 211 гг. н. э.) и Плавтиллы (202 – 212 гг. н. э.). По мнению А. Е. Пуздровского, данные монеты позволяют датировать весь ярус с поздними захоронениями в склепе 649 «не ранее конца первой четверти III в. н. э.» (Пуздровский, 2007, с. 194). Полагаю, что более корректно датировать захоронения верхнего яруса склепа 649 более широким отрезком времени, в пределах первой половины III в. н. э.

Форма 9. Миниатюрные ойнохои со сферическим туловом и узким горлом, на кольцевом поддоне. Ручка расположена по оси слива. В Усть-Альминском некрополе эта форма представлена двумя находками (могилы 300 и 995/2) (рис. 5, 2, 3).

Могилы 300. Высота сосуда 10,0 см, максимальный диаметр 7,5 см, диаметр поддона 3,2 см (рис. 5, 2; 6, 3). На горле и тулове имеются неровности, полученные при ротации на гончарном круге. Глина бледно-оранжевая, лак оранжевый, матовый, нижняя часть сосуда без лакового покрытия.

Ойнохоя найдена в составе вещевого набора детского погребения в северном подбое могилы 300, вместе с браслетом и бусами. Среди датирующихся вещей из другого подбоя этой же могилы — браслет со змеиными головками второй половины II – первой половины III в. н. э. (Труфанов, 2001, с. 76, вариант VI-Б), а также лучковая фибула со сплошной обмоткой спинки и бронзовая подвеска в виде птицы этого же времени (Труфанов, 2009, с. 210, 232). Вероятно, погребение в северном подбое тоже было совершено в этот период.

Могилы 995/2. Высота сосуда 9,8 см, максимальный диаметр 7,5 см, диаметр поддона 3,3 см (рис. 5, 3; 6, 5). На горле и тулове неровности, полученные при ротации на гончарном круге. Глина бледно-оранжевая, лак бледно-оранжевый, блестящий, нижняя часть сосуда без лакового покрытия.

Ойнохоя находилась среди вещей, сопровождающих погребение женщины в подбое 2 могилы 995. Помимо нее, в состав вещевого набора входили серьги, бусы, браслет, перстень, зеркало, фибула, нож, игла и краснолаковый кувшин. Наибольшее значение для датировки имеет лучковая двучленная фибула. По мнению В. В. Кропотова, такие фибулы, относящиеся к группе 4, серии III в его типологии, распространяются «после бурных событий середины III в. н. э.» (Кропотов, 2010, с. 151).

Принимая во внимание предполагаемое прекращение функционирования позднескифского Усть-Альминского могильника около середины III в. н. э. и учитывая исключительную редкость двучленных фибул в материалах этого памятника (пока здесь найдено всего 2 экз. таких застёжек), погребение в подбое 2 могилы 995 может

быть отнесено к финальному этапу существования некрополя. Остальные вещи из комплекса относятся к числу находок, характерных для погребений первой половины III в. н. э. Среди них кувшин с грушевидным туловом конца II – первой половины III в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 89, 90, форма 39) и зеркало (Труфанов, 2007, с. 178, 179, вариант 6-Б) с такой же датировкой. Полагаю, что все это позволяет датировать погребение в могиле 995 временем, близким к середине III века.

Аналогии. Ойнохоя этой же формы (высота 11,2 см) найдена в могиле 20 (54) (Черноречье) с детским захоронением вместе с монетой Юлии Мезы (ум. в 223 г. н. э.) (Бабенчиков, 1963, с. 105). Могилу 298 (Заветное) с такой же миниатюрной ойнохой Е. Кюннелт отнесла ко второй половине II–III в. н. э. [Kühnelt, 2008, p. 207, № 139, form O-1].

Датировка. На основании перечисленных датировок распространение сосудов рассматриваемой формы следует относить ко второй половине II – середине III в. н. э. Возможно, действительный период попадания таких сосудов в погребения был более коротким, в пределах конца II – середины III в. н. э.

Форма 10. Ойнохоя с широким горлом, грушевидным туловом и плоским днищем, по краю которого проведен желобок, создающий имитацию поддона (рис. 5, 4). Высота 11,0 см, максимальный диаметр 8,7 см, диаметр дна 4,4 см. Нижняя часть сосуда без лакового покрытия.

В могиле 349, из которой происходит эта ойнохоя, находилось детское погребение. В числе прочих находок — краснолаковая миска с ножом, перстень и бусы. Усеченно-коническая миска с загнутым венчиком близка сосудам формы 17.1.1 в типологии Д. В. Журавлева, представленных в материалах могильника Бельбек IV изделиями, происходящими из комплексов конца I – первой половины II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 55). Вероятно, в пределах этого же

хронологического отрезка следует датировать и могилу 349.

Судя по данным Усть-Альминского некрополя, краснолаковые ойнохояи приблизительно в равной мере попадали как в могилы с детскими погребениями, так и в захоронения взрослых, вне зависимости от пола погребенных (дети — 7, подростки — 2 (девочка — 1, мальчик — 1), взрослые — 7 (мужчины — 2, женщины — 3, пол не определен — 2), данных нет — 2).

Опубликованные материалы позднескифских могильников позволяют заключить, что ойнохояи, как тип кувшинов, в погребальном обряде варварского населения Крыма II–I в. до н. э. использовались крайне редко. Возможно, данный факт отражает вообще незначительную долю ойнохой в комплексе посуды, употреблявшейся в это время быту. В коллекции керамики из Беяусского некрополя имеется всего одна ойнохоя — это гончарный, покрытый ангобом и орнаментированный красными полосами сосуд из комплекса II в. до н. э. (Дашевская, 2014, с. 17, табл. 18, 3). Совсем нет ойнохой в погребениях, датированных временем до рубежа эр, из Неапольского и Битакского могильников.

Наиболее ранние краснолаковые ойнохояи фиксируются в комплексах конца (последней четверти?) I в. до н. э. – середины I в. н. э. В их числе редкие находки из Усть-Альминского некрополя. Это сосуды с высоким и узким горлом с выделенной верхней его частью. У двух из них ручки расположена перпендикулярно оси слива (формы 1 и 2) (в более позднее время такой признак не наблюдается). Полагаю, что сосуд со схожими формальными признаками, происходящий из некрополя Золотое (Корпусова, 1983, с. 112, табл. VIII, 2), может быть датирован в пределах этого же отрезка времени.

Большая часть усть-альминских захоронений с ойнохоями относится ко второй половине I – первой половине II в. н. э. Сосуды этого времени представлены

широкогорлыми изделиями. Среди них ойнохои с высоким горлом и сферическим туловом (форма 5), с коротким горлом и грушевидным туловом (форма 6), с коротким горлом и сферическим туловом (форма 7), плоскодонная ойнохоа с грушевидным туловом (форма 10). Помимо краснолаковых изделий, в последней трети I – середине II в. н. э. в погребения Усть-Альминского могильника массово попадают гончарные плоскодонные ойнохои, что указывает на повышение популярности данного типа сосудов у местного населения в этот период. Вероятно, в рамках середины I – начала II в. н. э. датируется и большинство

погребений с краснолаковыми ойнохоями из погребений могильников Золотое и Ново-Отрадное².

Во второй половине II – первой половине III в. н. э. количество погребений с ойнохоями на Усть-Альминском некрополе существенно сокращается. Среди изделий, найденных в комплексах этого времени, широкогорлая ойнохоа с яйцевидным туловом (форма 8), а также миниатюрные узкогорлые сосуды со сферическим туловом (форма 9). Гончарные ойнохои в усть-альминских погребениях второй половины II – первой половины III в. н. э. тоже известны, но их значительно меньше, чем в предшествующий период.

Список использованной литературы

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 100 с. (САИ. Вып. Г1–12).
- Арсеньева Т. М. Могильник у деревни Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. МИА. 1970. №155. С. 82–149.
- Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. 284 с.
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–123.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9 / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь: б/и, 2010. 320 с.
- Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. Киев: Наукова думка, 1983. 184 с.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.
- Кюнелът Э. Краснолаковая керамика эгейского происхождения из некрополя у с. Заветное // Древняя Таврика / Под общей ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 139–148.
- Масякин В. В. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика / Под общей ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 125–138.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до. н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: б. и., 2015. С. 200–231.

² Могила 27 (Ново-Отрадное) Т. М. Арсенъева по совместной находке ойнохои с чашей с горизонтальными ручками датировала I в. до н. э. (Арсеньева, 1970, с. 162), но, по мнению Д. В. Журавлева, данная чаша (форма 28 в его типологии), так же, как и другие подобные ей сосуды из Ново-Отрадного, «не выходят за пределы середины I в.н.э.» (Журавлев, 2010, с. 59).

- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. / Под общей ред. В. И. Мордвинцевой. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 308 с.
- Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 128 с.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (По материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 175 с.
- Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М., 2001. С. 71–77. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 160–170.
- Труфанов А. А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Под общей ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.
- Храпунов И. Н., Масыкин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.
- Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Hayes J. W. Sigillate Orientali // *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio)*. Atlante delle forme ceramiche II. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1985. P. 1–96.
- Kühnelt E. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoff-gruppen der Pontischen Sigillata. Berlin: Freie Universitaät Berlin, 2008. 394 S.
- Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975 // *Forschungen in Augst*. 1994. Bd. 18. 204 S.

A. A. Trufanov

Red-Slip Oenochoai from Ust'-Al'ma Cemetery

Abstract

This paper publishes red-slip *oenochoi* from the Late Scythian cemetery of Ust'-Al'ma, discovered in graves from the late first century BC to the mid-third century AD. The paper presents an attempt of systematization of this type of artefacts against their formal attributes, with use of analogies from synchronous sites in the Crimea; the paper also discusses the aspects of chronology of the vessels in questions.

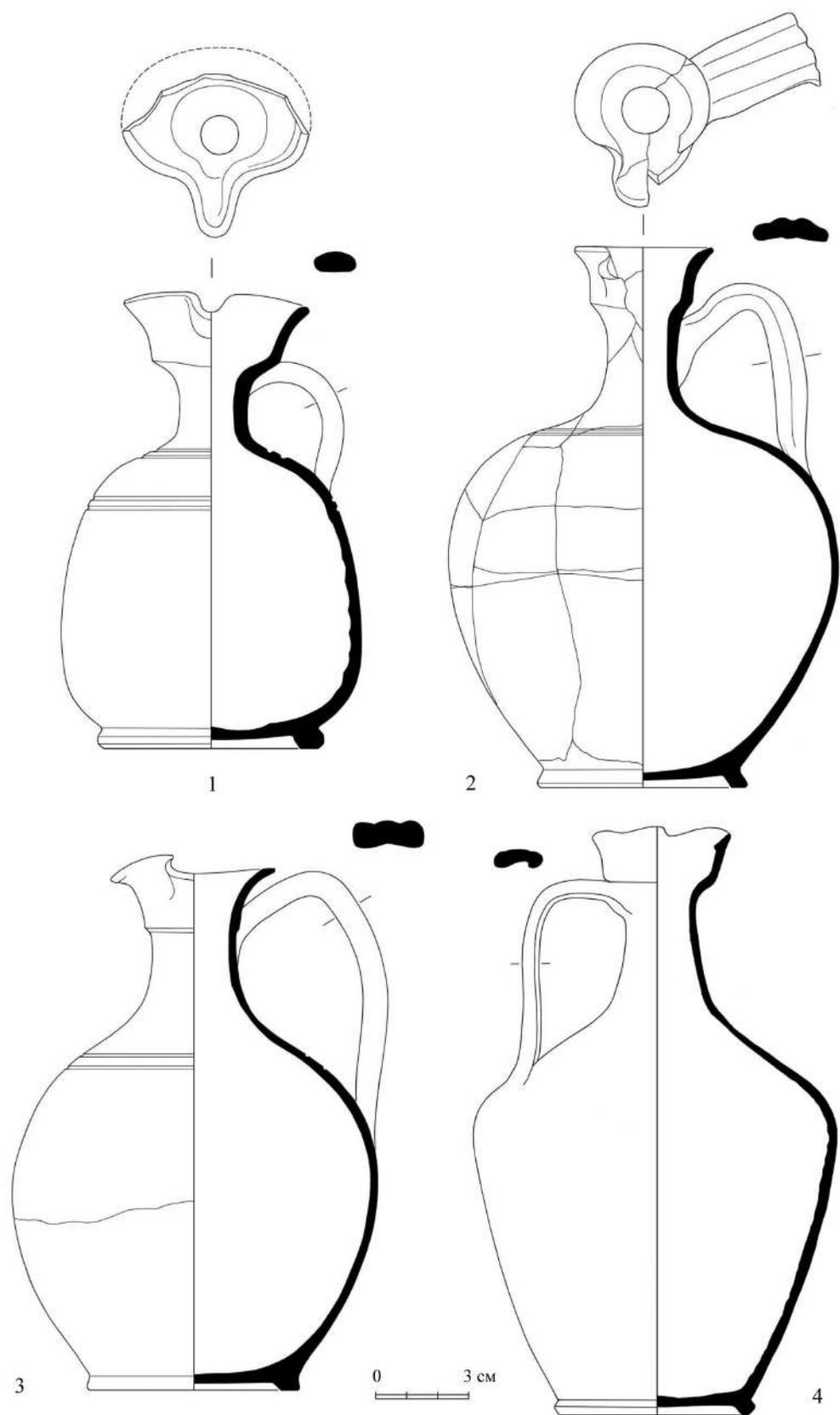

Рис. 1. Ойнохои. Форма 1: 1 — склеп 550, погребение 31; форма 2: 2 — могила 469, погребение 2; форма 3: 3 — могила 466; форма 4: 4 — могила 75

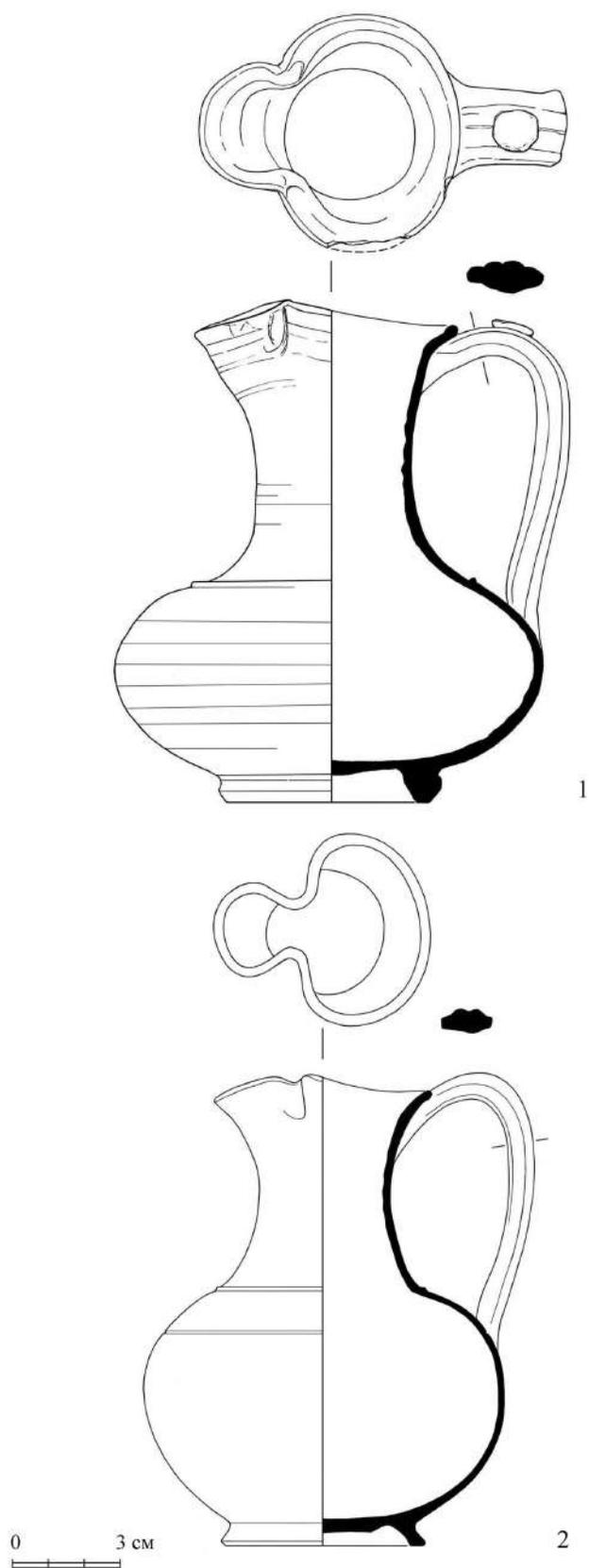

Рис. 2. Ойнохои. Форма 5: 1 — могила 1052, 2 — могила 292

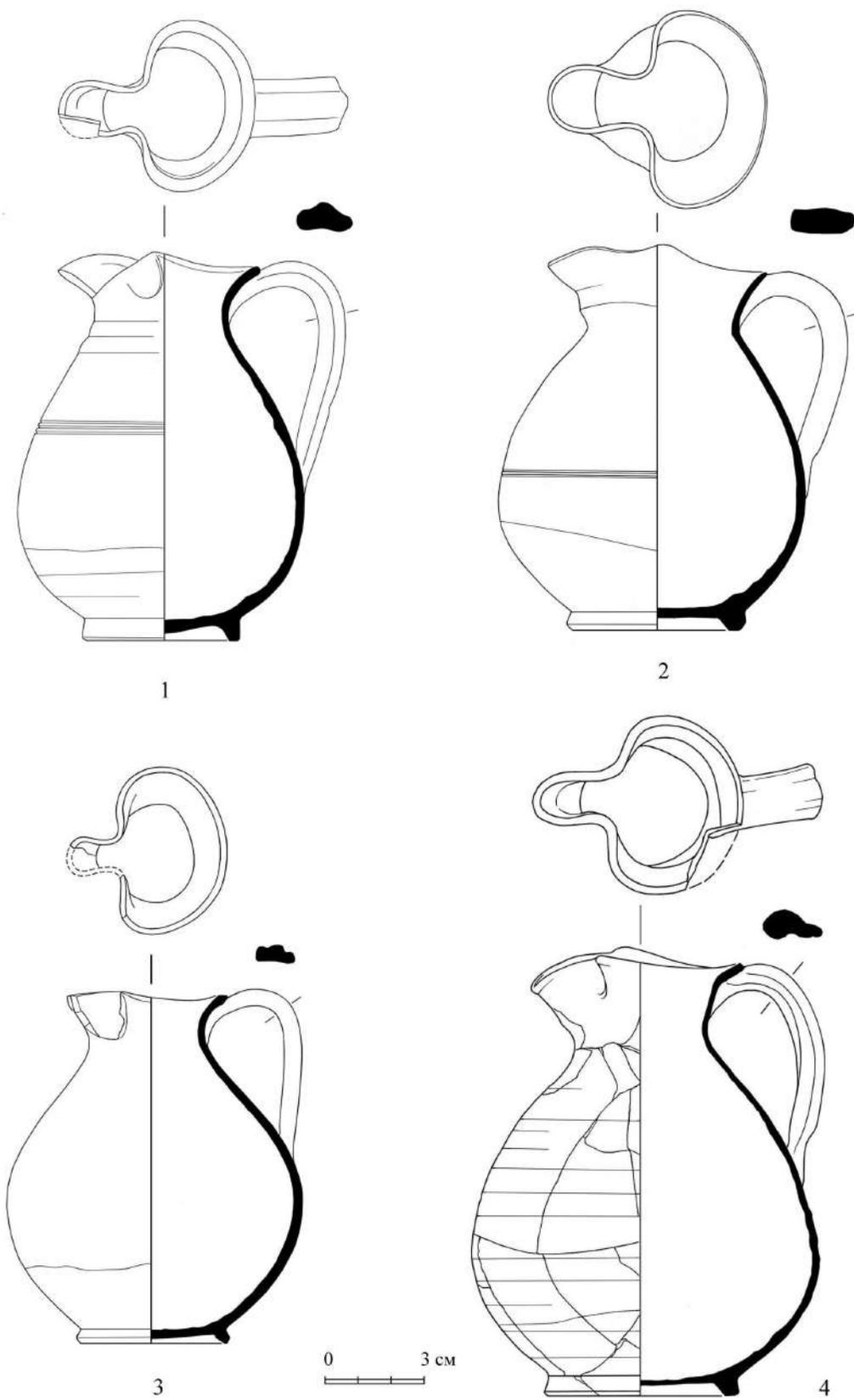

Рис. 3. Ойнохои. Форма 6: 1 — могила 90, 2 — могила 614, 3 — могила 759, 4 — склеп 1067

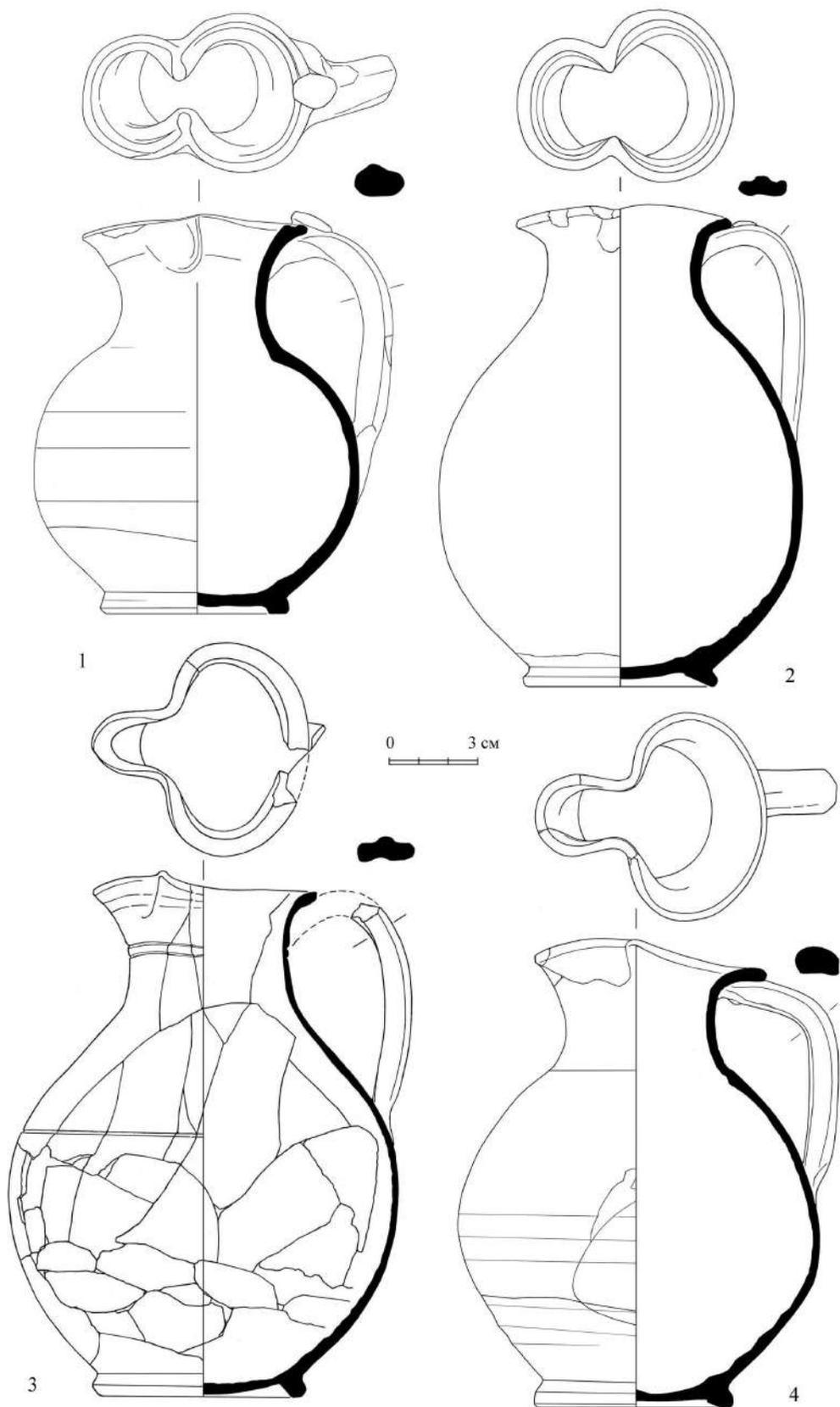

Рис. 4. Ойнохои. Форма 7: 1 — могила 269, 2 — могила 788, 3 — склеп 1067, 4 — могила 1075

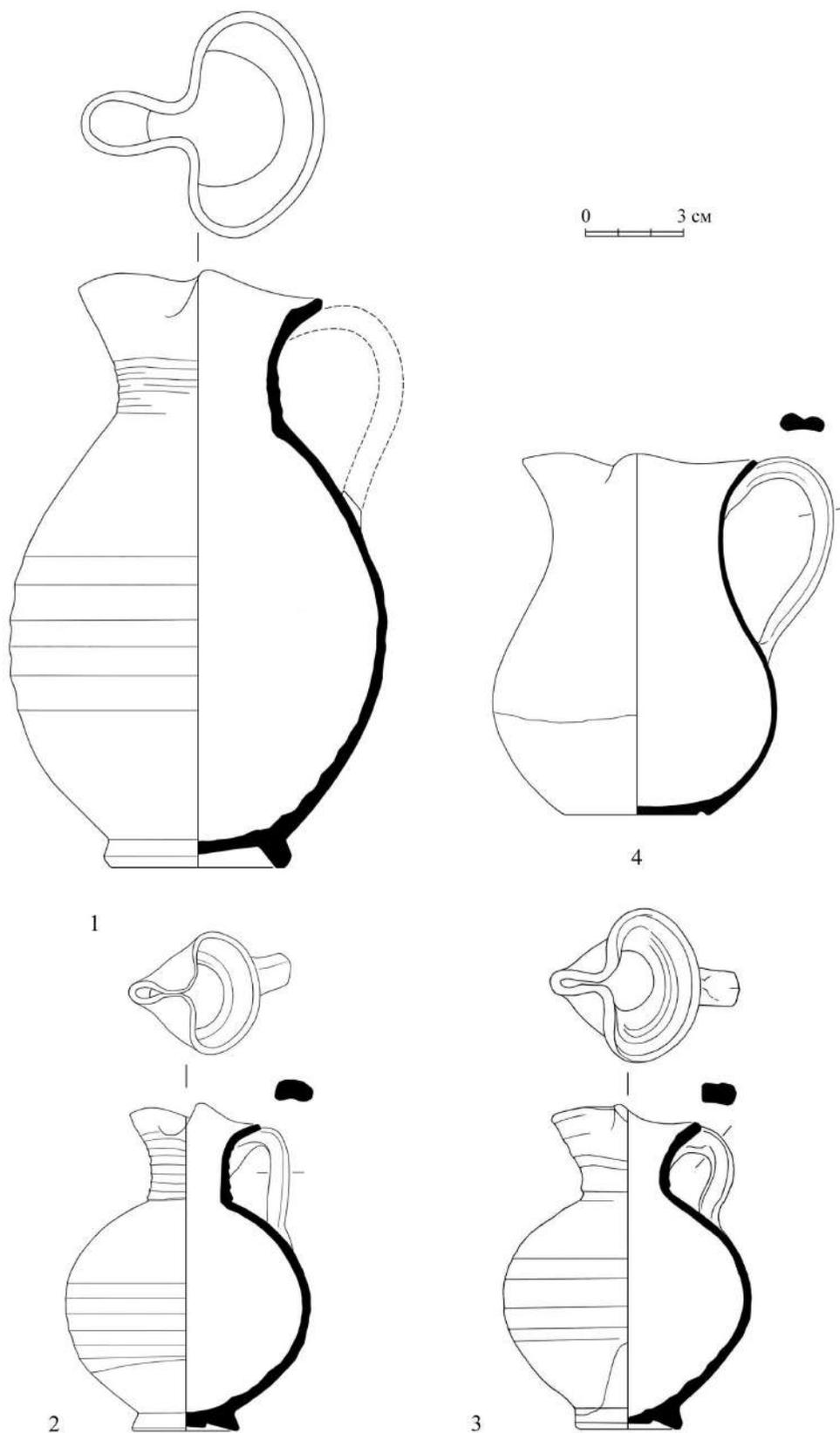

Рис. 5. Ойнохои. Форма 8: 1 — склеп 649; форма 9: 2 — могила 300, 3 — могила 995, погребение 2; форма 10: 4 — могила 349

Рис. 6. Ойнохои. 1 — могила 90, 2 — могила 269, 3 — могила 300, 4 — могила 759, 5 — могила 995/2, 6 — могила 1052, 7, 8 — склеп 1067, 9 — могила 1075

Д. А. Костромичев

Римское военное снаряжение из могильника Совхоз–10

Ключевые слова: римское военное снаряжение, фалеры, пряжки, фибулы, могильник Совхоз–10, погребальный инвентарь

Key words: Roman military equipment, *phalerae*, buckles, brooches, Sovkhoz-10 cemetery, grave goods

В 50–60-е гг. XX века в Крыму был проведен ряд важных и масштабных археологических исследований. Крупные памятники раскапывались широкими площадями с применением достаточно хороших методик фиксации и обработки материалов. Введение в научный оборот результатов раскопок многих таких памятников растянулось на долгие годы и, зачастую, не завершено до сих пор.

Одним из памятников, которые исследованы практически полностью, но опубликованы лишь частично, является некрополь Совхоз–10. Могильник расположен в Инкерманской долине в Юго-Западном Крыму. Некрополь функционировал в первой половине I тысячелетия н. э. Памятник исследовался в 1954–1967 гг. экспедицией Херсонесского музея, которую в 1954–1966 гг. возглавлял С. Ф. Стржелецкий, а в 1967 —

Ю. А. Бабинов. За это время было открыто почти 1000 погребальных сооружений. Могильник биритуальный. В нем использовался и обряд кремации, и обряд ингумации. Кремации совершались в керамических урнах и каменных оссуариях, часть из которых устанавливалась в каменные ящики. Всего было открыто более 600 кремаций. Ингумации производились в простых грунтовых могилах, подбойных могилах и склепах. Таких сооружений раскопано около 300.

Результаты раскопок опубликованы в коллективной монографии в 2005 году (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005). В ней даны общие характеристики погребального обряда, категорий погребального инвентаря, опубликованы таблицы вещей по комплексам находок. К сожалению, в монографии не хватило места

для описания каждой могилы. Эта важная информация сохраняется в отчетах о раскопках, которые авторами итоговой публикации справедливо охарактеризованы как «подробные, тщательно составленные и хорошо проиллюстрированные» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, с. 27).

Помимо монографии, существует ряд работ, в которых специально рассмотрены отдельные категории погребального инвентаря из некрополя Совхоз–10 (Высотская, Жесткова, 1999; Высотская, Рыжова, 1999; Высотская, 2000). Дальнейшая работа по изучению определенных разновидностей находок должна в обязательном порядке учитывать описания погребений из отчетов о раскопках.

Среди погребального инвентаря присутствует немногочисленная, но информативная группа находок — детали римского военного снаряжения. Эта группа ещё не подвергалась специальному анализу. Важность рассмотрения римского военного снаряжения как отдельной категории инвентаря из могильника обусловлена не совсем ясным местом этого памятника в ряду крымских могильников римского времени. Биритуальный обряд погребений является скорее не правилом, а исключением в Крыму. Кремации в небольшом количестве встречаются в некоторых варварских могильниках: Бельбеке I (Гущина, 1974, с. 32, 46–48), Скалистом III (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 124), Танковом (Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 85, 86, рис. 4, 2), Опушках (Храпунов, Мульд, 2005, с. 341–345; Пуздровский, 2007, с. 115, 116; Храпунов, 2016а, с. 123). В этих некрополях преобладает обряд ингумации. В Чернореченском могильнике (Бабенчиков, 1963, с. 90, 91) количество ингумаций превосходит число кремаций. Последние составляют четвертую часть погребений могильника. В позднеримское время в горном Крыму появляются могильники, полностью или почти полностью состоящие из кремаций — это Чатырдаг (Мыц, Лысенко,

Щукин и др., 2006) и Ай-Тодор (Блаватский, 1951, с. 262–273; Орлов, 1987; Храпунов, 2016а, с. 125). Для некрополя Совхоз–10 в регионе существует ещё одна параллель биритуального могильника — это городской некрополь римского Херсонеса. Сожжения в нем, хотя и применялись значительно реже ингумаций, всё равно были довольно многочисленны. По подсчетам В. М. Зубаря, к римскому времени относится 443 кремации (Зубарь, 1982, с. 51). Отчасти, именно поэтому, а также по причине территориальной близости двух памятников (расстояние между ними около 12 км) в поисках источников распространения различных влияний авторы публикации могильника рассматривали в первую очередь Херсонес. Появление и широкое распространение кремаций в Совхозе–10 в публикации напрямую связывается с римлянами. Действительно, пик использования кремаций в могильнике совпадает с максимумом римского военного присутствия в регионе во второй половине II – первой половине III в. н. э. В это время цепь римских постов и дозорных пунктов расположилась по гребню Сапун-горы (Sarnowski, Karasiewicz-Szczypiorski, Savelja, 2007, p. 59, 60; Karasiewicz-Szczypiorski, 2015, s. 75–82, рис. 36). Некоторые римские укрепления были выдвинуты к востоку и северу от этой линии (Алма-Кермен, Кадыковка, Харакс), составляя эшелонированную оборону подконтрольной Херсонесу территории.

Место, в котором находится могильник, расположено в непосредственной близости от сети римских постов и сельской территории Херсонеса. Расположение могильника, его необычные погребальные сооружения привели издателей к мысли о том, что в погребальном обряде отразились римские влияния. Этническая атрибуция населения, оставившего могильник Совхоз–10, на сегодняшний день вызывает споры среди исследователей. Характерно, что в недавнем обзоре варварских памятников Крыма И. Н. Храпунов не отнес могильник Совхоз–10 ни к одной

из групп варварских могильников (Храпунов, 2016а). Однозначной интерпретации памятника мешает разнообразие погребальных традиций, используемых на одном некрополе. Т. Н. Высотская, возглавлявшая подготовку итоговой публикации могильника, считала, что в это время в Инкерманской долине выделялись участки для римских солдат и ветеранов, что нашло отражение в распространении «характерного для них обряда погребений – кремаций» (Стржеleckий, Высотская, Рыжова и др., 2005, с. 191, 192). Ещё до выхода монографии Т. Н. Высотская высказывала мнение о том, что в могильнике во II–III вв. н. э. погребали ветеранов римской армии (Высотская, 1997, с. 25; Высотская, Жесткова, 1999, с. 37). Подобные взгляды развились в идею о том, что кремации в оссуариях принадлежали офицерам римской армии, которые командовали федератами (Ушаков, 2010, с. 69). Подобные выводы уже встретили определенную критику (Зубарь, 2006, с. 79, прим. 1; Пуздровский, 2007, с. 115), которая не получила, пока, подробного развития. Анализ находок деталей римского снаряжения из могильника Совхоз–10 позволяет разобраться вопрос о роли римской армии в жизни поселения, оставившего могильник, на новом уровне.

Предметы, которые можно отождествить с деталями римского военного снаряжения, выделены из массива погребального инвентаря некрополя на основе сходства с находками из зоны лимеса Римской империи, и, одновременно, редкостью подобных предметов в Крыму (исключение составляют материалы Херсонеса, где находился римский гарнизон). Важным отличием военного снаряжения от предметов римского импорта является принадлежность вещей оружию, амуниции или военному костюму римских солдат.

Один предмет из некрополя уже отождествлялся с деталью римского военного костюма. В каменном ящике XXV, в урне 1 была найдена халцедоновая гемма (Стрже-

leckий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 59, 45) (рис. 1, 1) (инв. № 34/36573). Ширина предмета 4,2 см, толщина 1,7 см, полная высота не сохранилась. Этой находке посвящена небольшая отдельная публикация, в которой предмет интерпретируется в качестве римской фалеры (Kolobov, Shevchenko, 2001). Камень сильно пострадал от огня, поверхность покрыта трещинами, часть изображения сколота, низ предмета и часть верха утрачены. По причине неполной сохранности атрибуция геммы в качестве римской фалеры не бесспорна. У предмета отсутствуют обычные для римских фалер пересекающиеся под прямым углом внутренние сквозные каналы. Частью системы крепления геммы, вероятно, является канавка вдоль канта, свидетельствующая о том, что предмет крепился в касте. Обратная сторона камня плоская. Несмотря на конструктивные отличия, гемма очень напоминает римские фалеры своими размерами и сюжетом. На камне изображено пухлое лицо с широким носом, пухлыми губами, глаза узкие, выполнены несимметрично, волосы разделены прямым пробором и зачесаны на стороны. Гемма близка довольно компактной группе фалер, насчитывающей около 60 экземпляров (Feugere, 1990, р. 32–34; Kolobov, Melnitchuk, Kulyabina, 2001, р. 356, 357). В последнее время утвердилась точка зрения на интерпретацию изображенного персонажа в качестве Амура (Feugere, 1990, р. 38, 39). Датируют халцедоновые фалеры с изображением Амура I–II вв. н. э., с преобладанием памятников I века (Feugere, 1990, р. 41). Следует отметить точку зрения А. В. Колобова, который предлагает рассматривать все фалеры этой группы в качестве изображений в образе Амура Гая Германика, старшего брата императора Калигулы, созданные в годы правления последнего (37–41 гг.) (Колобов, 1998, с. 30; Колобов, Мельничук, Кулябина, 1999, с. 48–50; Kolobov, Melnitchuk, Kulyabina, 2001, р. 353, 354). Сохранность фалеры, к сожалению, не позволяет не только уточ-

нить что-либо в иконографии изображения, но даже настаивать на предложенной интерпретации. Судя по сопровождающему инвентарю — бусам, серьге и игле (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 59, 40–44) — в урне, вероятнее всего был захоронен прах женщины. Это погребение перекрывало могилы середины — второй половины II в. н. э. (см. ниже), следовательно, предмет не мог попасть в ящик XXV раньше этого времени.

Большинство находок римского воинского снаряжения из могильника относится к поясным деталям, которые представлены пряжками, наконечниками ремней и заклепками. Все римские воинские пряжки относятся к одному типу: литым пряжкам с пельтовидной рамкой. Ближайшим местом концентрации находок таких пряжек является Херсонес. Недавно на основе материалов херсонесской коллекции была предложена типология этих изделий (Костромичев, 2015; Kostromichyov, 2016). Обилие находок пряжек с пельтовидной рамкой в Херсонесе следует объяснять тем, что они использовались солдатами римского гарнизона города. Часть этих поясных застежек изготавливалась на месте, в римских военных мастерских, причем некоторые варианты изделий за пределами Крыма почти не встречаются. Такие изделия нужно считать одновременно и локальными предметами и деталями римского военного костюма.

Одна пряжка из Совхоза–10 (рис. 1, 2) (инв. № 28/36444) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 37, 24) находит очень близкую аналогию в херсонесской коллекции. Пряжка отлита из латуни, сохранилась большая часть рамки и половина задней части. Рамка снабжена небольшими внутренними завитками. Задняя часть прямоугольная, расширенная. В месте перехода от рамки к задней части — дополнительная перекладина, образующая внутренний прямоугольный вырез и выступы, рассеченные гравировкой. Длина пряжки 3,7 см, сохранившаяся ширина 3 см; тол-

щина 0,3 см. Фрагмент пряжки из урны 16 практически идентичен своеобразной пряжке из Херсонеса (Костромичев, 2015, с. 334, рис. 1, 10). Двум этим предметам сложно подыскать другие аналогии. Оригинальной деталью у этих изделий является пара прямоугольных прорезей в месте перехода между рамкой и задней частью пряжки. Сказанное может означать, что перед нами местный вариант римской воинской пряжки. Урна 16, в которой обнаружена пряжка, представляла собой амфору, с горловиной, закрытой краснолаковой чашкой. Внутри были найдены остатки кремации. Погребальный инвентарь, помимо пряжки содержал щитковую фибулу, подвеску-буллу, фрагмент щитковой фибулы, 16 бусин и раковину «не черноморского происхождения» (Стржелецкий, 1956, л. 40). Наличие подвески-буллы может свидетельствовать, что в урне мог быть погребен ребенок (о буллах, как деталях детского костюма см: Goette, 1986, S. 143–150; Migotti, 2007, p. 190–195, 213–215; Иванов, 2013, с. 129–132). Наличие бус намекает на то, что это могла быть девочка. Амфора (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, с. 73), краснолаковая чашка формы V по Хейсу (Шаров, 2007, с. 60–69) и пряжка, которая относится к подтипу «Тибиск» датируют погребение в урне 16 первой половиной III в. н. э.

К такому же подтипу относится пряжка из погребения «а» в подбое 113 (рис. 1, 3) (инв. № 380/36572) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 15, 72–81). Эта подбойная могила входила в группу погребений 113–116, внутри которой не удалось проследить относительную хронологию. Все они были перекрыты каменными ящиками с кремациями XXIV–XXVI, в одной из которых найдена предполагаемая халцедоновая фалера, описанная выше. Пряжка обладает простой и строгой формой корпуса, единственными украшениями являются внутренние волюты рамки, оформленные в виде растительных побегов. Следы

производства таких пряжек в виде литых форм, бракованных отливок и полуфабрикатов найдены в Дакии (Petculescu, 1991a, p. 9, fig. 1; 2; Benea, 2002, S. 32, Abb. 6, 4), Верхней Мёзии (Redžić, 2013, p. 60, T. LXXXII, 1043), Паннонии (Bónis, 1986, S. 304, Abb. 2, 1; Kovács, 2005, p. 118, 141, 142, fig. 68, 2) и Британии (Bidwell, 1985, p. 122, fig. 41, 29). Пряжки подтипа «Тибиск» являются самой многочисленной разновидностью пряжек с пельтовидной рамкой на территории империи (Костромичев, 2015, с. 308–315, 339–342) и датируются второй четвертью II – серединой III в. н. э. Экземпляр из Совхоза–10 обладает узкой задней частью — деталью, чаще встречающейся у ранних разновидностей (Kostromichyov, 2016, p. 149). Примечателен контекст находки пряжки в могиле 113«а» — одном из наиболее богатых погребений некрополя. В подбойной могиле было найдено одиночное захоронение подростка 14–15 лет, сопровождавшееся железным наконечником копья, бусами, фибулой, браслетом, перстнем, литой пряжкой с изображением льва на щитке. Справа от колен было найдено скопление предметов, включающее пельтовидную пряжку, краснолаковый фигурный сосуд в виде барана и оселок (Стржелецкий, 1962, л. 63, 64). Судя по сопровождающему инвентарю, погребение должно датироваться серединой — второй половиной II в. н. э.

Ещё одна пряжка подтипа «Тибиск» (инв. № 51/36562) (рис. 1, 4) найдена в подбойной могиле 39 (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 6, 7). Эта пряжка — единственная, сохранившаяся полностью в оригинальном виде, включая язычок. Оформление пряжки носит черты местных разновидностей подтипа (т. н. северопричерноморские варианты), кроме того, край внутренней прорези пряжки остался не обработанным после отливки, что делает пряжку не полностью завершенным экземпляром. Всё это говорит о вероятности местного производства изделия. Рамка пряжки снабжена внутренними завитками.

Задняя часть прямоугольная, расширенная с вогнутыми торцевыми сторонами. Переход прямой. В месте перехода гравировкой выделена овальная фигура. Язычок литой, с отверстием для оси. На верхней грани плоская площадка, на которой гравирована одна поперечная полоса. Язычок не выступает за край рамки. Длина пряжки 3,5 см, ширина рамки 3,2 см, ширина задней части 2,4 см, толщина пряжки 0,3 см.

Пряжка была найдена в одном из подбоев могилы 39, содержащем два погребения. Кости сохранились плохо, удалось определить только принадлежность погребений взрослому и ребенку (Стржелецкий, 1961, л. 37). Инвентарь погребений, помимо пряжки, содержал фрагменты смычковой фибулы, краснолаковый кувшин, железный нож и бусы (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 6, 1–8). Авторы публикации отнесли могилу 39 к началу IV в. н. э. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, с. 147, 198).

Две пряжки из Совхоза–10 относятся к тому же варианту, что и предыдущие, но к другому подтипу. Их отличает отсутствие дополнительных орнаментальных деталей — завитков, выступов и др. По месту находки полуфабриката подобных пряжек подтип назван «Карробург». Эта разновидность пряжек характерна как для территории Римской империи, так и для Северного Причерноморья (Костромичев, 2015, с. 115–118). Пряжка из подбойной могилы 65«б» сохранилась не полностью (рис. 1, 5) (инв. № 91/36572) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 9, 71), у неё отломана задняя часть и нет язычка. Рамка пряжки пельтовидная, задняя часть прямоугольная, расширенная, переход прямой. На передней части рамки выемка для укладки язычка. Эта деталь может указывать на относительно позднюю дату пряжки. Сохранившаяся длина 3,2 см, ширина рамки 2,9 см, толщина 0,3 см. Пряжка была найдена в нижнем из двух погребений, сделанных в подбое. Костяк сохранился

плохо, по определению авторов раскопок погребенному было 10–14 лет (Стржелецкий, 1962, л. 23–251). Погребение сопровождалось инвентарем, характерным для женских захоронений: бусы, кольца, подвески-амулеты, браслет, фибулы (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 9, 69–78).

Пряжка из подбойной могилы 57 была найдена в составе инвентаря одиночного погребения молодой девушки (не моложе 14–15 лет) (Стржелецкий, 1962, л. 16, 17; Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 8, 49–68). Пряжка (рис. 1, 6) носит следы ремонта¹. Оригинальный язычок, после поломки оси, был заменен на длинный, крепившийся к задней стороне пряжки. Рамка пряжки пельтовидная, без украшений, задняя часть прямоугольная, расширенная, переход прямой. Длина пряжки 4,4 см; длина вместе с язычком 4,9 см; ширина рамки 3,1 см; ширина задней части 2,9 см. Погребение в могиле 57 отнесено авторами публикации могильника ко II–III вв. н. э. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова — и др., 2005, с. 198), а А. А. Труфановым ко второй трети II в. н. э. (Труфанов, 2011, с. 260, табл. 1).

Пряжка из могилы 14 (рис. 1, 7) (инв. № 155/36443) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 3, 45) относится к подтипу «Херсонес» пряжек с пельтовидной рамкой. Такие пряжки встречаются только в Херсонесе, предгорном Юго-Западном Крыму и на Боспоре (Костромичев, 2015, с. 319–321, рис. 16). Характерной особенностью этого подтипа является переход между задней частью и рамкой, оформленный в виде округлой фигуры. В случае пряжки из могилы 14 переход сделан в виде угловатой, ромбовидной фигуры.

Контекст находки пряжки дает пример одного из ранних комплексов с такими изделиями (Костромичев, 2015, с. 319).

Одиночное погребение в подбойной могиле 14 содержало краснолаковый кувшин, смычковую и лучковую подвязную фибулы, стеклянный бальзамарий, браслет с раздвижными концами, перстень, бусину, подвеску, оселок и нож (Стржелецкий, 1956, л. 14, 15; Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 3, 44–53).

В состав поясных наборов римских солдат часто входили наконечники ремней, снабженные подвесками. Обычно наконечник ремня представлял собой пластину, загнутую вдвое вокруг окончания ремня и скрепленную заклепкой. Снизу к наконечнику крепилась литая подвеска, снабженная прорезью. Подвески от римских поясов обычно имели узкую и вытянутую форму и выделенный корпус, образованный сужением под петлей. Известны находки подобных наконечников в составах поясных наборов в Херсонесе (Костромичев, 2005, с. 101–105, рис. 8) и Виминации (Redžić, 2013, р. 35–43, Т. IV, 9g, 10c, 10d; Т. V, 13g, 14f; Т. VI, 19c; Т. VII, 23h). Отдельные разрозненные находки распространены повсеместно в зоне римского лимеса во второй половине II – первой половине III в. (Oldenstein, 1977, S. 143, 144, Nr. 290–304; Genčeva, 2000, p. 67, tabl. V, 6, 7; James, 2004, p. 85, fig. 39, 141, 142, 144–146; fig. 40, 152–158; Chapman, 2005, p. 147–150, cat. no. Wa01–Wa30; Redžić, 2013, Т. LXIX, 798–804; LXX, 805–831; LXXI, 832–843). 12 подвесок найдено в Херсонесе (Костромичев, 2011, с. 70, рис. 29, 1–12). Две находки наконечников сделаны в Совхозе–10.

В могиле 114 была найдена подвеска от наконечника ремня с длинным выделенным корпусом, расширяющимся к низу (рис. 1, 8) (инв. № 797/36572) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 16, 35). Край оформлен двумя косыми гранями, образующими острие. В верхней части подвески, около прямоугольной петли

¹ Пряжка — единственный из рассматриваемых предметов, который мне не удалось осмотреть лично. Она, вероятно, хранится в Уральском федеральном университете в Екатеринбурге, куда отправилась часть коллекции из могильника. Все описания и определение выполнены по рисунку, подготовленному для публикации могильника. Благодарю за предоставление рисунка Л. А. Рыжову.

с вырезом, на корпусе небольшие поперечные отростки, рассеченные гравированной насечкой на торцах. Длина подвески 5,1 см, максимальная ширина 1,1 см; толщина 0,3 см. Территориально наиболее близкими аналогиями являются экземпляры из Херсонеса (Костромичев, 2011, рис. 29, 8–10, 12). Считается, что подвески с узким выделенным корпусом являлись миниатюрными изображениями римских мечей (Redžić, 2013, р. 322, 323). Подвески, снабженные поперечными перекладинами, как у подвески из могилы 114, являются местной крымской разновидностью римского типа, поскольку не встречаются в столь подчеркнутом виде за пределами Юго-Западного Крыма.

Могилы, в которой найдена подвеска, имела подбойную конструкцию. В ней похоронен ребенок 6–8 лет и череп подростка 14–16 лет (Стржелецкий, 1962, л. 65–68; Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 16, 20–46). Разнообразный инвентарь погребения включал украшения и амулеты, пряжки и фибулы, посуду, монету, наглазники и нагубник. Судя по фибуле и бальзамарию, погребение относится к концу II – первой половине III в. н. э.

Ещё одна подвеска сохранилась не полностью (рис. 1, 9) (без инв. №) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 10, 32). Нижняя часть корпуса была отломана. Вероятно, она имела обычную, каплевидную форму. В момент попадания предмета в погребение она уже использовалась не как подвеска, а как накладка. Корпус был пробит заклепкой, которая соединила предмет с прямоугольной тыльной пластиной. Очевидно, между пластиной и остатком подвески располагалась когда-то основа, к которой крепился приспособленный обломок. Переделанная подвеска найдена в скоплении предметов, сопровождавшем одиночное погребение женщины в подбойной могиле 69 (Стржелецкий, 1962, л. 29, 30). В этом скоплении найдены 3 пряслица, терракотовая статуэтка, серебряное и бронзовое зеркало, пара серебряных серег,

кольца, шило, игла, подвески, 3 фибулы, железный нож, бусы (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 10, 28–56). Контекст находки ясно демонстрирует то, что подвеска уже не использовалась по своему первоначальному назначению.

К римским поясным деталям относятся также две бронзовые кнопки (рис. 1, 10, 11) (инв. № 520/36572) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 18, 36) с округлыми, слегка выпуклыми лицевыми частями, толстыми стержнями и тыльными дисковидными частями, практически равными по диаметру лицевым. Размеры лицевых частей кнопок 1,3x1,4 см, высота – 1,1 и 1,2 см. Такие кнопки были составной частью пояса особой конструкции, распространившегося в римской армии в III в. н. э. Особенность пояса состоит в том, что пряжка была лишена язычка. Ремень охватывал пряжку с двух противоположных сторон, концы ремня скреплялись двумя кнопками. Конструкция такого пояса восстанавливается по изображениям на солдатских надгробиях (Oldenstein, 1977, S. 222, 223, Abb. 2; Coulston, 1987, pl. 1–4; Szirmai, 2002, p. 602, fig. 7–10; Ubl, 2002, S. 275–285; Bishop, Coulston, 2006, p. 182; Ciugudean, 2011, pl. V; Hoss, 2012, p. 38, 39, fig. 4, 4, 5). Находки отдельных компонентов таких поясов в виде кнопок, круглых и квадратных рамок, также довольно многочисленны на римских памятниках (Petculescu, 1991b, p. 211, fig. 2; Chapman, 2005, p. 139, cat. no. Tg 21; Bishop, Coulston, 2006, fig. 118, 9–12; Ciugudean, 2011, p. 100–103; pl. I–III; Redžić, Danković, 2012, p. 353–355; Redžić, Jovičić, Pantelić, 2013, p. 41, 42, T. 1). Кнопки подобного вида использовались не только как детали поясов, но и в составе лошадиной сбруи (Palágyi, 1990, Abb. 13–15, 19; Schleiermacher, 2000, S. 188, Taf. 6, 32–34). Использование аналогичных кнопок солдатами херсонесского гарнизона зафиксировано находками в Херсонесе (Костромичев, 2011, с. 68–70, рис. 28, 7, 8; Бернацки, Кленина, 2016, с. 57, рис. 17, 14).

Кнопки, найденные в Совхозе–10, происходят из подбойной могилы 130, в которой было обнаружено погребение одного или двух детей возрастом около 6 лет. Инвентарь состоял из краснолаковых кувшина и кубка, двух стеклянных бальзамариев, трех фибул, бус, перстней и пряслица (Стржелецкий, 1962, л. 79, 80; Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 18, 28–40). Интересно, что в погребении была обнаружена пара заклепок, которая может представлять собой набор от подобного пояса. Но, даже если заклепки были взяты с одного ремня, они не могли использоваться в погребальном инвентаре по первоначальному назначению, так как были найдены в погребении детей.

Среди материалов могильника найдены две бронзовые фибулы, которые также можно отнести к деталям римского военного костюма. Обе они относятся к типам, распространенным в римском пограничье.

В урне 20 найдена т. н. коленчатая фибула с полукруглым диском у головки (рис. 1, 12) (инв. № 67/36360) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 38, 16). Фибула двучленная. Её пружина сохранилась не полностью, была надета на ось. С помощью тетивы пружина закреплена в специальной прорези в головке. Переход от спинки к головке оформлен крупным полукруглым диском. Спинка полукруглая в сечении, изогнута в профиле, сужается к ножке. Ножка расширяется к торцу. Иглоприемник пластинчатый, высокий, сохранился полностью. Игла утрачена. Длина фибулы 4,1 см. Подобные фибулы были распространены в римских лагерях империи в середине II – начале III вв. н. э. (Riha, 1979, S. 85; Sosiş, 2004, p. 90). Например, в некрополе Виминация, лагеря VII Клавдиева легиона, найдено 15 аналогичных фибул (Redžić, 2007, s. 32–34, T. XIV, 138–152). В Северном Причерноморье такие фибулы редки. Все сделанные в этом регионе находки происходят с памятников, связанных с римским военным присутствием. Четыре экземпляра

найжены в Херсонесе (Костромичев, 2012, с. 60–62, табл. 2, 22–25), два в Ольвии (Фурманська, 1953, с. 87, табл. V, 2; Диденко, Липатов, 2007, с. 159, рис. 1, 3) и один в Тире (Савельев, 2013, с. 107, рис. 5, 3).

Фибула найдена в кремации. В качестве урны использована амфора с воронковидным горлом. Согласно определению авторов отчета, в амфоре был захоронен прах двух человек: взрослого и ребенка (Стржелецкий, 1954, л. 364). Остальной инвентарь состоял из краснолаковой миски, стеклянного бальзамария, пряслица, фрагментов браслета и лучковой фибулы, двух перстней, бусины из горного хрусталя и серьги (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 38, 7–17). Судя по погребальному инвентарю, кремация в урне 20 была совершена во второй половине II в. н. э.

Вторая фибула, которую можно с долей вероятности считать застежкой римского военного костюма, была найдена в могиле 164. Фибула относится к группе щитковых (рис. 1, 13) (инв. № 666/36572) (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, табл. 21, 33). Она литая, выполнена в ажурной технике. Круглый корпус образован тремя завитками, закрученными по часовой стрелке от края к центру. На оборотной стороне расположены две стойки со сквозным отверстием для крепления оси шарнирного механизма. Иглоприемник представляет собой литую стойку, расположенную поперечно, по отношению к игле. На стойке сделан боковой вырез для фиксации иглы, а также две гравированные поперечные насечки. Фибула, возможно, ещё в древности была повреждена: ось, игла, часть корпуса и приемника отсутствуют. Диаметр щитка 3 см, вместе с отростками длина корпуса достигает 3,4 см.

Ажурные щитковые фибулы обычно не относят к римскому военному костюму. Но многочисленные находки сходных фибул в римских лагерях (Frisch, Toll, 1949, tab. XVI, 152; Böhme, 1972, Taf. 29, 1139; Ettliger 1973, Taf. 15, 4; Vojović, 1983, T. XXIX, 279;

Snape, 1993, p. 66, fig. 13, 133; Генчева, 2004, Т. XXVI, 7; Petković, 2010, s. 178, Т. XXXI, 9, 11; Reuter, 2005, Abb. 19, F88, F89), а также изображения солдат с круглыми щитковыми фибулами (Szirmai, 2008, fig. 9; Migotti, 2010, fig. 12, 13; Papagianni, 2013, Abb. 2; Waebens, 2015, fig. 1–4) позволяют предполагать, что часть таких изделий носили римские военнослужащие. Фибула, о которой идет речь здесь, является нетипичной для памятников Крыма римского времени. Именно это обстоятельство, а также аналогии в римских крепостях империи (Patek, 1942, Т. XVIII, 7; Redžić, 2007, s. 49, Т. XXIII, 255), дают основания включить находку в список предметов римского военного снаряжения из некрополя Совхоз–10. Тем не менее, пол и возраст погребенной ясно свидетельствуют, что фибула в момент погребения не была деталью военного костюма.

Могила 164, в которой найдена ажурная фибула, имела подбойную конструкцию. Здесь было совершено единственное погребение девочки возрастом 10–15 лет (Стржеleckий, 1962, л. 100, 101). На груди и шее погребенной лежали несколько низок бус. Слева на груди была найдена фибула. Слева у таза находились оселок, крупная бусина и серебряный перстень. На кисти правой руки найден ещё один перстень. У левой голени лежал железный нож, а в ногах обнаружен краснолаковый кувшин. Судя по месту находки фибулы в погребении, она могла использоваться в качестве застежки погребальной одежды. Основываясь на датировке фибулы (Костромичев, 2012, с. 68), погребение в могиле могло быть совершено во второй половине II – первой половине III в. н. э.

Если суммировать информацию о находках предметов римского военного снаряжения из некрополя Совхоз–10, можно прийти к нескольким выводам. В некрополе обнаружены только детали одежды римских военнослужащих. Полностью отсутствуют детали вооружения или какой-либо амуни-

ции. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все предметы (кроме пары поясных заклепок) единичны в погребениях. Все найдены в различных могилах и не образуют каких-либо наборов. Анализ данных о погребальных комплексах, из которых происходят предметы римского военного снаряжения, демонстрирует следующую картину. Коленчатая фибула, фалера и одна пряжка найдены в кремациях. Остальные предметы происходят из могил с ингумациями, причем конструкция почти всех этих могил подбойная, за исключением одной простой грунтовой могилы. Опираясь на данные отчетов, можно проанализировать также пол и возраст погребенных (табл. 1).

Данные, приведенные в таблице, демонстрируют, что детали римского военного снаряжения из могильника Совхоз–10 происходят, в основном, из детских или подростковых погребений. Если был установлен пол погребенного, то это чаще оказывались женщины. Можно заключить, что типичные случаи обнаружения деталей римского военного снаряжения в могильнике Совхоз–10 связаны с детскими или подростковыми погребениями в подбойных могилах.

Этот вывод полностью противоречит предположению о том, что погребенные были солдатами или ветеранами римской армии.

На территории римских приграничных провинций погребения римских военнослужащих II–III вв. н. э. обнаруживаются сравнительно редко. Причина этого — отсутствие погребальной традиции, которая требовала непременно обозначения статуса военнослужащего в погребальном инвентаре (Bishop, Coulston, 2006, p. 33). В результате, даже в некрополях, непосредственно связанных с римскими крепостями, редки погребения, которые с уверенностью определялись бы как солдатские. Тем не менее, такие погребения существуют. Основными их признаками являются присутствие римского оружия и/или деталей

военного костюма (Ciugudean, 2012, p. 119, 120). При этом такие предметы должны быть не единичными, а составлять наборы. Только эти признаки (если, конечно, погребение не сопровождается надгробием с надписью) позволяют отождествить погребенных мужчин с солдатами или ветеранами римской армии. Примерами подобных погребений являются могилы из дакийских Апула, Дробеты и Альбурнус Майор (Venea, 2010), паннонского Добого (Mràv, 2014), гальского Лиона (Bishop, Coulston, 2006, p. 163, fig. 101). В некрополе Виминация (Верхняя Мёзия) по указанным признакам ряд погребений также определяется как солдатские (Mrđić, Raičković, 2010). По наличию поясных наборов четыре погребения римских солдат уверенно определяются в некрополе Херсонеса (Журавлев, 2002, с. 90, 91, табл. 1; Костромичев, 2005).

В некрополе Совхоз–10 ни одно из погребений, содержащих детали римского военного снаряжения, не может считаться погребением римского солдата. Рассмотренные контексты демонстрируют, что большинство находок — это единичные вещи, попавшие в могилы, устроенные по типично варварскому обряду, характерному для сарматской археологической культуры.

Небольшое количество вещей, связанных с римским военным костюмом, а также контекст их обнаружения противоречат тезису об особой роли римской армии среди населения, оставившего могильник.

Вместе с тем, сравнивая набор элементов римского военного снаряжения из Совхоза–10 и других варварских могильников Крыма, можно заметить много общего. В небольшом количестве такие находки присутствуют во многих некрополях позднескифского и сармато-аланского населения. В качестве примеров можно перечислить детали римского военного снаряжения из Усть-Альмы (Высотская, 1994, табл. 5, 1, 12, 21; Масякин, 2007, с. 132, рис. 4, 9; Масякин, 2012, рис. 3, 1, 2, 19, 21), Неаполя

скифского (Кропотов, 2009, с. 136, рис. 1, 3, 4), Дружного (Храпунов, 2002б, рис. 211, 6; Масякин, 2007, с. 132, рис. 4, 10), Нейзаца (Храпунов, 2016б, с. 140, рис. 6, 13, 14), Левадков (Мульд, 2011, с. 97, 98, рис. 5, 2), Скалистого III (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 9, 7), Бельбека III (Гущина, 1974, рис. VII, 17; Масякин, 2007, с. 132, рис. 4, 7), Бельбека IV (Журавлев, 2002, с. 92, 93, табл. 4), Краснозоринского (Волошинов, Масякин, Неневоля, 2007, с. 309, рис. 8, 33) и Чернореченского некрополей (Храпунов, Стоянова, 2016, с. 179, рис. 5, 1; 8, 3). На сегодняшний день существует единственная работа, посвященная анализу римского военного снаряжения одного из крымских варварских могильников — некрополя Заветное (Масякин, 2007). В. В. Масякин рассмотрел в этой работе не только материалы из Заветного, но, также, сделал обзор находок из других крымских некрополей. Автор работы приходит к выводу о том, что в некрополях Крыма первых веков н. э. детали римского военного снаряжения находят обычно в женских или детских погребениях. Функционально эти предметы использовались местным населением не по своему первоначальному назначению, а в качестве амулетов. Напротив, римские по происхождению фибулы использовались по своему прямому назначению в качестве застежек одежды (Масякин, 2007, с. 132, 133; 2012, с. 171). Обстоятельства находки щитковой фибулы из могилы 164 подтверждают этот вывод.

Сходная картина использования деталей римского военного снаряжения выявлена в другой ближайшей зоне контактов с Римской империей — в материалах могильников черняховской культуры. Большинство находок там также попадало в погребения уже во фрагментированном виде и использовалось по другому назначению (Кравченко, 1967, с. 96, рис. 11; Гопкало, Тылищак, 2010, с. 83–87, 90, рис. 3, 1–4, рис. 4, 1; ср.: Магомедов, 2011). Наличие деталей рим-

ского военного снаряжения в погребениях в Крыму и в ареале черняховской культуры исследователи склонны объяснять скорее военными трофеями или случайными нерегулярными контактами, нежели торговыми связями или присутствием римлян среди погребенных (Масякин, 2007, с. 132–133; Гопкало, Тылищак, 2010, с. 90, 91; Магомедов 2010, с. 177, 178).

Обстоятельства находок римского военного снаряжения из крымских могильников, безусловно, нуждаются в специальном всестороннем анализе. В качестве предварительного вывода можно заключить, что могильник Совхоз–10 по набору, характеру использования и количеству римского военного снаряжения мало отличается от других некрополей варварского населения Крыма.

Таблица 1

Контекст находок предметов римского военного снаряжения в некрополе Совхоз–10

Номер погребального сооружения	Конструкция	Кол-во погребенных	Пол	Возраст	Предмет римского снаряжения
Урна 20 в каменном ящике VII	кремация в амфоре	2	?	взрослый и ребенок	коленчатая фибула
Урна 1 в каменном ящике XXV	кремация	1	?	?	халцедоновая фалера
Урна 16	кремация в амфоре	?	?	?	пряжка
Могила 14	подбойная могила	1	?	?	пряжка
Могила 396	подбойная могила	2	?	взрослый и ребенок	пряжка
Могила 57	подбойная могила	1	жен.	не моложе 14–15 лет	пряжка
Могила 656	подбойная могила	1	?	10–14 лет	пряжка
Могила 69	подбойная могила	1	жен.	?	подвеска от наконечника ремня
Могила 113а	подбойная могила	1	муж.	14–15 лет	пряжка
Могила 114	подбойная могила	2	?	ребенок 6–8 лет, подросток 14–16 лет	подвеска от наконечника ремня
Могила 130	грунтовая могила	2	?	6 лет	две заклепки от ремня
Могила 164	подбойная могила	1	жен.	10–15 лет	щитковая фибула

Список использованной литературы

- Бабенчиков В. П. Чорноріченский могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–123.
- Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю. Квартал 55 с пятиапсидным храмом (IV/III в. до н. э. – XIV в. н. э.) в Херсонесе Таврическом. Т. III. Повседневная жизнь. Познань: Институт истории Университета им. Мицкевича в Познани, 2016. 406 с.
- Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 1951. Вып. 19. 250–291.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
- Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 82–88.
- Волошинов А. А., Масыкин В. В., Неневоля И. И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 303–318.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
- Высотская Т. Н. Население округа Херсонеса Таврического в I–V вв. н. э. (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 29 августа – 1 сентября 1997. Севастополь: б/и, 1997. С. 24–26.
- Высотская Т. Н., Жесткова Г. И. Рельефная краснолаковая керамика из могильника «Совхоз № 10» // Херсонесский сборник. Вып. 10 / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия «Каламо», 1999. С. 31–38.
- Высотская Т. Н., Рыжова Л. А. Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский») // Древности 1997–1998: Харьковский историко-археологический ежегодник / Гл. ред. В. И. Кадеев. Харьков: АО «Бизнес-Информ», 1999. С. 116–133.
- Высотская Т. Н. Амфоры редких типов из могильника «Совхоз № 10» (Севастопольский) // Донская археология. 2000. № 3–4. С. 83–92.
- Генчева Е. Римските фибули от България от края на I в. пр. н. е. до края на VI в. на н. е. Велико Търново: Faber, 2004. 200 с.
- Гопкало О. В., Тылицак В. С. Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский // Germania-Sarmatia II / Ред. О. А. Щеглова, М. Казанский, В. Новаковский. Калининград; Курск: [б.и.], 2010. С. 79–93.
- Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (По материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: ГИМ, 1974. С. 32–64.
- Диденко С. В., Липатов К. С. Ольвийский склеп римского времени с семейными захоронениями // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Supplementum 4 / Отв. ред. В. Н. Зинько, В. В. Крапивина. Симферополь: [б.и.], 2007. С. 158–161.
- Журавлёв Д. В. Ещё раз о деталях римского воинского костюма и конской сбруи из Херсонеса и Юго-Западного Крыма // Археология. 2002. №1. С. 90–98.
- Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова Думка, 1982. 144 с.
- Зубарь В. М. Из истории Херсонеса и населения Таврики во второй половине III – начале V в. // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Труды ГИМ. Вып. 159 / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: б. и., 2006. С. 76–93.

- Иванов М. *Insigne ingenuitatis* — ранноримская *bullae* от Сердика // Археология. 2013. Кн. 2. С. 129–132.
- Колобов А. В. Боевые награды римских легионеров эпохи принципата // Вестник Пермского университета. Серия История. 1998. Вып. 2. С. 27–33.
- Колобов А. В., Мельничук А. Ф., Кулябина Н. В. Римская фалера из Пермского Приуралья // ВДИ. 1999. №1. С. 46–52.
- Костромичев Д. А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 94–118.
- Костромичёв Д. А. Римские фибулы Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. 17 / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь: СПД Арефьев М. Э., 2012. С. 47–154.
- Костромичев Д. А. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // *Stratum plus*. 2015. №4. С. 299–356.
- Костромичев Д. А., Масякин В. В. К проблеме начального этапа римского военного присутствия в Крыму // Боспорские чтения. Вып. 5. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: б. и., 2004. С. 196, 197.
- Кравченко Н. М. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961–1964 гг.) // МИА. 1967. Вып. 139. С. 77–134.
- Кропотов В. В. Подбойные могилы юго-восточного участка некрополя Неаполя Скифского // РА. 2009. № 2. С. 135–141.
- Магомедов Б. В. Знахідки предметів римського імпорту з металу на черняхівських пам'ятках України // Археологія і давня історія України. Вип. 2. Археологія Правобережної України / Відп. ред. Д. Н. Козак. Київ: Інститут археології НАН України, 2010. С. 174–182.
- Магомедов Б. В. Детали римской поясной гарнитуры из могильника Легедзино // *Oium*. №1. Черняхівська культура / Відп. ред. О. В. Петраускас, Р. Г. Шишкін. Киев; Луцк: ІА НАН України; ІЮ НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2011. С. 107–110.
- Масякин В. В. Римские фибулы и детали ремной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 125–138.
- Масякин В. В. Деталь римского шлема из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. Сборник статей памяти Ирины Ивановны Гушиной. Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 167–171.
- Мульд С. А. Склеп с двумя погребальными камерами из могильника Левадки // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 94–115.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: «Нестор-История», 2006. 208 с.
- Орлов К. К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С. 106–133.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Савельев О. К. Фібули з Тіри (знахідки 1996-2010 рр.) // Археологія. 2013. №2. С. 100–115.
- Стржелецкий С.Ф. Отчет о разведке могильника III в. н.э. в совхозе № 10. 1954 / Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Ф.1. Дело 690/V.
- Стржелецкий С. Ф. Отчет о раскопках могильника в совхозе № 10 в 1956 г. / Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Ф.1. Дело 747/1.

- Стржелецкий С. Ф. Отчет о раскопках позднеантичного могильника (III–IV вв.) в Инкерманской долине к югу от горы «Сахарная головка» на территории Совхоза «Севастопольский» (№ 10) в 1961 г. / Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Ф.1. Дело 854/1.
- Стржелецкий С. Ф. Отчет о раскопках могильника III–IV вв. н.э. в Инкерманской долине на территории совхоза (№ 10) «Севастопольский» в 1962 г. / Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Ф.1. Дело 856/1.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // *Stratum plus*. 2003–2004. №4. С. 27–277.
- Труфанов А. А. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н. э. // *Stratum plus*. 2011. №4. С. 225–270.
- Ушаков С. В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции. Донецк: Донбасс, 2010. 180 с.
- Фурманська А. І. Фібули з розкопок Ольвії // *Археологія*. 1953. Т. VIII. С. 76–94.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 314 с. (*Monumenta Studia Gothica II*).
- Храпунов И. Н. Население горного Крыма в позднеримское время // *ВДИ*. 2016а. № 1. С. 118–134.
- Храпунов И. Н. Две подбойные могилы III в. н. э. из некрополя Нейзац (Крым) // *РА*. 2016б. №2. С. 132–149.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // *Херсонесский сборник*. Вып. 14 / Гл. ред. С. Д. Крыжицкий. Севастополь: Издательский дом «Максим», 2004. С. 341–345.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Могила № 9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // *КСИА*. 2016. Вып. 244. С. 166–194.
- Шаров О. В. Керамический комплекс некрополя Чатырдаг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб: Нестор История, 2007. 207 с.
- Benea D. Römische Werkstätten in Dakien (I) (mit Bezugnahme auf die Herstellung von Schmuckstücken und militärische Ausrüstungsgegenstände aus Bronze) // *Zwischen Rom und dem Barbaricum*. Festschrift für T. Kolnik zum 70. Geburtstag / Hrsg. K. Kuzmová, K. Pieta, J. Rajtár Nitra: Archäologisches Institut der slowakischen Akademie der Wissenschaften, 2002. S. 31–53.
- Benea D. Römische Militärgräber in Dacia Superior // *Proceedings of XVIIth Roman Military Equipment Conference: Weapons and Military Equipment in a funerary context* / Hrsg. M. Sanader, A. Rendić-Miočević, D. Tončinić, I. Radman-Livaja. Zagreb: Filozofski fakultet; Arheološki muzej, 2010. S. 235–244.
- Bidwell P. T. The Roman Fort of Vindolanda at Chesterholm, Northumberland. London: Historic buildings and monuments Commission for England, 1985. 241 p.
- Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman military equipment from the Punic wars to the fall of Rome. Second edition. Oxford: Oxbow Books, 2006. 322 p.
- Bojović D. Rimske fibule Singidunuma. Beograd: Muzej Grada Beograda, 1983. 181 s.
- Bónis É. Das Militärhandwerk der Legio I Adiutrix in Brigetio // *Studien zu den Militärgrenzen Roms III*. 13. Internationaler Limeskongress, Aalen 1983: Vorträge. Stuttgart: K. Theiss, 1986. S. 301–307.

- Chapman E. M. *A Catalogue of Roman Military Equipment in the National Museum of Wales*. Oxford: Archaeopress, 2005. 206 p. (BAR British series 388).
- Ciugudean D. "Ringschnallengulum"-type belts from Apulum // *Scripta Classica: Radu Ardevan sexagenario dedicate* / Eds. I. Piso, V. Rusu-Bolindeț, R. Varga, S. Mustăță, L. Ruscu. Cluj-Napoca: Mega, 2011. S. 99–113.
- Ciugudean D. Another roman grave with military equipment from Apulum // *Apulum*. 2012. Vol. 49. P. 109–130
- Cociș S. *The Brooches from Roman Dacia*. Cluj-Napoca: Mega, 2004. 454 p.
- Coulston J. C. *Roman Military Equipment on Third Century Tombstones // Roman Military Equipment: the Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Seminar*/Ed. M. Dawson. Oxford: B. A. R., 1987. P. 141–156. (BAR International Series. 336).
- Ettlinger E. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern: Francke Verlag, 1973. 198 S.
- Feugere M. *Phalères romaines en calcédoine // Miscellanea di studi archeologici e di antichità*. No. 3. Modena: Aedes Muratoriana, 1990. P. 31–41.
- Frisch T. G., Toll N. P. *Pierced Bronzes, Enameled Bronzes, and Fibulae // The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report IV. Part IV. Fasc.1*. New Haven: Yale University Press, 1949. 69 p.
- Genčeva E. *Metalowe części wyposażenia żołnierskiego z Novae // Novensia*. Vol. 12. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. S. 49–98.
- Goette H. R. *Die Bulla // Bonner Jahrbücher*. Bd. 186. Mainz: P. von Zabern, 1986. S. 133–164.
- Hoss S. *The roman military belt // Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times* / Ed. M.-L. Nosch. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 29–44.
- Kolobov A., Shevchenko A. *Gem of Chalcedony from Chersonesus with "Cupid": a Roman military phalera?//Instrumentum*. Nr. 13. Montagnac: Instrumentum, 2001. P. 41.
- Kolobov A., Melnitchuk A., Kulyabina N. *The Roman military phalera from the Perm Urals // Arheološki Vestnik*. 2001. 52. P. 351–357.
- Kostromichyov D. *Openwork buckles with pelta-form loop and opposite extension // Journal of Roman Military Equipment Studies*. Vol. 17 / Eds. X. P. Jensen, Th. Grane. Oxford: Oxbow Books, 2016. P. 141–155.
- Kovács P. *Excavations in the roman auxiliary fort of Annamatia (baracs) between 1999 and 2005. First volume*. Budapest: Opitz, 2005. 175 p.
- Migotti B. *Rimska bula u Panoniji // Vjesnik Arheološkog Muzeja u Zagrebu*. Serija 3. Vol. XL. Zagreb: [s.n.], 2007. S. 187–219.
- Mráv Z. *A Flavian weapon grave of an auxiliary cavalryman from the Dobogó hill, Keszthely / Czerszegtomaj (county Zala) – Preliminary Report // People, Settlement and Landscape on Lake Balaton over the millennia* / Eds. O. Heinrich-Tamáská, P. Straub. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden Westf.: Leidorf, 2014. P. 101–116.
- Mrđić N., Raičković A. *Soldier burials with weapons at Viminacium cemetery // Proceedings of XVIIth Roman Military Equipment Conference: Weapons and Military Equipment in a funerary context* / Ed. M. Sanader. Zagreb: Filozofski fakultet, 2010. P. 117–132.
- Oldenstein J. *Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlägen und Zierat an der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Bericht der Römische-Germanischen Kommission*. 1976. Bd. 57. S. 49-366.

- Palágyi S.K. Römerzeitliches Pferdgrab in Tihany // *Alba regia*. 1990. Bd. XXIV. S. 17–45.
- Papagianni E. Grabreliefs römischer Soldaten aus Griechenland: Beobachtungen zu ihrer Typologie und Ikonographie // *Sepulkralna skulptura zapadnogo Ilirika I susjednih oblasti u doba rimskog carstva* / Eds. N. Cambi, G. Koch. Split: Književni Krug, 2013. S. 795–814.
- Patek E. Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen in Pannonien. Budapest: Királyi Magyar Pázmány Péter Tudományegyetem Érem- és Régiségtani, 1942. 314 S. (Dissertationes Pannonicae. Ser. II. Nr. 19)
- Petculescu L. Evidence for the Production of Roman Military Equipment // *Arma. Newsletter of the Roman Military Equipment Conference*. Vol. 3. No. 1. June 1991a. P. 9–10.
- Petculescu L. A note on military equipment of Roman officers in the 3rd century A.D. // *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. 1991b. Jahr. 56. P. 207–212.
- Redžić S. Nalazi rimskih fibula na nekropolama Viminacijuma. Beograd: Centar za nove tehnologije Viminacium; Arheološki institut, 2007. 89 s. (Arheologija i prirodne nauke. Posebna izdanja, 2)
- Redžić S. Rimske pojase garniture na tlu Srbije od I do IV veka. Doktorska disertacija. Beograd, 2013. 472 s. URL: https://www.academia.edu/6697948/Roman_belt_sets_on_the_territory_of_Serbia_from_the_I_to_the_IV_century. Дата обращения 27 апреля 2015 г.
- Redžić S., Danković I. A Unique Find of a Belt Set from Viminacium // *Arheologija I Prirodne Nauke*. Vol. 7 / Ed. M. Korać. Beograd: Centar za nove tehnologije Viminacium; Arheološki institut, 2012. P. 357–359.
- Redžić S., Jovičić M., Pantelić S. Unpublished grave-goods of belt-sets with ring-shaped buckles from Viminacium // *Arheologija I Prirodne Nauke*. Vol. 9 / Ed. M. Korać. Beograd: Centar za nove tehnologije Viminacium; Arheološki institut, 2013. P. 37–42.
- Reuter S. Ein Zerstörungshorizont der Jahre um 280 n. Chr. In der *Retentura* des Legionslagers *Reginum/Regensburg* // *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. 2005. Jahrgang 70. S. 183–281.
- Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. 1979. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft, 1979. 222 S. (Forschungen in Augst, Bd. 3).
- Sarnowski T., Karasiewicz-Szczypiorski R., Savelja O. Roman Military Sentry Posts in the Border Zone of Crimean Chersonesos // *Arheologia*. Rocznik Instytutu archeologii i etnologii Polskiej akademii nauk. 2007. 58. P. 57–67.
- Schleiermacher M. Römisches Pferdegeschirr aus den Kastellen Saalburg, Zugmantel und Feldberg // *Saalburg Jahrbuch*. 2000. Bd. 50. S. 167–193.
- Snape M.E. Roman Brooches from North Britain: a classification and a catalogue of brooches from sites on the Stanegate. Oxford: Tempus Reparatum, 1993. 123 p. (BAR British Series. 235).
- Szirmai K. Military equipment depicted in Aquincum after the Marcomanic wars // *I bronzi antichi: Produzione e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi*. Grado-Aquileia 22-26 maggio 2001 / a cura di A. Giunilia-Mair. Montagnac: Mergoil, 2002. P. 600–608
- Szirmai K. Early Depictions of Military Equipment in Aquincum // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 2008. Vol. 16. P. 321–332.
- Ubl H. Ein "Ringschnallencingulum" aus *Lavriacum* // *Miles Romanus dal Po al Danubio nel Tardoantico*. Atti del Convegno internazionale Pordenone – Concordia Sagittaria 17-19 marzo 2000 / a cura di M. Buora. Pordenone: Edizioni Lucaprint, 2002. S. 275–285.
- Waebens S. The Representation of Roman Soldiers on Third-Century Funerary Monuments from Nikopolis (Egypt) // *Revue internationale d'histoire militaire ancienne*. 2015. No. 1. P. 63–78.

D. A. Kostromichev

Roman Military Equipment in Sovkhoz–10 Cemetery

Abstract

The cemetery of Sovkhoz-10 dated to the Roman period is located in the Inkerman valley in the south-western Crimea. The finds from the graves in the cemetery include a small group of artefacts related to the Roman military equipment. Perhaps this group comprises a chalcedonic phalera depicting Amur, six buckles, two pendants, two brooches, and two knobs. These artefacts were uncovered from different graves. The elements of the Roman military equipment discovered amidst the grave goods did not form particular sets. Many pieces bear traces of repair and secondary use. Most of finds appeared in graves of children, teenagers, and women. Three artefacts occurred in cremation graves, one in an inhumation made into simple grave pit, and the rest of artefacts have been discovered in graves typical of the Late Sarmatian archaeological culture. From the account of the find conditions of the Roman military equipment details in graves of the cemetery in question there are reasons to conclude that these graves were not related to soldiers or veterans of the Roman army, but rather belonged to barbarian population. Similar pattern of the use of details of Roman military equipment has been uncovered in other barbarian cemeteries in the south-western Crimea. The small number of finds shows the improbability of inflow of such goods to the local population in result of permanent trade contacts. Pieces of Roman military equipment appeared amidst the barbarians of the south-western Crimea at random.

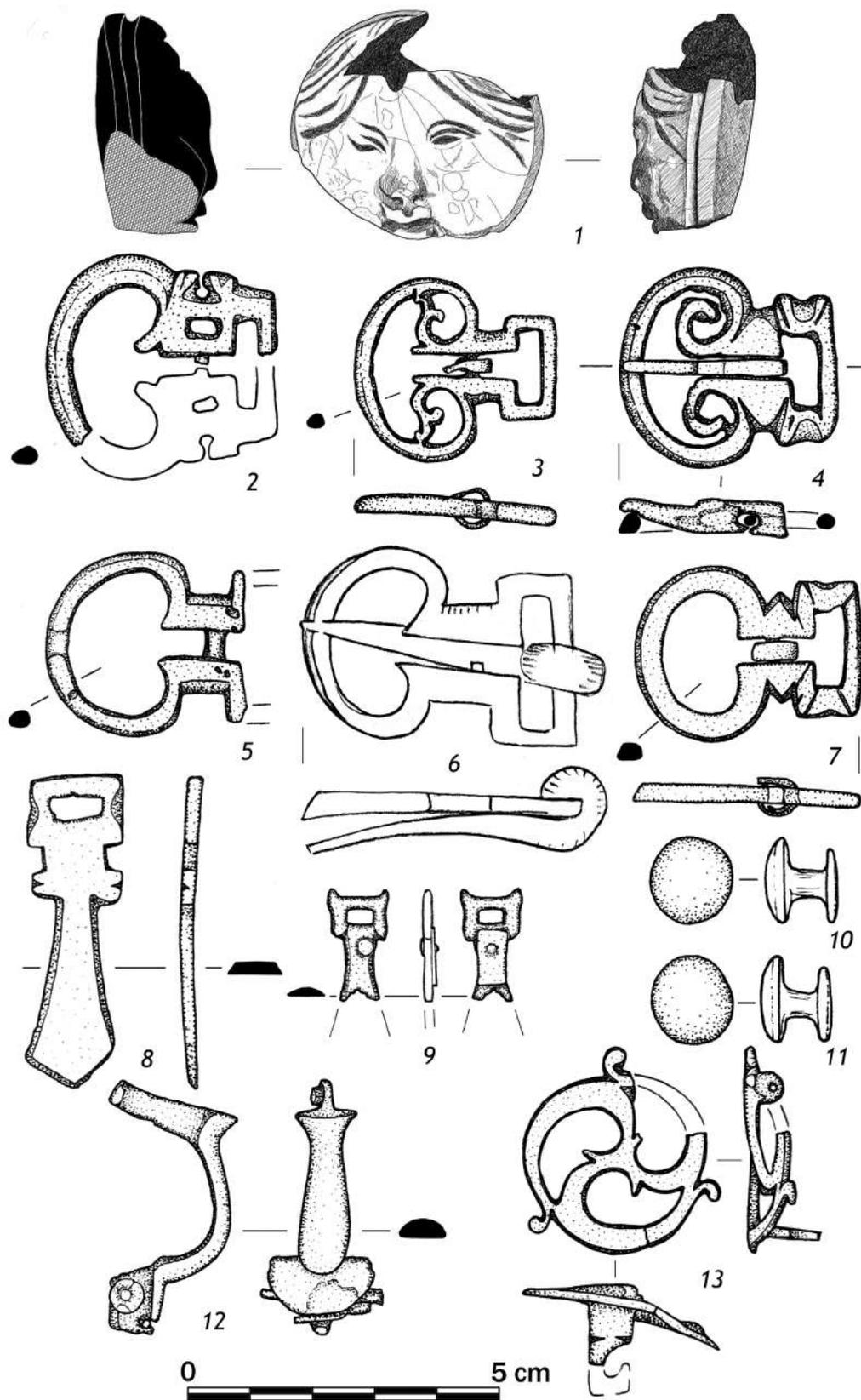

Рис. 1. Римское военное снаряжение из некрополя Совхоз-10.
 1 — халцедоновая фалера; 2-7 — бронзовые пряжки; 8, 9 — бронзовые подвески; 10, 11 — бронзовые кнопки; 12, 13 — бронзовые фибулы (авторы рисунков: 1 — И. Б. Гусакова, 2-5, 7-13 — Д. А. Костромичев, 6 — рисунок из картотеки предметов)

B. Polit

Some remarks on the metal jewellery from male burials of the Late Roman period cemetery of Neyzats¹

Keywords: Roman period, Neyzats, male burials, jewellery, bracelets, earrings, rings, *Barbaricum*

Ключевые слова: римское время, Нейзац, мужские погребения, украшения, браслеты, серьги, кольца, *Barbaricum*

Jewellery is undoubtedly one of the most important sex indicators in archaeology since it is generally associated with female clothing. Nevertheless, archaeological materials from the Crimea and the *Barbaricum* demonstrate that in the Roman period, such items occurred also in child and male graves (Храпунов, 2006; Стоянова, 2012, рис. 4, 17; 6, 10; 8, 10, et seq.; Dąbrowska, 2005, s. 82; Gryzińska-Sawicka, 2014; Skóra, 2014). Nevertheless, the question of Roman period male graves from the Crimea which contain jewellery has not been hitherto discussed. Although the problem of such ornaments has been raised in monographs dedicated to cemeteries, as well as in publications concerning particular graves, the authors focused mainly on the issues of their morphology, chronology, and provenance (e.g.

Труфанов, 2001; 2005–2009, с. 222–235; Храпунов, 2002, с. 40–42; 2011а, с. 41–45; Стоянова, 2011; 2016; there further literature). So far, no one has made an attempt to discuss this artefact category in regard to different sexes. In the case of the Crimean materials, it is difficult to answer this question because of several essential reasons. First of all, a number of important sites have not been discussed in separate monographs, which contributes to distorting the corpus of sources. In many cases, publications on particular graves do not give information about the sexes of the buried persons, which most often results from the poor state of preservation of the bone material and, in the case of older researches, from the lack of such analyses (cf. Высотская, 1994; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, et al.,

¹ This work is a result of research project No. 2014/13/N/HS3/04575 financed by the National Science Centre.

2003–2004; Дашевская, 2014; Пуздровский, 2014). We should also pay attention to the fact that in many cases determining the sex of buried persons by means of inventories is not possible, because artefacts found in graves are often not characteristic enough to be attributed to particular sexes.

The occurrences of jewellery in male graves will be discussed on the basis of materials from the Neyzats (Нейзац) cemetery, Belogorskiy raion. The site in question is situated 20 kilometres east from Simferopol, at the foot of Mount Tashly-Bair (Ташлы-Баир), which is located in the central part of the Crimean Piedmont. During nineteen seasons of archaeological research, conducted since 1996 by Prof. I. N. Khrapunov² and continued in the subsequent years of 1997 and 1999–2015, various archaeological materials, from the 2nd–4th centuries AD, were discovered (Храпунов, 2011а, с. 15–18). The Neyzats cemetery is one of the best researched Crimean sites. What is more important, practically speaking, it has been completely excavated. 602 graves have been recorded and researched, which gives us a large corpus of sources for making observations (cf. Мульд, 2016, с. 38; Храпунов, 2016, с. 97). Obviously, the obtained results will not be complete, since they pertain to one site dated to the Late Roman period. Nevertheless, enriched with data from other cemeteries, they will undoubtedly give us a certain overview and will represent a basis for further discussions.

In order to broach the subject of jewellery discovered in male graves from the Neyzats cemetery, mainly graves containing remains of anthropologically determined sexes (making it possible to link grave inventories with buried persons) were included into the analysis. Because of this fact, burials containing intermingled bones (as a result of moving remains to gain additional space for new bodies in pit graves, as well as a result of grave robberies), were not taken into account. Graves where e.g. a man and a woman had been buried, and the

arrangement of the bodies (e.g. one on the other) makes it impossible to assign the jewellery to a specific person, were also not considered. In the cases when the preservation state of the skeletons prevented anthropologists from establishing the sexes of the buried persons, they were determined on the basis of grave inventories. It is worth mentioning that only sets containing indisputably male elements were taken into consideration. Such elements are artefacts commonly recognised as the determinants of the male sex, like weaponry or sets used for striking fire, consisting of a firesteel and a strike-a-light (Храпунов, 2010; Mączyński, Polit, 2016, p. 84).

Having adopted the above mentioned criteria, we have selected only twelve (out of 602) graves encompassing twelve male burials with jewellery. They contained eight bodies (graves 302, burial 1; 306, burial 3 on the level of stratum 2; 322; 409, burial 2; 436; 441, burial 1; 508; 511, burial 1) whose sex was determined by means of anthropological examination, and four others (graves 4, burial 1; 144; 152, burial 2; 300, burial 2) whose sex was determined on the basis of grave inventories. Only one skeleton was not arranged in anatomical order (grave 152, burial 2). The remains were intermingled as a result of moving the bones to the eastern part of the grave pit. The grave was included into the analysis, because a bracelet discovered among the bones should be undoubtedly associated with the body.

Male graves whose inventories contained jewellery were discovered in pit, as well as in vaulted and undercut graves (Table 1). This means that the analysed types of burials occurred in all types of graves registered in the Neyzats cemetery (see Мульд, 2016). Despite the fact that the obtained sample group is modest, we can clearly notice that undercut graves are predominant. Only in two pit graves, jewellery was deposited as a part of male burial inventory. The same situation was recorded in vaulted graves.

The selected jewellery group encompass-

² I would like to thank Prof. I. N. Khrapunov for allowing me to use and publish the materials from the Neyzats cemetery.

es three categories: earrings, bracelets, and rings. In male graves from the Neyzats cemetery, the largest group of metal ornaments were bracelets. Their occurrences were recorded in nine burials (Table 1). All the bracelets are made of bronze and represent forms that were popular in the Crimea.

Bracelets

In this group of artefacts, the most numerous are items with broadened (to a lesser or a greater degree) and straight cut ends (Table 1; Fig. 1, 1–5). Most of them are massive, made of a rod (circular in cross-section and oval at the ends). Only in two cases, the cross-section of the artefacts is different. An item discovered in undercut grave 300, by burial 2, was of exceptional, square cross-section (Fig. 1, 4). This type of bracelets is represented by open forms, whose ends do not meet.

Bracelets that are analogous or similar in form to the items discovered in the Neyzats cemetery were popular in the Roman period and have been found in the whole territory of the Sarmatian culture (Храпунов, 2002, с. 40; Масыкин, 2010, рис. 5, 17; Vichir, 1972, pl. IX, 3, 4). In most cases, the items are made of bronze, but silver and gold ones were produced as well. The latter are characteristic for rich Sarmatian burials dated to the period between the half of the 1st century AD – first half of the 2nd century AD (Симоненко, Лобай, 1991, с. 24, 56; Мордвинцева, Трейстер, 2007а, с. 145; Пуздровский, 2007, с. 150; 2014, с. 171). It should be pointed out that gold bracelets of the discussed type occurred also in the Crimean materials of the Late Scythian culture. Such artefacts have been found in the graves of the Ust'-Al'ma (Усть-Альма) cemetery, Bakchysarai raion (Труфанов, 2005–2009, с. 226), which are dated to the 1st century AD. Nevertheless, also in the case of the Late Scythian culture, the materials from, among others, the Bel'bek IV (Бельбек IV) cemetery, Scythian Neapolis (Неаполь Скифский), Simferopol raion, indicate that the great majority of such

bracelets were made of bronze³. Similarly to the Neyzats cemetery, such massive bracelets are generally of circular, and less frequently of square or rhomboidal cross-section (Дашевская, 1991, табл. 71, 8; Мордвинцева, Трейстер, 2007а, с. 145; Пуздровский, 2007, рис. 125, 2, 4, 6–10; Bârcă, 2006, fig. 75, 15, 16). In this bracelet category, unornamented forms are predominant. Yet, ornamented ones are also occasionally discovered. This type of bracelets ornamented with geometric patterns (composed of intersecting lines) occurred in the Banat region (Grumeza, 2014, p. 79). Such artefacts were found, among others, in Bela Crkv (South Banat district, Serbia), Kláralfva (Southern Great Plain, Hungary), and Vršac (South Banat district, Serbia) (Grumeza, 2014, p. 79). There is also one item decorated with an ornamented tamga, which dates it to the end of the 1st century AD (Мордвинцева, Трейстер, 2007с, табл. 73). The artefact was discovered in Pantikapey (Пантикапей), which is nowadays encompassed by the administrative boundaries of the city of Kerch (Мордвинцева, Трейстер, 2007b, с. 156). Sporadically, artefacts decorated with grooves are also discovered. Such an object was found, among others, in grave 121 from the Krasnyj Mayak (Красный Маяк) cemetery, Kherson oblast (Дзюнеладзе, Сикоза, Симоненко, 2017, рис. 7, 4). The smallest number of the bracelets in question, whose ends are ornamented, come from the northern Black Sea Coast. Most of such decorated bracelets, however, come from Banat and Hungary (Vaday, 1989, p. 51; Grumeza, 2014, p. 79–80).

It is also worth pointing out that the discussed category of bracelets from the Crimea includes many items which are damaged in various ways. Defects in the form of infractions and deformations are located vis-à-vis the ends (Пуздровский, 2007, рис. 125, 7, 10; 2014, рис. 3, 3). Damages in analogous places occur also on the discussed bracelets from the Neyzats cemetery (grave 300,

³ Bracelets having widened and straight cut ends correspond with type V elaborated by T. N. Vysotskaya for the materials from Ust'-Al'ma (Высотская, 1994).

burial 2). The presence of such a defect on a massive bracelet indicates that it was probably bent several times in order to be placed on the hand. Such a process impaired the part of the artefact located opposite its ends. This is probably the reason why massive bracelets break in this place (Пуздровский, 2014, рис. 3, 3; Труфанов, 2014, рис. 5, 6). As the materials from Neyzats indicate, bracelets of this type occurred mainly in male graves. Men usually wore one bracelet on the right hand, less frequently on the left one. At the same time, such items are also discovered in graves of women or children (e. g. Гущина, 1970, рис. 15, 11; Храпунов, 2002, рис. 95, 3, 6; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, *et al.* 2003–2004, табл. 2, 41; 4, 40; 11, 1, *et seq.*).

A bracelet discovered in vaulted grave 4 (burial 1), dated to the 4th century AD, is morphologically akin to the discussed artefact type. The ornament is made of a smooth bronze wire of oval cross-section (3,5x3 mm). The ends of the item are straight cut and they do not meet (Fig. 1, 6). The artefact was discovered on the right hand of a man (burial 1), whose sex was determined on the basis of the grave inventory. Artefacts of this type and bracelets of straight cut, widened ends are often joined into one group. Tatyana N. Vysotskaya also included them in a single category. She elaborated one type for bracelets with straight cut ends (Высотская, 1994). Taking into consideration the fact that part of the ornaments have widening ends and the ends of the rest do not widen, joining them into one group does not appear to be correct. Items analogous to the bracelet from grave 4 are discovered in the territory of the Sarmatian culture (Simonenko, Marčenko, Limberis, 2008, taf. 9, 5; 16, 4). In the Crimea, artefacts of this type occur in the Late Scythian materials as well as in those dated to the Late Roman period (Высотская, 1972, рис. 48: 23; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 5, 34, 44; Храпунов, Стоянова, Мульд, 2001, рис. 13, 18; 17, 36).

In pit grave 322, dated to the 3rd century AD, a common bracelet was found. The artefact occurred on the right hand of a 20 – 25-year-old man. The item was made of a smooth gold wire of oval (5x3 mm) cross-section. It has blunt ends that meet (Fig. 2, 1). It is a simple and widespread ornament which occurs in both the Sarmatian and the Late Scythian culture sites (Сымонович, 1983, табл. XXXII, 2, 10; Храпунов, 2011b, рис. 27, 1).

A bracelet of a different type was discovered on the right hand of a 25-year-old man (burial 2) entombed in undercut grave 409. The artefact in question is made of a smooth bronze rod of circular (D= 5 mm) cross-section. The hammered, unornamented ends are of rhomboidal shape. The endings formed in such a way are stylised as viper heads (Fig. 2, 2). Their massive form makes it impossible to assign the specimen to one of the types proposed by Aleksandr A. Trufanov (Труфанов, 2001). The item has no close analogy in the Crimea, where bracelets of this type are very popular. In the discussed territory, bracelets having ends stylised as viper heads are represented by various types and variants. Nevertheless, forms with more or less developed ornaments imitating the skin and the eyes of the animal are predominant. Bracelets with zoomorphic, unornamented ends are less frequent. Contrary to the specimen discovered in grave 409 from the Neyzats cemetery, they are less massive, and their ends are more slender (cf. Труфанов, 2001). Bracelets having ends stylised as viper heads occurred in the whole territory of the northern Black Sea Coast, mostly in the Crimea. In this area, bracelets are characteristic mainly for the Late Scythian culture. Materials discovered in burial places indicate that the discussed type of jewellery was worn particularly by women. Such items are also found in child graves, where secondarily used objects of this kind occur most often (Журавлев, Фирсов, 2007, 235, рис. 6, 4; Волошинов, Масякин, Неневоля, 2007, рис. 8, 25; Стоянова, 2012, рис. 23, 2; 30, 2, 3, 6; there further literature). The least frequently, however, they appear in male graves.

An interesting bracelet comes from grave 152. The artefact was found among intermingled bones of a man (burial 2), whose sex was determined on the basis of the grave inventory⁴. The artefact is made of a bronze tape (width = 7,5 mm) that widens in the direction of its straight cut ends (width = 12,5 mm) (Fig. 2, 3). Unfortunately, the original location of the object does not make it possible to determine on which hand it was worn.

Bracelets of this type are sporadically discovered in the territory of the northern Black Sea Coast. Several specimens of bracelets made of a wide tape, corresponding to type IV of the classification by T. N. Vysotskaya (Высотская, 1994), were discovered in the Ust'-Al'ma, Bel'bek IV, and Sovhoz No. 10 cemeteries (Высотская, 1994, с. 110; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, *et al.* 2003–2004, с. 157; Гущина, Журавлев, 2016b, табл. 195, 5). In the set known to us, unornamented bracelets are predominant. At the same time, there are bracelets ornamented with rich patterns. Such an item was found, for example, in undercut grave 300, dated to the 3rd century AD, from the Neyzats cemetery. The bracelet rested on the right hand of a woman (burial 1). Not taking into consideration the ornaments, one can state that morphologically the artefact is most akin to the bracelet from grave 152. Ornamented bracelets occurred also in the Sovhoz No. 10 (Совхоз No. 10) cemetery located within the city of Sevastopol (Стржелецкий, Высотская, Рыжова *et al.*, 2003–2004, с. 157). Such artefacts are also known from Romania, where they were found in a Sarmatian grave (Bichir, 1972, pl. XIII, 8; Morintz, 1960, abb. 3, 6; 4, 6). Items of this type are most often made of bronze. Sporadically, silver ones are found (Гущина, Журавлев, 2016a, с. 89). Tape bracelets occurred in the Crimea during the whole Roman period. Materials from graves indicate that tape bracelets were worn by women, men, and children

(Высотская, 1994, с. 110; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, *et al.*, 2003–2004, с. 157; Гущина, Журавлев, 2016a, с. 185; Polit, in press).

Earrings

In the Neyzats cemetery, the presence of earrings in male burials has been recorded only three times (Table 1; Fig. 2, 4–6). Items of this type occurred in graves 302 (burial 1), 436, and 511 (burial 1). The earrings represent three different forms. The first of them was found in undercut grave 302 (burial 1), where it appeared by the skull of a 30-35-year-old man. The arrangement of the skeleton and the location of the artefact indicate that the earring was worn on the right ear. The item is made of a smooth bronze wire of circular cross-section ($D = 3$ mm). The earring has a circular shape. Its slightly pointed ends do not meet (Fig. 2, 4).

The next earring is made of a smooth bronze wire of circular cross-section ($D = 2$ mm). The shape of the artefact is close to a circle. One of its ends is slightly contracted and hooked. The other one is shaped to make an eye. Such forms of the ends create a fastening (Fig. 2, 5). The above mentioned ornament was found in undercut grave 436, dated to the 3rd century AD. It occurred by the body of a 20 – 25 year-old man. The location of the item suggests that it was worn on the left ear. This type of jewellery is morphologically akin to the most widespread kind of earring occurring in the northern Black Sea Coast in the Roman period. One end of such earrings is shaped in the form of a hook, and the other — of a loop. Contrary to the artefact from grave 436, earrings of this type had one end bent in the form of a loop which was afterwards fastened to the hoop. Such earrings are most often made of bronze, and less frequently of silver and gold (Сымонович, 1983, с. 92; Высотская, 1994, с. 106, 107). In the Crimea, the discussed kind of artefacts was one of the most popular forms. Earrings of this type probably owed

⁴ The bones underwent intermingling as a result of moving the skeleton to the eastern part of the grave pit in order to obtain additional space for the next burial. The location of the bracelet undoubtedly proves that it was worn by the man who was buried earlier.

their popularity to their simple structure. Such ornaments occur in pairs mainly next to buried women (Сымонович, 1983, с. 92). At the same time, single specimens are found near men and children (Стржелецкий, Высотская, Рыжова, *et al.*, 2003–2004, табл. 9, 94; Стоянова, 2012, с. 42, 44, *et al.*; Дашевская, 2014, с. 26, 27, 66, 67, *et al.*; Гущина, Журавлев, 2016а, с. 23, 30, 56, 148; 2016b, табл. 86, 4, 5, 7, *et al.*). It is worth noting that the group in question can be divided into several variants (Храпунов, 2011а, табл. 47, 2, 3; Гущина, Журавлев, 2016b, табл. 136, 12; 149, 11; 177, 8; there further literature). One of them may encompass the specimen discovered in grave 436 from the Neyzats cemetery. Forms analogous to this item occurred in different sites, among others in the Bel'bek IV cemetery (Гущина, Журавлев, 2016b, табл. 86, 18; 168, 19).

The next earring comes from undercut grave 511, dated to the 3rd century AD. The artefact was found left to the skull of a 45-year-old man (burial 1). The earring, having the shape of a circle, is made of a smooth silver wire of circular ($D = 2$ mm) cross-section. One of its ends was hammered and formed into a rhombus. The end, shaped in such a way, is stylised as a viper head. The other end is contracted and pointed (Fig. 2, 6). The above described item is undoubtedly a unique artefact that has no analogy outside the Neyzats cemetery. The only parallel earring was found in the same necropolis, in grave 511. It occurred near the right parietal bone of the body interred in burial 3 (Fig. 2, 7). The recurring location of the artefacts near the skull confirms the interpretation of the objects as earrings.

Rings

Only one ring occurred in a male grave from the Neyzats cemetery (Table 1). It was found on the right hip of a 23-year-old man (burial 1) buried in grave 441. The location suggests that it had been worn on a finger of the right hand. The partially preserved ring is made of a bronze tape (width = 5 mm). Its loop spreads in the central part, forming a place for

a round cavity that plays the role of a socket. A round, slightly convex insert (transparent glass of blue hue) (Fig. 2, 8) is embedded in it. In the Crimea, ornaments of this type occur in the Late Scythian culture materials, as well as in those dated to the Late Roman period (Храпунов, Стоянова, 2016, с. 202). It is worth noting that such items are represented by forms having loops of round, oval, or lenticular cross-section.

The observations made in the Neyzats cemetery show that jewellery was not a frequent element of the male grave inventories, which are considerably outnumbered by the female ones (cf. Радочин, 2011; 2016). What is interesting, this is not an isolated phenomenon in the Crimea. An analogous situation can be observed in the Дружное (Дружное) cemetery, Simferopol raion, from the Late Roman period, as well as in Sovhoz No. 10 (see: Храпунов, 2002; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, *et al.*, 2003–2004). A slightly different state of affairs is present in cemeteries associated with the Late Scythian culture. In the Scythian Neapolis, or in Belyaus (Беляус), Chernomorskoe raion, the percentage of male graves containing jewellery is somewhat higher than in the case of sepulchres dated to the Late Roman period. What is more, an analysis of the jewellery discovered in male graves from the Neyzats cemetery has shown that bracelets were the most numerous in this group. Objects of this type are simple items made of bronze. Among them, massive bracelets with widening ends are predominant. This fact corroborates the widespread belief that such bracelets were worn mainly by men (Дзনেладзе, Сикоза, Симоненко, 2017, с. 267; there further literature). Taking into consideration the above statement, we can suspect that in the Neyzats cemetery, there were more male burials containing jewellery than it is estimated. Massive bracelets with widening ends occurred also in other graves, where male and female bones had undergone intermingling. Such a situation took place, among others, in grave 306, in which numerous artefacts associated with the male sex were discovered (see: Храпунов,

2011b). The same situation was noted in grave 511, where, among intermingled bones of a man and a woman, a hoard of several bracelets was found (Fig. 3, 1). The graves yielded a dozen or so of bracelets belonging to the discussed type. Part of them probably belonged to men. Above all, artefacts of considerable size (Fig. 2, 9; 3) may be interpreted this way. Unfortunately, as they cannot be unequivocally associated with particular graves, we cannot include them into the analysis.

As mentioned above, the bracelets occurred individually. Their locations indicate that they were worn by men mainly on the right hand. Such a tendency is observed in the whole Crimea. Nevertheless, there were cases of discovering two bracelets in a male burial. Such a situation was noted in grave 165, dated to the 2nd century AD, from the Bel'bek IV cemetery (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 154). What is more, in several necropolises, there were cases of recording three bracelets in a single male burial (Сымонович, 1983, с. 30–31, 33; Гущина, Журавлев, 2016а, с. 180). This was the case in the Bel'bek IV cemetery, in pit grave 261, dated to the end of the 2nd century – beginning of the 3rd century AD, where three bracelets occurred (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 180). Two of them (type IV according to the typology by Vysotskaya) were worn on the right, and one — on the left hand (type IX according to Vysotskaya) (Гущина, Журавлев, 2016b, табл. 182, 11, 16, 18).

In the Neyzats cemetery, items representing other jewellery categories (rings, earrings) do not occur often enough to make it possible to draw satisfactory conclusions. It appears significant that, contrary to female graves, male ones contain only single earrings. Such a phenomenon takes place also in the case of other cultures, including the Early Scythian culture (Polit, 2010, s. 163). Such an arrangement of earrings indicates that men, as opposed to women, adorned one ear. This is a somewhat important remark, because it sheds light on the fashions and cultural factors prevalent among the population of the Crimea in the Roman period.

It is worth noting that in none of the male burials from the Neyzats cemetery, wire necklaces or pendants were discovered, although in the Crimea, ornaments of this type were worn also by men (Стоянова, 2011, с. 124; 2016, с. 145).

In selected burials from the Neyzats cemetery, only in one grave, the concomitance of various jewellery types was recorded. Such a situation was noted in grave 511, by burial 1. In the discussed burial place, a bracelet co-occurred with an earring. The results indicate that in the Neyzats cemetery, there are no relations in the concomitance of various ornament categories. The selection of the jewellery was probably random and did not result in creating uniform sets.

The materials from the Neyzats cemetery indicate that jewellery might have not been popular among men inhabiting the Crimea in the Roman period. Most probably, such items were reserved only for esteemed persons or those of high status. This fact is attested by graves containing rich and unique inventories. In such sepulchres, men were often adorned with complete sets of jewellery (cf. Волошинов, Масякин, 2007, с. 291–292; Дзнеладзе, Сикоза, Симоненко, 2017; there further literature). What is more, the jewellery from that type of graves is often made of gold or silver and it represented rare forms. The method of its production, which required considerable effort, as well as the fact that the ornaments either have no analogy or are scarce, corroborate the assumption that only the graves of special persons contained such items. This proves that jewellery, besides its purely aesthetic function, that is ornamenting the garment and the body, was also an indicator of people's social status. It is also worth noting that only in two graves containing jewellery, weaponry elements were found, although such artefacts frequently occurred in the Neyzats cemetery (see: Храпунов, 2010). The low number of sepulchres in which jewellery co-occurred with weapons attests that the warriors buried in the Neyzats cemetery probably did not prefer jewellery or it was not deposited in the graves.

Such a situation, present not only in the Neyzats cemetery but also in the whole territory of the Crimea, fits into the trend predominant in the *Barbaricum*, which is corroborated by the funerary materials from its area. Studies on particular jewellery categories, garment reconstructions, and structural analyses of respective cultures have shown that in the discussed period, in the *Barbaricum*, ornaments were worn mainly by women (cf. Tempelmann-Maczyńska, 1988, Dąbrowska, 2005, s. 82; Gryzińska-Sawicka, 2014, s. 60). All the same, such items occur also in child graves,

although less frequently (cf. Grzelakowska, 1991, Kvetánová, 2008; Skóra, 2014). Morphologically, the jewellery worn by children is analogous to the ornaments discovered in female graves. This fact is not surprising, because it is widely known that the inventories of such sepulchres are similar to those found in female burials (Хранунов, 2006, c. 195; Polit, in press). In the *Barbaricum*, jewellery does not represent a frequent element of male grave inventories. At the same time, ornaments made of precious metals are linked with the high social status of the buried persons (see: Skóra, 2015, 167–179; there further literature).

Translation by Piotr Moskała

Table 1. Register of the analysed male graves containing jewellery from the Neyzats cemetery, Belogorskiy raion

No.	Grave No.	Grave construction	Method of determining the sex		Age	Jewellery	Raw material	Fig.	Location	Items accompanying the buried persons
			Ant. ¹	Inv. ²						
1	4, burial 1	Vaulted grave	-	X	-	Bracelet	Bronze	1: 6	Right hand	Sword Fe, Axe Fe, knife Fe, fibula fragment Br, fibula fragment Fe, belt buckle Br, belt buckle Fe, 2 nails Fe, amber bead, 3 amphoras, 5 terra sigillata vessels, 4 hand-made vessels.
2	144	Pit grave	-	X	-	Bracelet	Bronze	1: 1	Left hand	2 knives Fe, fibula Br, 2 belt buckles Fe, hone, bead Br, unidentified item Fe, animal bone.
3	152, burial 2	Vaulted grave	-	X	-	Bracelet	Bronze	2: 3	Among mixed bones	Umbo Br, 2 knives Fe, fibula Br, belt buckle Ag, 2 belt buckles Fe, 4 belt pendants Br, 2 belt ferrules Br, belt ferrule Ag, 3 plates Ag, horse bits Fe, needle Br, binding plate Ag, whips Br, 4 rivets Br, 14 hange rings Br, unidentified item Ag, fragments of an item (umbo?) Br, bead, glass vessel fragments, terra sigillata vessel.
4	300, burial 2	Undercut grave	-	X	-	Bracelet	Bronze	1: 4	Left hand	Fibula Fe, 3 belt buckles Br, stone hone.
5	302, burial 1	Undercut grave	X	-	20-30	Earring	Bronze	2: 4	Near the left side of the skull	Lack of inventory.
6	306, burial 3, on the level of stratum 2	Vaulted grave	X	-	25-30	Bracelet	Bronze	1: 5	Left hand	Knife Fe, belt buckle Ag, 2 belt buckles Br, belt buckle fragment Fe, 3 strap-ends Br, belt mound Br, 5 plates Ag, 2 plates Br, fragments of an unidentified item Br.
7	322	Pit grave	X	-	20-25	Bracelet	Bronze	2: 1	Right hand	Knife Fe, belt buckle Fe.
8	409, burial 2	Undercut grave	X	-	22-25	Bracelet	Bronze	2: 2	Right hand	Fibula Br
9	436	Undercut grave	X	-	20-30	Earring	Bronze	2: 5	Near the left side of the skull	Fibula Br, firesteel (?) Fe.
10	441, burial 1	Grave with slabs facing its walls	X	-	25	Ring	Bronze, glass	2: 8	Near the right hand	Fragment of an unidentified item Fe, beads. It is impossible to attribute the items to one of the two skeletons that were placed one on the other.
11	508	Undercut grave	X	-	30-35	Bracelet	Bronze	1: 2	Right hand	Knife Fe, fibula Fe, hand-made vessel, animal bone.
12	511, burial 1	Undercut grave	X	-	-	Earring	Silver	2: 6	On the left side of the skull	Snaffle bits Fe, fibula Br, 2 belt buckles Fe, belt buckle fragment Fe, belt ferrule Ag, 6 plates Ag, clip Ag, circlet Br, amphora, terra sigillata.
						Bracelet	Bronze	1: 3	Left hand	

¹ Anthropological determination of the sex.

² Determination of the sex on the basis of the inventory

Bibliography

- Bârcă V. Istorie și civilizație. Sarmatiilor în spațiul est-carpatic (sec. I a. Chr. – începutul sec. II p. Chr.). Cluj-Napoca: Argonaut, 2006. 668 p.
- Bichir Gh. Sarmatiilor la Dunărea de Jos in lumina ultimelor cercetări // Pontica. 1972. № 5. P. 137–176.
- Dąbrowska T. Bransolety z młodszego okresu przedrzymskiego w kulturze przeworskiej i oksywskiej // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu / Red. P. Łuczkiwicz, M. Gładysz-Juścińska, M. Juściński, B. Niezabitowska-Wiśniewska, S. Sadowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. S. 79–90 (Monumenta Studia Gothica. Tom IV).
- Grumeza L. Sarmatian cemeteries from Banat (late 1st – early 5th centuries AD). Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2014. 413 p.
- Gryzińska-Sawicka N. Obraz struktury społecznej ludności kultury wielbarskiej w świetle źródeł archeologicznych i danych antropologicznych // Królowie i biskupi, rycerze i chłopcy — identyfikacja zmarłych / Red. W. Dzieduszycki, J. Wrzesiński. Poznań, 2014. S. 51–61 (Funeralia Lednickie. Tom 16).
- Grzelakowska E. Pochówki dziecięce z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Odrach // Folia Archaeologica. 1991. № 12. S. 73–103.
- Kvetánová I. Deti stredodunajských Germánov. Analýza hrobov detí a mladistvých // Slovenská archeológia. 2008. № 56/1. S. 21–60.
- Mączyński P., Polit B. Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. - IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 76–96.
- Morintz S. Ein sarmatisches Grab aus Căscioarele // Dacia. 1960. № 4. S. 553–560.
- Polit B. Kolczyki scytyjskie na obszarze Europy Wschodniej i Polski w okresie od VII do IV wieku p. n. e. Lublin. 2010 (Manuskrypt pracy magisterskiej przechowywany w Instytucie Archeologii UMCS w Lublinie).
- Polit B. Several remarks on metal bracelets from child graves of the Late Scythian culture. In press.
- Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz: von Zabern, 2008. 626 s. (Archäologie in Eurasien, Band 25).
- Skóra K. Bransolety i dzieci. Kilka spostrzeżeń o ozdobach, dzieciństwie i obrządku pogrzebowym w kulturze wielbarskiej // In medio Poloniae Barbarica / Red. J. Andrzejowski. Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego; Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2014. S. 211–222 (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, Tomus III).
- Skóra K. Struktura społeczna ludności kultury wielbarskiej. Łódź: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2015. 328 s.
- Tempelmann-Mączyńska M. Strój kobiety kultury wielbarskiej i jego powiązania z sąsiednimi obszarami // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Tom 1 / Red. J. Gurba, A. Kokowski. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1988. S. 205–220.
- Vaday A. H. Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok: ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums. Budapest: Archäologisches Institut der UAW, 1989. 351 s.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.

- Волошинов А. А., Масякин В. В., Неневоля И. И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 303–318.
- Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наукова Думка, 1972. 192 с.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. 208 с.
- Гущина И. И. Раскопки могильника Бельбек III в Юго-Западном Крыму // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 39–47.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Часть 1. М.: Исторический музей, 2016а. 272 с. (Тр. ГИМ. Вып. 205).
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Часть 2. М.: Исторический музей, 2016б. 320 с. (Тр. ГИМ. Вып. 205).
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д1–7).
- Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.
- Дзনেладзе Е. С., Сикоза Д. Н., Симоненко А. В. Воинское погребение в могильнике Красный Маяк на Нижнем Днепре // Археологія і давня історія України. 2017. Вып. 2 (23). С. 255–270.
- Журавлев Д. В., Фирсов Е. В. Новые раскопки могильника Бельбек IV // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой, Симферополь: Универсум, 2007. С. 233–248.
- Масякин В. В. Склеп позднеимского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс, 2010. С. 278–284 (Археологический альманах. № 22).
- Мордвинцева В., Трейстер М. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье (II в. до н. э. – II в. н. э.). Том 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007а. 308 с.
- Мордвинцева В., Трейстер М. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье (II в. до н. э. – II в. н. э.). Том 2. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007б. 255 с.
- Мордвинцева В., Трейстер М. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье (II в. до н. э. – II в. н. э.). Том 3. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007с. 204 с.
- Мульд С. А. Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 37–75.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е. Два комплекса раннеримского времени из Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. Вып. I / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 170–182.
- Радочин В. Ю. Некоторые итоги исследования антропологического материала из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Доля, 2011. С. 153–177.

- Радочин В. Ю. Палеоантропология могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 179–193.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка, 1991. 111 с.
- Стоянова А. А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 116–140.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по материалам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
- Стоянова А. А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122–165.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 174 с.
- Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М: б/и, 2001. С. 71–77 (Тр. ГИМ. Вып. 118).
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // *Stratum plus*. 2005–2009. № 4. С. 117–328.
- Труфанов А. А. Могильник I–III вв. н. э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н. э. в курганах Юго-Западного Крыма // История и археология Крыма. Вып. I / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 183–209.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 1. С. 161–250.
- Храпунов И. Н. Оружие из могильника Нейзац // *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65 rocznicę urodzin* / Red. A. Urbaniak, R. Prochowicz, I. Jakubczyk, M. Levada, J. Schuster. Łódź, Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 2010. S. 535–555 (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, Tomus II).
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Доля, 2011а. С. 13–113.
- Храпунов И. Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь: Доля, 2011b. 72 с.
- Храпунов И. Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. - IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 97–121.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Первые погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. Вып. III / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 200–234.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2 / Ред.-сост. Ю. М. Могаичев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. С. 105–168.

Б. Полит

Несколько замечаний о металлических украшениях из мужских погребений позднеримского времени в могильнике Нейзац

Резюме

Для обсуждения присутствия украшений в мужских погребениях из могильника Нейзац, Белогорский район, анализируются прежде всего погребения, пол которых определен антропологом, а также захоронения, пол которых определен на основании погребального инвентаря.

Руководствуясь обозначенными критериями, из 602 погребальных комплексов, открытых в могильнике Нейзац, выбрано 12 мужских погребений с украшениями.

Отобранные украшения представлены серьгами, браслетами и кольцами (tabl. 1; Fig. 1; 2; 3). Ни в одном из мужских погребений не обнаружены гривны и подвески, хотя в Крыму в римское время эти украшения мужчинами использовались (Стоянова, 2011, с. 124; 2016, с. 145).

Среди изученных украшений наибольшее количество составляли браслеты. Они простых форм, сделаны из бронзы. Среди них доминируют массивные браслеты с утолщенными концами. В могильнике Нейзац браслеты обнаружены в мужских погребениях по одному. Их локализация в могиле указывает на то, что эти украшения носили на правой руке. Такая тенденция характерна для всего Крыма.

Количество остальных категорий бижутерии (кольца, серьги) в мужских погребениях могильника Нейзац столь мало, что трудно выделить какие-то закономерности. Существенным представляется, однако, наличие в мужских погребениях, в отличие от женских, только одной серьги. Можно сказать, что такова была особенность мужского костюма.

Как показывает вышеизложенное, в могильнике Нейзац украшения не являются обычным элементом погребального инвентаря мужских погребений. В Крыму такая ситуация не является исключительной. Аналогичным образом дело обстоит в других могильниках позднеримского времени (сравни: Волошинов, Масякин, 2007, с. 291–292; Дзnelадзе, Сикоза, Симоненко, 2017, с литературой). Ситуация, зафиксированная в могильнике Нейзац и во всем Крыму, соответствует канонам всего *Barbaricum*, что подтверждается погребальными комплексами с его территории (сравни: Tempelmann-Maczyńska, 1988; Dąbrowska, 2005, s. 82; Gryzińska-Sawicka, 2014, s. 60; Skóra, 2015, s. 167–179, с литературой).

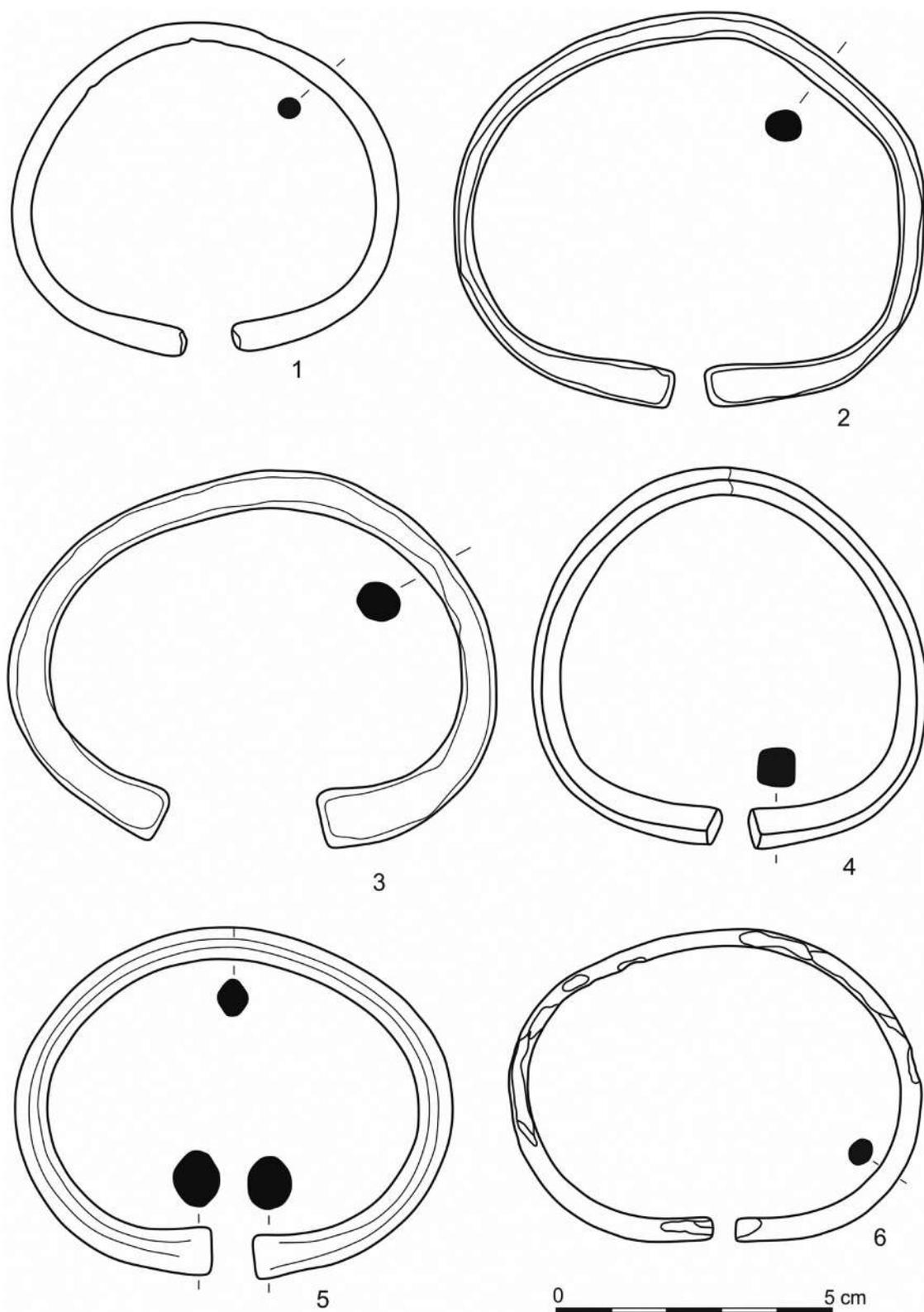

Fig. 1. Bracelets discovered in male graves from the Neyzats cemetery, Belogorskiy raion.
 1 — grave 144; 2 — grave 508; 3 — grave 511, burial 1; 4 — grave 300, burial 2; 5 — grave 306, burial 3
 on the level of stratum 2; 6 — grave 4, burial 1. 1–6 bronze (drawings by S. A. Mul'd and S. B. Shabanov)

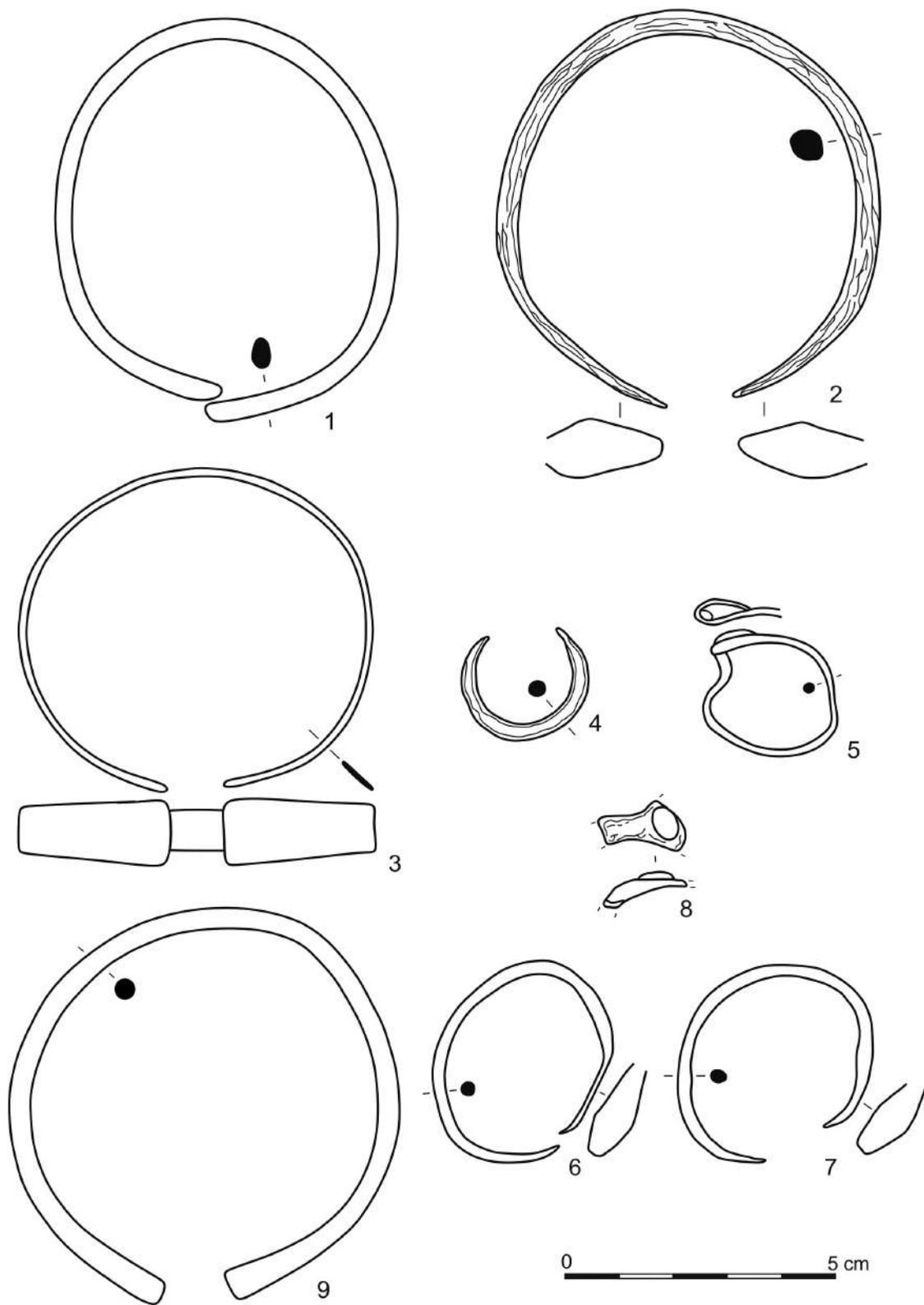

Fig. 2. Jewellery discovered in male graves from the Neyzats cemetery, Belogorskiy raion. 1 — grave 322; 2 — grave 409, burial 2; 3 — grave 152, burial 2; 4 — grave 302, burial 1; 5 — grave 436; 6 — grave 511, burial 1; 7 — grave 511, burial 3; 8 — grave 441, burial 1. 1–5 — bronze; 6–7 — silver; 8 — bronze and glass (drawings by S. A. Mul'd and S. B. Shabanov)

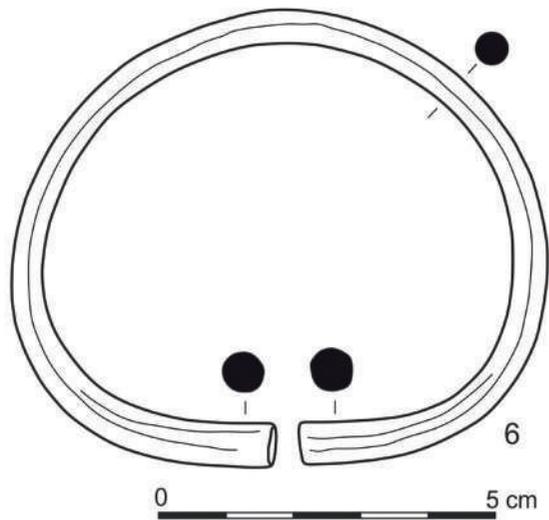
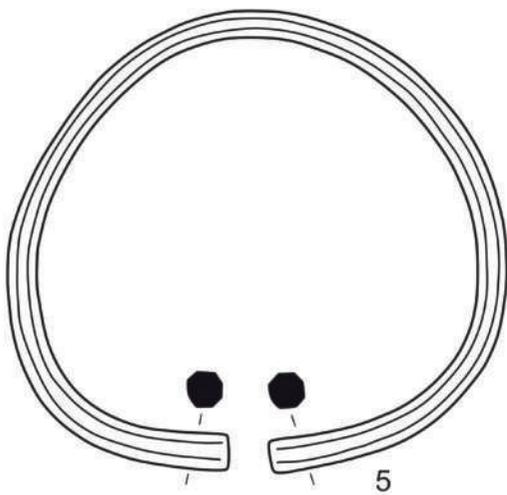
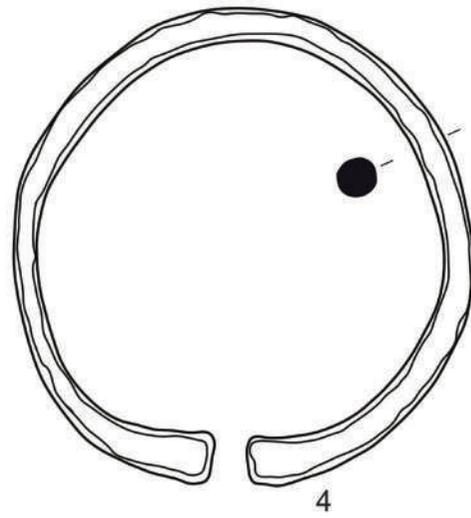
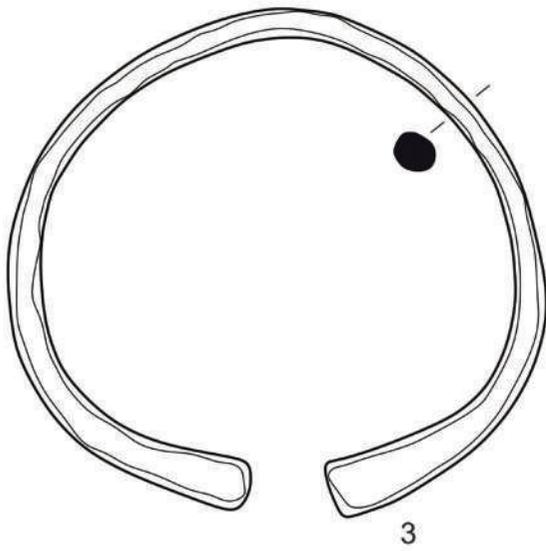
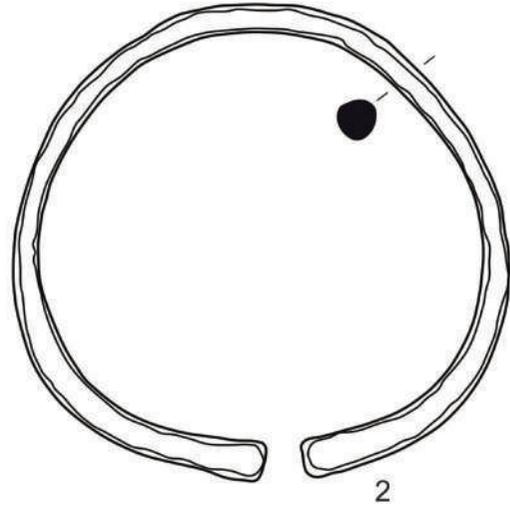

Fig. 3. Artefacts discovered in the Neyzats cemetery, Belogorskiy raion. 1 — artefacts from grave 511; 2–4 — grave 511, intermingled bones of a man and a woman; 4–6 — grave 306. 1–6 — bronze (photograph by B. Polit; drawings by S. A. Mul'd and S. B. Shabanov)

И. Н. Храпунов

Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки¹

Ключевые слова: Крым, могильник, склеп, позднеримское время, украшения

Key words: Crimea, cemetery, burial vault, Late Roman period, ornaments

Могильник Опушки расположен приблизительно в 15 км к востоку от Симферополя, в центре крымских предгорий (рис. 1). Его раскопки ведутся, с перерывами, с 2003 г. За это время раскопано 189 погребальных сооружений разных типов. Опубликованы результаты исследований позднескифского склепа (Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009), подбойных могил (Храпунов, 2007; Храпунов, Стоянова, 2013), трупосожжения в каменном ящике (Храпунов, Мульд, 2004; Храпунов, 2017), детских погребений (Стоянова, 2012). За пределами внимания исследователей остаются пока склепы III–IV вв. н. э., которые представляют собой

особый тип погребального сооружения, радикально отличаются от предшествовавших им позднескифских склепов и принадлежат отдельной археологической культуре. Частично этот пробел должна заполнить данная публикация. В публикуемом склепе, наряду с прочим, найдены серебряные вещи, украшенные позолоченной или золотой орнаментированной фольгой и крупными сердоликовыми или стеклянными вставками. В науке не сложилось общепринятое определение обозначенного стиля. Предложены разные варианты, в названии данной статьи и в тексте предпочтение отдается одному из них.

Описание результатов раскопок

Склеп №124 состоял из входной ямы с подбоем, короткого дромоса и погребальной камеры (рис. 2–7).

Прямоугольная в плане входная яма

ориентирована с запада на восток. Ее размеры 2,2 x 0,8 м, глубина в материке 1,7 x 2,0 м, от современной дневной поверхности 2,7–3,2 м. Дно входной ямы понижа-

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ №17-49-92022 р_а «Археологические исследования могильника Опушки в Крыму».

ется в восточном направлении, в сторону дромоса. В ее западной, торцевой стене сделана ступенька высотой 0,4 м. В заполнении входной ямы обнаружены немногочисленные обломки амфор, краснолаковых и лепных сосудов.

В северной стене входной ямы сделан овальный в плане подбой. Его размеры 2,3 x 1,0 м. Пол подбоя расположен на 0,4 м выше дна входной ямы. От входной ямы подбой отделял заклад из плит. Заполнение входной ямы, подбоя и разграбленной части погребальной камеры перекопано грабителями.

Подбой был ограблен через свод. От ограбления уцелели бусы (рис. 2, 1, 2; 8, 1–4, 6–8, 10–23; 9, 3, 4), серебряная подвеска-лунница (рис. 2, 3; 8, 5; 9, 2), керамическое пряслице (2, 4; 8, 9; 9, 1) и маленький обломок ножа.

Вход в дромос арочной формы сделан в восточной стене входной ямы. Размеры входа 0,9 x 0,9 м. Он был закрыт плитой размером 0,9 x 0,85 м и несколькими более мелкими камнями. Размеры дромоса составляли 0,8 (расстояние между стенами дромоса) x 0,7 (расстояние от входа в дромос до погребальной камеры) м.

Погребальная камера округлая в плане с прямой восточной стеной. Ее размеры 2,4 x 2,3 м. Пол расположен на 0,3 м ниже пола дромоса. Переход оформлен в виде пологой ступеньки.

Западная часть погребальной камеры разграблена через свод. В восточной части сохранились кости ног двух взрослых погребенных, а также остатки деревянного гроба и некоторые кости ребенка.

Оба взрослых погребенных похоронены в вытянутом положении на спине.

Судя по положению костей ног, погребенный вдоль северной стены погребальной камеры был ориентирован головой на запад. Вдоль его левых берцовых костей, рукоятью у колен лежал меч с вырезами у пяты клинка (рис. 3, 1; 12, 9; 17, 4), у правого колена — железный предмет (рис. 3, 2).

Погребение ребенка располагалось между погребениями взрослых. Судя

по расположению сохранившихся досок гроба, оно было ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. К востоку от гроба, а частично на нем, стояла краснолаковая миска (рис. 3, 3; 16, 4). Рядом с ней находились раздавленный стеклянный (рис. 3, 4; 15, 2) и лепной (рис. 3, 5; 16, 3; 18, 6) сосуды, кость животного, а под ней нож (рис. 3, 8; 11, 7), железные удила (рис. 3, 9; 13, 2; 17, 2), чуть поодаль — железная пряжка (рис. 3, 7; 12, 5). Под досками гроба, частично перекрывавшими только что упомянутые удила, находились две серебряные серьги со щитками, покрытыми золотой орнаментированной фольгой и украшенными сердоликовыми вставками (рис. 3, 10, 11; 10, 1–3), а также бронзовые браслет (рис. 3, 12; 11, 4) и фибула (3, 14; 11, 8), бусы (рис. 3, 13; 14, 5–8, 10, 11), бронзовый ключ (рис. 3, 13; 14, 12). Вероятно, вещи, обнаруженные под досками гроба, находились непосредственно на ребенке.

К западу от гроба обнаружен бронзовый колокольчик (рис. 3, 17; 12, 2; 18, 5), а также скопление предметов, заключенных, вероятно, в сумку или мешок. В их числе бусы (рис. 3, 19; 14, 9, 13–42), колокольчик (распался), серебряный перстень (рис. 3, 20; 10, 5), а также серебряная подвеска-лунница, покрытая с лицевой стороны золотой фольгой и украшенная двумя стеклянными, одной сердоликовой вставкой, расположенной посередине (рис. 3, 18; 10, 4). Чуть поодаль от этого скопления лежала железная пряжка (рис. 3, 22; 12, 10) и рядом с ней обломок еще одной железной пряжки.

Вплотную к восточной стене погребальной камеры стоял краснолаковый кувшин (рис. 3, 6; 16, 2; 18, 8), к югу от него — железный нож (рис. 3, 15; 12, 1) и стержневидный железный предмет с остатками деревянной рукояти (рис. 3, 16; 12, 7).

Судя по положению костей ног погребенного вдоль южной стены погребальной камеры, он был похоронен головой на северо-запад. Слева от бедренных костей обнаружена серебряная пряжка (рис. 3, 23; 11, 3; 18, 4). Еще две серебряные пряжки лежали справа от бедренных костей (рис. 3, 35, 36;

11, 1, 2; 18, 1, 2). Справа от правого колена находились нож (рис. 3, 31; 11, 9), кремневый отщеп (рис. 3, 32; 14, 1), стержневидный железный предмет с остатками деревянной рукояти (рис. 3, 33; 12, 6), железная пряжка (рис. 3, 34; 12, 4). Справа от берцовых костей располагались серебряная пряжка (рис. 3, 30; 11, 5; 18, 3) и серповидный железный нож (рис. 3, 29; 12, 11; 17,

1). Между берцовыми костями обнаружена фрагментированная железная пряжка (рис. 3, 28; 12, 3). В ногах лежали железные удила (рис. 3, 27; 13, 1; 17, 3), кость животного, нож (рис. 3, 26; 11, 6), стеклянный (рис. 3, 24; 15, 1) и лепной (рис. 3, 25; 16, 1; 18, 7) сосуды.

В заполнении могилы найдено несколько бусин (рис. 11, 10–13; 14, 2–4).

Особенности погребального сооружения

Склеп №124 состоит из входной ямы, короткого дромоса и погребальной камеры, а также подбоя, выкопанного в стене входной ямы. По сочетанию основных конструктивных деталей он относится к типу погребальных сооружений, которые появились в крымских предгорьях в первой половине III в. н. э., а в IV в. н. э. в них совершалось большинство захоронений (Храпунов, 2004а, с. 148). Подбой во входной яме имелся, конечно, не во всех склепах, но, в то же время, это отнюдь не уникальная деталь конструкции. К примеру, из 87 склепов, раскопанных в могильнике Нейзац, подбоя во входных ямах открыты в 19. Расположение пола подбоя выше дна входной ямы, наряду с другими данными, позволило С. А. Мульду предположить, что в некоторых случаях, при выкапывании входной ямы склепа использовали входную яму ранее существовавшей подбойной могилы (Мульд, 2016, с. 41).

Дромос публикуемого склепа почти равен по ширине входной яме. Это заметное отличие от ранее опубликованных погребальных сооружений. Как правило, вход в дромос и сам подземный коридор существенно уже торцевой стены входной ямы, в которой он выкапывался.

In situ в погребальной камере сохранились останки трех погребенных. Другие

захоронения могли помещаться в разграбленной части погребальной камеры только в том случае, если их положили перпендикулярно длинной оси входной ямы. Такие случаи известны, но исключительно редки. Антрополог В. И. Безбородых, изучивший костные останки, зафиксировал кости семи погребенных.

1. Ребенок 1,0–1,5 года.
2. Подросток 13–16 лет.
3. Женщина 50+ лет.
4. Мужчина 30–40 лет.
5. Женщина взрослая.
6. Мужчина (?) взрослый.
7. Пол не определен, взрослый.

От каждого скелета, кроме скелета ребенка, сохранилось по одной – две кости. Следует обязательно учитывать, что перекопанные грабителями заполнения погребальной камеры и подбоя перемешались и найденные в них кости разделить невозможно. В целом, количество погребенных и зафиксированные следы погребальных обрядов (положение погребенных, их ориентация, расположение погребального инвентаря) вполне соответствуют представлениям, сложившимся благодаря раскопкам склепов позднеримского времени в крымских предгорьях.

Погребальный инвентарь

Ниже охарактеризуем некоторые категории погребального инвентаря.

Серьги (рис. 10, 2, 3) сделаны из серебра. К щитку овальной формы прикреплены двумя заклепками орнаментированная косыми насечками золотая фольга.

В центре щитка сделано гнездо, в которое вставлен сердолик овальной формы. Дужки отломаны, фрагментированы.

Серьги относятся к стилю, в котором изготовлены различные изделия, найденные в Крыму, на Северном Кавказе, в Ниж-

нем Подонье, в северо-западном Причерноморье, а также, единично, за границами этих территорий (Яценко, Малашев, 2000). Одна пара сделанных в этом стиле серег найдена в могильнике Совхоз 10 (Стржецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, с. 150, 151), три пары в Чернореченском могильнике (Храпунов, Стоянова, 2016, с. 177), четыре пары в могильнике Дружное (Айбабин, 1994, с. 90, 94; Храпунов, 2002, с. 50, 51), три экземпляра в могильнике Нейзац (Храпунов, 2008, с. 367, 368; 2016а, с. 16). В могильнике Опушки найдены четыре пары подобных украшений, из них опубликована только одна (Храпунов, Стоянова, 2013, с. 189). Несмотря на несомненное общее сходство, каждая пара серег в деталях отличается от другой. Вероятно, серьги изготавливались по индивидуальному заказу.

Подвеска в виде лунницы (рис. 10, 4) сделана из серебра. Ее лицевая часть украшена золотой фольгой с нанесенным на нее орнаментом в виде насечек. Фольга крепится к основанию подвески с помощью двух заклепок. В двух гнездах каплевидной формы, вырезанных в фольге, укреплены вставки из прозрачного синего стекла, третья — центральная — вставка сделана из сердолика. Рифленая, пластинчатая петелька была припаяна к тыльной стороне лунницы. Лунница сделана в том же стиле, что и серьги. Этот предмет не имеет аналогий.

Вещи в догуннском полихромном стиле обычно датируют второй половиной III – первой половиной IV в. н. э., что подтверждается и публикуемым комплексом. Однако находка на Нижнем Дону позволяет предположить, что первые изделия, украшенные орнаментированной золотой или позолоченной фольгой и крупными сердоликовыми или стеклянными вставками, появились еще в первой половине III в. н. э. (Демиденко, 2016).

В номенклатуре предметов, выполненных в обсуждаемом стиле, наблюдаются

ареальные отличия. В предгорном Крыму отсутствуют детали амуниции, конской сбруи и оружия, подобные обнаруженным на Нижнем Дону, Северном Кавказе, в Северо-Западном Причерноморье. Имеются только украшения, представленные уже упомянутыми серьгами и лунницей, браслетами (Храпунов, 2002, с. 40; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 177) и прямоугольными предметами неясного назначения (Бабенчиков, 1963, с. 93; Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 208, 209).

Подвеска в виде лунницы (рис. 8, 5) сделана из серебра. Она треугольная в поперечном сечении с ребром на лицевой стороне, с загнутыми заостренными концами. Пластинчатая петелька припаяна к тыльной стороне изделия. Это украшение найдено в подбое, выкопанном в стене входной ямы.

Подобные подвески спорадически встречаются на юге Восточной и в Центральной Европе, а также на Кавказе. Все крымские находки происходят из комплексов III в. н. э. (обзор см. Стоянова, 2016, с. 135, 136).

Меч (рис. 12, 9; 17, 4) или кинжал (его длина составляет 45,6 см) принадлежит, по А. М. Хазанову, к типу V сарматских мечей и кинжалов, главным отличием которых являются вырезы у пяты клинка (Хазанов, 1971, с. 17). Основной ареал таких мечей — Северный Кавказ и предгорный Крым, единично встречаются в Приднепровье, в Венгрии, во Франции и на других территориях. В Крыму датируются IV – V вв. н. э. Уникально положение меча в склепе № 124. Он лежал вдоль ног погребенного. Мечи типа Хазанов-V почти во всех предыдущих случаях, если находились *in situ*, лежали на головах или плечах погребенных. Это удивительное обстоятельство позволило, между прочим, рассуждать о северокавказско-крымских контактах, а также высказывать сомнения в принадлежности данного типа оружия к мечам или кинжалам (литература о мечах с вырезами у пяты клинка весьма обширна. Последние обобщающие работы: Храпунов, 2010, с. 538–545; Симоненко, 2010, с. 51–54; Левада, 2013).

Стержневидные железные предметы с деревянными рукоятками (рис. 12, 6–8). До недавнего времени подобные изделия принято было именовать шильями (см. напр. Храпунов, 2002, рис. 168, 18; 100, 7, 8 и др.; 2011а, с. 40). Петр Мончинский и Беата Полит привели серьезные аргументы в пользу того, что с помощью этих предметов, небольших кремней, а также, возможно, иных веществ высекали огонь (Maćzyński, Polit, 2016 а,б). Кстати говоря, в публикуемом комплексе рядом с одним из железных стержневидных предметов находился кремневый отщеп (рис. 3, 32, 33; 12, 6; 14, 1).

Миска краснолаковая понтийского производства (рис. 16, 4). Наиболее близкими аналогиями этому сосуду являются миски типа IX.4 из могильника Дружное, которые датируются IV в. н. э. (Храпунов, 2002, с.59). А. Опаит датирует миски с отогнутым краем (тип X его классификации) 350 – 450 гг. (Opait, 1985, s. 157).

Кувшин краснолаковый понтийского производства (рис. 16, 2; 18,8). Аналогии в большом количестве встречены в комплексах III–IV вв. н. э. Дружного (тип XIV) и других крымских могильников (Храпунов, 2002, с. 59, 60).

Стакан стеклянный (рис. 15, 2). Фрагментированный сосуд имеет редчайшую для Крыма особенность — выступы на дне. Такие стаканы редки и за пределами Крыма. Производились они на Ближнем Востоке в течение всей римской эпохи.

Колба стеклянная (рис. 15, 1). Это один из самых распространенных типов сосудов позднееримского времени как для варварских памятников крымских предгорий, так и для античных городов Северного Причерноморья. Экземпляры, датируемые временем более ранним, чем IV в. н. э., не известны.

Подробно об обоих стеклянных сосудах из склепа №124 см. статью С. Б. Шабанова в этом сборнике.

Лепные кружки (рис. 16, 1, 3; 18, 6, 7). Кружки такого типа представляют собой один из самых распространенных типов леп-

ной керамики римского времени в Крыму. Соответствуют типу XXIV кружек из могильника Дружное (Храпунов, 2002, с. 63).

Удила (рис. 13, 1, 2; 17, 2, 3). Железные двухчастные удила с концами, свернутыми в кольца. В концы удил вставлены большие подвижные кольца. Это самый распространенный тип удил, использовавшихся в Северном Причерноморье в позднееримское время (Симоненко, 2010, с. 151–154; Антипенко, 2016, с. 85, 86).

Браслет (рис. 11, 4). Сделан из прямоугольной в сечении бронзовой проволоки с незамкнутыми, заходящими друг за друга обрубленными концами. Точно такой же браслет найден среди погребального инвентаря III в. н. э. склепа № 306 могильника Нейзац (Храпунов, 2011б, с. 15, рис. 27,4).

Фибула (рис. 11, 8). Фрагмент бронзовой фибулы с прямоугольной в сечении круто выгнутой спинкой, шестивитковой пружиной и нижней тетивой. Судя по обломку, длина которого составляет 1,5 см, застежка относится к типу изделий, распространенных во второй половине III – IV вв. н. э. (Безуглов, 2008, с. 287, 288).

Колокольчик (рис. 12, 2; 18, 5). Бронзовые полусферические колокольчики с отверстием в верхней части, сквозь которое продевалась проволока, заканчивающаяся с одной стороны петелькой для подвешивания, а с другой стороны — язычком, представляют собой один из самых распространенных типов подвесок в предгорных крымских могильниках позднееримского времени (Стоянова, 2016, с.141).

Пронизь в виде лежащего на прямоугольной плакетке льва из египетского фаянса (рис. 14, 2). Плакетка покрыта глазурью бирюзового цвета, фигурка льва — светло-зеленого цвета. Соответствует типу 68б по классификации Е. М. Алексеевой. Время максимального распространения таких подвесок в Северном Причерноморье приходится на I в. до н. э. – II в. н. э. (Алексеева, 1975, с. 44). В комплексах III – IV вв. н. э. встречаются очень редко (Стоянова, 2016, с. 126, 127).

Перстень серебряный пластинчатый (рис. 10, 5). Края пластины не замкнуты, раскованы и образуют овальный щиток, к которому крепилось гнездо круглой формы, сделанное из узкой, поставленной на ребро, пластинки, окруженной рифленой проволокой. В гнездо вставлен сердолик.

Перстни с незамкнутыми раскованными, образующими щиток концами весьма частая находка в крымских могильниках позднеримского времени. Иногда они лишены украшений, в некоторых случаях к щитку приклеено стекло или сердолик. Имеются экземпляры такие, как публикуемый, когда к щитку припаивалось гнездо для вставки (Храпунов, 2002, с. 42, 46; 2011а, с. 43; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 182, 183). Своеобразие перстню из склепа № 124 придает рифленая проволока, которой окружено гнездо со вставкой. Эта деталь стилистически сближает его с вещами в догуннском полихромном стиле.

Пряжки серебряные (рис. 11, 1–3, 5). Все четыре пряжки связаны с погребением, расположенным у южной стены погребальной камеры.

У трех пряжек концы язычков немного загнуты за края рамок (рис. 11, 2, 3, 5; 18, 1, 3), у одной пряжки конец язычка достигает переднего края рамки, но не загнут за него (рис. 11, 1; 18, 2). У двух пряжек язычок прогнут в центральной части (рис. 11, 1, 2; 18, 1, 2), у двух других в тыльной части язычка имеется прямоугольная рельефная площадка (рис. 11, 3, 5; 18, 3, 4). Прогнутость язычка считается признаком, характерным для III в. н. э., наличие площадки и язычок, конец которого загнут за рамку, соответствуют признакам изделий IV в. н. э. Такое сочетание пряжек, обнаруженных, подчеркнем еще раз, при одном костяке, встречается не часто.

На материалах могильника Нейзац отмечено, что пряжки III в. н. э. отличаются большим разнообразием. У них иногда имеются такие поздние признаки как загнутость язычка за рамку и наличие рельефной пло-

щадки. В то же время, известны очень редкие пряжки IV в. н. э. с прогнутыми язычками (Малашев, 2000, с. 209; Храпунов, 2016б, с. 103). В целом, комплект пряжек из склепа № 124 можно отнести ко второй половине III или к началу IV в. н. э.

Подвески янтарные восьмерковидные (рис. 11, 10; 14, 42). Появление в Крыму янтарных восьмерковидных подвесок традиционно связывалось с проникновением на полуостров германцев в середине III в. н. э. В последние годы открыты комплексы с восьмерковидными подвесками, сформировавшиеся задолго до германских походов. Это, в первую очередь, склеп I в. н. э. № 720 из Усть-Альминского могильника (Puzdrovskij, Zaicev, 2004, S. 233). В могиле № 193 могильника Нейзац хоронили тоже до зафиксированных письменными источниками походов германцев в Крым, в конце II – первой половине III в. н. э. (Стоянова, 2005, с. 159). Однако, как выясняется, в это время первые германские вещи в Крыму уже появились (Васильев, 2005; Шаров, 2010; Khrapunov, 2005). А. В. Мастыкова предположила, что ранние крымские подвески могли быть сделаны в мастерских Аквилеи на северном побережье Адриатического моря (Мастыкова, 2016, с. 182).

До IV в. н. э. в Крым попадали одиночные восьмерковидные подвески из янтаря, вероятно, через античные города. В IV в. н. э. подвески проникают в Крым массово. Их находки исчисляются сотнями (Стоянова, 2016, с. 129). В большинстве своем они сосредоточены в детских погребениях и обычно сопровождаются, как в данном случае, довольно богатым и разнообразным погребальным инвентарем.

Серповидный нож (рис. 12, 11; 17, 1). Такие ножи ранее находили только в могильнике Нейзац. Один из них целый с костяной рукояткой (Храпунов, 2004б), еще два в обломках (Храпунов, 2011а, с. 41; 2013, с. 195; 2015, с. 223). Одна из находок обнаружена в комплексе, который датируется второй – третьей четвертью II в. н. э.,

остальные – в могилах III в. н. э. У публикуемого ножа рукоятка, вероятно, была деревянной и потому не сохранилась.

Ключ от шкатулки бронзовый (рис. 14, 12). Найден вместе с бусами в погребении ребенка. Вероятно, использовался как деталь ожерелья. Ключи от шкатулок представляют собой обычную находку в женских погребениях римского времени античных некрополей и варварских могильников. Как правило, они, конечно, сочетаются в могилах с другими деталями шкатулок (Храпунов, 2011а, с. 40).

Бусы. Бусы обнаружены в подбое во входной яме, в гробу с погребением ребенка и рядом с гробом в сумочке или мешочке. Сведения о них собраны в таблицу (табл. 1). Сразу отметим, что во всех трех наборах в значительном количестве встречены янтарные короткоцилиндрические бусы.

Бусы из склепа №124 обнаруживают значительное сходство с наборами, выделенными А. А. Стояновой в качестве характерных для IV в. н. э. Оно выражается в следующем.

1. В незначительном, по сравнению с предшествующим временем, количеством бус из гагата и египетского фаянса.

2. Прекращении практики использования бус для расшивки одежды.

3. Значительном количестве мелких стеклянных бус различных оттенков синего цвета.

4. Использовании коротких ожерелий, как в детском погребении склепа №124.

5. Практике помещения бус вместе с другими украшениями в мешочки и размещении их рядом с погребениями детей.

6. Сочетании бус в детских погребениях с янтарными восьмерковидными подвесками (Стоянова, 2010, с.407, 408).

В то же время, набор бус из склепа №124 имеет особенности, не отмеченные в других могилах IV в. н. э.

1. Большое количество полихромных бус.

2. Множество мелких бус, в особенности витых из глухого черного стекла в мешочке рядом с ребенком.

3. Наличие вместе с бусами подвески из египетского фаянса в виде льва на плакетке.

Все эти признаки характерны для более ранних погребений.² В целом, сочетание бус указывает приблизительно на рубеж III–IV вв. н. э. как на время формирования комплекса. Синхронность всех трех наборов из склепа №124 удостоверяется совершенно необычным для других погребений большим количеством короткоцилиндрических янтарных бус.

Датировка

Самая ранняя из найденных в склепе №124 вещь — это подвеска из египетского фаянса в виде льва на плакетке. Такие украшения во множестве производились и использовались в I в. до н. э. – II в. н. э. Находки серповидных ножей во всех до сих пор известных случаях датировались II – III вв. н. э. Правда, таких случаев всего три.

Все найденные в Крыму лунницы, подобные украшению из подбоя, происходят из комплексов III в. н. э.

Пряжки с прогнутыми язычками относятся к III в. н. э., но они найдены вместе с пряжками, имеющими рельефный выступ на тыльной стороне язычка. Последняя деталь, как правило, указывает на IV в. н. э.

Краснолаковый кувшин датируется III–IV вв. н. э.

Комплекс бус сочетает в себе черты, характерные как для III, так и для IV вв. н. э.

Вещи в догуннском полихромном стиле и перстень с сердоликом относятся к периоду второй половины III – первой половины IV в. н. э.

Уверенно временем не ранее IV в. н. э., судя по всем известным аналогиям, можно датировать стеклянную колбу, краснолаковую миску, меч и набор янтарных восьмерковидных подвесок.

Погребальный инвентарь из склепа №124, сочетание вещей, характерных как для III, так и для IV в. н. э., по всей вероят-

² Благодарю А. А. Стоянову за консультацию.

ности, указывают на начало IV в. н. э. как на время формирования комплекса. Можно сказать, что захоронения из склепа №124 близки по времени погребению в кургане №13 могильника Кишпек (Бетрозов, 1980).

В предгорном Крыму открыто более десятка могильников со склепами IV в. н. э. (перечень см. Храпунов, 2016в, с. 123, новые материалы: Чуркин, Шкрибляк, 2017). На основании этой публикации теперь к ним можно добавить могильник Опушки. Склепы с короткими дромосами давно привлекают внимание исследователей. Их изучение

позволяет сформулировать и попытаться решить ряд важных проблем истории полуострова в позднеримское время. В частности, еще раз обратиться к теме возможной миграции в Крым северокавказского населения. Впрочем, для этого особенно важны склепы не периода их массового распространения, а времени первого появления. В могильнике Опушки раскопано несколько склепов III в. н. э., как первой, так и второй половины столетия. Их публикация позволит комплексно рассмотреть проблемы, связанные с новыми для Крыма погребальными сооружениями.

Таблица 1. Бусы и подвески из могилы № 124¹

Материал	Описание типа	Размеры, см	Количество				Тип по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1975, 1978, 1982)	Дата типов по Е.М. Алексеевой	Рис.
			Всего	Подобой	Камера	Заполнение			
Одноцветное стекло	Шаровидные поперечно сжатые из глухого черного стекла с поперечной структурой ядра. Один экземпляр имеет закраинку вокруг края канала отверстия	0,5–0,7 x 0,4–0,5 x 0,5–0,7; 1,5 x 1,2 x 1,5	4	3	1	-	1	II – III вв. н.э.	8, 1; 14, 9
	Шаровидная поперечно сжатая из глухого белого стекла	0,6 x 0,5 x 0,6	1	1	-	-	2	8, 2	8, 2
	Шаровидные поперечно сжатые из прозрачного темно-лилового стекла	1,3 x 0,7 x 1,3	2	-	2	-	4	III в. до н.э. – III в. н.э.	14, 3
	Шаровидные поперечно сжатые из прозрачного темно-лилового стекла	1,5 x 1,2 x 1,5	1	-	-	-	3	I – III вв. н.э.	14, 8
	Шаровидная из прозрачного темно-зеленого стекла	0,4 x 0,4 x 0,4	1	1	-	-	8	I – III вв. н.э.	8, 3
	Шаровидная из прозрачного темно-синего стекла	0,6 x 0,5 x 0,6	1	1	-	-	15	I – IV вв. н.э.	8, 4
	Бочковидная поперечно сжатая из прозрачного стекла с голубоватым оттенком	0,9 x 0,6 x 0,9	1	1	-	-	-		8, 6
	Бочковидные продольно вытянутые из глухого синего стекла	0,3–0,4 x 0,4–0,5 x 0,3–0,4	3	3	-	-	-		8, 7
	Усечено-биконическая поперечно сжатая из прозрачного темно-синего стекла	0,6 x 0,4 x 0,6	1	1	-	-	100	II – III вв. н.э.	8, 8
	Усечено-коническая продольно вытянутая из прозрачного бесцветного стекла	1,0 x 1,2 x 1,0	1	-	1	-	-		14, 21
	Биконические поперечно сжатые из прозрачного желтого стекла	0,7 x 0,4 x 0,7 0,5 x 0,3 x 0,5	2	1	1	-	90	IV в. до н.э. – III в. н.э.	8, 13; 14, 33
	Биконическая поперечно сжатая из глухого синего стекла	0,6 x 0,4 x 0,6	1	1	-	-	-		8, 11
	Цилиндрические из глухого красного стекла	0,3 x 0,5 x 0,3	4	-	4	-	57	I – III вв. н.э.	14, 16
	Цилиндрические из глухого бирюзового стекла	0,3 x 0,5–0,6 x 0,3	28	-	27	1	66	I – III вв. н.э.	14, 19
	Цилиндрическая из полупрозрачного голубого стекла	0,6 x 0,7 x 0,6	1	-	1	-	69	I – IV вв. н.э.	14, 17
Цилиндрическая, в виде тонкой трубочки, из глухого светло-зеленого стекла	0,2 x 0,8 x 0,2	1	1	-	-	-		8, 14	
Уплощенная пронизь из глухого белого стекла	0,5 x 0,2 x 0,5	1	1	-	-	32	III в. н.э.	8, 22	
Уплощенная пронизь из прозрачного темно-лилового стекла	0,65 x 0,3 x 0,65	1	-	1	-	32	III в. н.э.	14, 7	
Уплощенная пронизь, продольно вытянутая, линзовидная в поперечном сечении из прозрачного темно-лилового стекла	0,65 x 1,2 x 0,3	1	-	1	-	-		14, 6	

¹ Таблица составлена А. А. Стояновой.

Таблица 1. Бусы и подвески из могилы № 124

Многоцветное стекло	Уплощенная пронизь, продольно вытянутая ромбовидная в поперечном сечении из прозрачного розового стекла	1,1 x 1,5 x 0,5	1	-	1	-	-	14, 5
	В форме плоского диска из глухого красного стекла	0,6 x 0,7 x 0,3	1	1	-	-	71	I – IV вв. н.э.
	В форме плоского диска из полупрозрачного синего стекла	0,7–0,8 x 0,8 x 0,3	2	2	-	-	75	II – III вв. н.э.
	В форме плоского диска из прозрачного темно-лилового стекла	0,9 x 0,9–1,0 x 0,3	2	2	-	-	72	II – III вв. н.э.
	В форме 14-гранника из прозрачного темно-зеленого стекла	0,5 x 0,7 x 0,5	1	1	-	-	131	II – IV вв. н.э.
	В форме 14-гранника из полупрозрачного темно-лилового стекла	0,6–0,8 x 0,9 x 0,6–0,8	3	2	1	-	137	II – IV вв. н.э.
	В форме 14-гранника удлиненные из прозрачного синего стекла	0,65–0,8 x 0,9–1,5 x 0,65–0,8	10	-	7	3	134	II – IV вв. н.э.
	Удлиненные, сделанные из спирально навитой нити из глухого черного стекла	0,3–0,4 x 0,2–2,2 x 0,3–0,4	124 и фр-ты	-	123 и фр-ты	1	203	III – IV вв. н.э.
	Линзовидная из прозрачного темно-лилового стекла	0,8 x 1,0 x 0,5	1	-	1	-	84	II – III вв. н.э.
	Пронизь в виде схематично изображенного жука-скарабея из глухого оранжевого стекла	1,1 x 1,0 x 0,9	1	-	1	-	172	I в. до н.э. – II в. н.э.
	Шаровидная поперечно сжатая из глухого красного стекла, украшенная тремя глазками. Все глазки утрачены	0,7 x 0,6 x 0,7	1	1	-	-	-	8, 18
	Шаровидная из глухого синего стекла, украшенная тремя глазками, в которых центральный диск из темно-лилового стекла окружен двумя кольцами из глухого белого стекла и одним кольцом из темно-лилового стекла	0,7 x 0,6 x 0,7	1	-	1	-	Близка типу 33	14, 26
	В форме параллелепипеда из глухого красного стекла. Украшена поперечным широким поясом с орнаментом в виде ромбов из глухого черного стекла, ограниченных линиями из глухого зеленого стекла, с точками в центре из глухого красного стекла	0,75 x 1,0 x 0,5	1	-	1	-	Близка типу 424	14, 11
	Бочковидная продольно вытянутая из полупрозрачного темно-лилового стекла, украшенная шестью продольными линиями из глухого белого стекла	0,5 x 0,7 x 0,5	1	-	1	-	1906	II в. до н.э. – II в. н.э.
	Веретеновидная из полупрозрачного синего стекла, украшенная в центральной части спиралевидной полосой, спяной из двух нитей из глухого белого стекла и одной центральной нити из глухого красного стекла	0,4 x 0,9 x 0,4	1	1	-	-	168	II – III вв. н.э.
В форме уплощенного параллелепипеда из глухого черного стекла. С двух сторон украшена орнаментом в виде цветка, лепестки которого сделаны из глухого голубого стекла, центры — из глухого желтого стекла. Цветок окружает ряд из точек, сделанных из глухого красного стекла	0,7 x 1,1 x 0,5	1	-	1	-	-	14, 29	

Таблица 1. Бусы и подвески из могилы № 124

		1,0 x 2,6 x 1,0	1	-	-	1	215а	Римское время	11, 11
Стекло с внутренней металлической прокладкой	Пронизь цилиндрическая из глухого черного стекла, украшенная спирально навитой лентой из глухого белого стекла		1	-	-	1	215а	Римское время	11, 11
	Бусина усечено-коническая продольно вытянутая. Украшена спиральным орнаментом из чередующихся полос, сделанных из прозрачного синего, лилового и зеленого стекла, глухого белого и желтого стекла	0,9 x 1,1 x 0,9	1	-	-	1	Близка типам 248, 249	I – III вв. н.э.	14, 4
	Подвеска стреловидная, круглая в сечении, верхняя часть которой сделана из прозрачного желтого стекла, нижняя — из прозрачного синего стекла. Между двумя частями подвески проходит узкая полоса из глухого белого стекла	Н — 1,45, Д — 0,25	1	-	1	-	197	I – III вв. н.э.	14, 27
Стекло с внутренней прокладкой	Бочковидная продольно вытянутая	0,7 x 0,85 x 0,7	1	-	1	-	25	Римское время	14, 24
	Пронизь фрагмент	Д — 0,5	1	1	-	-			
	Цилиндрические и короткоцилиндрические	0,6–0,9 x 0,3–1,5 x 0,6–0,9	3	1	2	-	27	I – III вв. н.э.	8, 20; 14, 31
Янтарь	Пронизь продольно вытянутая, подпрямоугольная в поперечном сечении, подлинзовидной формы в продольном сечении	1,2 x 2,0 x 0,8	1	-	1	-	-		14, 37
	Подвески стрелковидные уплощенные	Н — 1,6–1,7, Д — 0,3–0,6	3	-	3	-	Близки типу 107а	-	14, 32
	Короткоцилиндрические	0,4–1,2 x 0,2–1,0 x 0,4–0,8	83	56 ²	27 ³	-	7, 11	I – IV вв. н.э.	8, 23; 9, 4; 14, 10, 40, 41
Янтарь	Подвески круглой в сечении фрагмент	Н — 1,1, Д — 0,8	1	-	1	-	-	III – IV вв. н.э.	14, 36
	Подвески восьмерковидные	Н — 0,9–1,8, Д — 0,5–1,1	21	-	19 и фр-ты	2	21	III – IV вв. н.э.	14, 42

² Четыре экземпляра имеют выступающие торцы (тип 11 по Е. М. Алексеевой)

³ 10 экземпляров — с выступающими торцами (тип 11 по Е. М. Алексеевой)

Таблица 1. Бусы и подвески из могилы № 124

Сердолик	Шаровидные поперечно сжатые	1,0–1,4 x 0,6–1,5 x 1,0–1,4	8	–	8	–	2а	Римское время	14, 38
	Усечено-биконическая поперечно сжатая	1,3 x 0,75 x 1,3	1	–	1	–	8	Римское время	14, 39
	Призматические уплощенные с узким каналом отверстия	0,65–0,9 x 0,8–1,1 x 0,3–0,4	7	–	7	–	14	–	14, 35
	14-гранные	0,6 x 0,8 x 0,4–0,5	2	–	2	–	15	II – IV вв. н.э.	14, 34
Египетский фанс	Шаровидная поперечно сжатая с ребристой поверхностью бирюзового цвета. Дольки неглубокие, плоские, выполнены небрежно	1,6 x 1,3 x 1,6	1	–	1	–	16б	I – III вв. н.э.	14, 28
	Пронизь в виде лежащего на прямоугольной плакетке льва. Плакетка покрыта глазурью бирюзового цвета, фигурка льва — светло-зеленого цвета	1,8 x 2,4 x 1,3	1	–	–	1	68б	I – II вв. н.э.	14, 2
Всего:			346	83	253	10			

Список литературы

- Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 89–131.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. 94 с. (САИ Г1–12.).
- Антипенко А. В. Типология псалий I–IV вв. н. э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 84–109.
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–122.
- Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднееримской эпохи в Нижнедонских степях // Проблемы современной археологии (сборник памяти Владимира Александровича Башилова) / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ТАУС, 2008. С. 284–301.
- Бетрозов Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1980. С. 113–122.
- Васильев А. А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников / Отв. ред. Зуев В. Ю. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2005. С. 343–349.
- Демиденко С. В. Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Курмоярский Аксай // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 195–221.
- Левада М. Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху. I / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: «ДОЛЯ», 2013. С. 171–187.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра», 2000. С. 194–232.
- Мастыкова А. В. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе // Stratum plus. 2016. №4. С. 173–189.
- Мульд С. А. Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 37–75.
- Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 328 с.
- Стоянова А. А. Подбойная могила №193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 153–168.
- Стоянова А. А. Наборы бус в костюме населения предгорного Крыма во II в. до н. э. – IV в. н. э. // Боспорские исследования. Вып. XXIV / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: б/и, 2010. С. 401–410.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2012. 100с.
- Стоянова А. А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122–165.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.

- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: б/и, 2004а. С. 3–237.
- Храпунов И. М. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац у Криму // Археологія. 2004б. Вип. 3. С. 104–111.
- Храпунов И. Н. Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.
- Храпунов И. Н. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. XXI. С. 356–392.
- Храпунов И. Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65 rocznicę urodzin / Red. A. Urbaniak, R. Prochowicz, I. Jakubczyk, M. Levada, J. Schuster. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 2010. S. 535–556 (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, Tomus II).
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2011а. С. 13–113.
- Храпунов И. Н. Склеп с погребениями III – IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2011б. 72с.
- Храпунов И. Н. Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. I // Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Изд-во «ДОЛЯ», 2013. С.188–207.
- Храпунов И. Н. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1(47). С.216–240.
- Храпунов И. Н. Исследования могильника Нейзац в 2011 – 2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016а. С. 11–36.
- Храпунов И. Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016б. С. 97–121.
- Храпунов И. Н. Население горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016в. № 76/1. С.118–134.
- Храпунов И. Н. Еще один германский след в Крыму // Stratum plus. 2017. № 4. С. 135–139.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Гл. ред. С. Д. Крыжицкий. Севастополь, 2005. С. 341–345.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Изд-во «Доля», 2009. 96 с.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Отв. ред. Е. В. Смынтына. Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. С.184–207.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Могила №9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 166–194.

- Чуркин А. С., Шкрибляк И. И. Новые позднеантичные некрополи в Центральном Крыму // *Stratum plus*. 2017. №4. С. 265–293.
- Шаров О. В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // *Stratum plus*. 2010. №4. С. 251–285.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // *Херсонесский сборник*. Вып. XII / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь, 2003. С. 199–225.
- Яценко С. А., Малашев В. Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // *Stratum plus*. 2000. №4. С. 226–250.
- Khrapunov I. N. A New Account on the Contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials of the excavations on the cemetery of Neyzats in 2001) // *Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica. IV* / Red. P. Luczkiewicz, M. Gladysz-Juśińska, M. Juśiński, B. Niezabitowska, S. Sadowski. Lublin, 2005. P. 185–197.
- Ма́czyński P., Polit B. Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016а. P. 76–96.
- Ма́czyński P., Polit B. Wytwory krzemienne z cementarzyska z późnej starożytności Nejazdac na Krymie // *Wiadomości Archeologiczne*. 2016б. T. LXVII. S. 175–193.
- Opait A. Enge Betrachtungen zur Spätrömischen Keramik mit rotem Überzug. *Dacia*. 1985. XXIX. S. 153–163.
- Puzdrovskij A. E., Zajcev Ju. P. Prunkbestattungen des 1. Jhs. N. Chr. in der Necropole Ust'-Al'ma, Krim // *Eurasia Antiqua*. 2004. Band 10. S. 229–267.

I. N. Khrapunov

A Burial Vault with Goods in the Pre-Hunnic Polychrome Style in Opushki Cemetery

Abstract

The cemetery of Opushki is located about 15 km east of modern Simferopol, in the centre of the Crimean foothill area. Its excavations have been being conducted, with intervals, from 2003 on. During this period, 189 graves of different types have been uncovered. Publications already made comprise the results of researches of one Late Scythian vault, several undercut graves, a cist inhumation, and children's graves. Beyond the bounds of scholars' attention still are burial vaults from the third and fourth centuries AD, which form a specific type of grave, drastically different from Late Scythian vaults from the preceding period, thus belonging to particular archaeological culture. This publication is aimed to fill the said gap.

Grave goods in burial vault no. 124 and the combination of artefacts typical of the third and the fourth century AD most likely indicate the early fourth century AD as the date when the assemblage shaped. Especially interesting is the series of artefacts made in the so-called pre-Hunnic polychrome style.

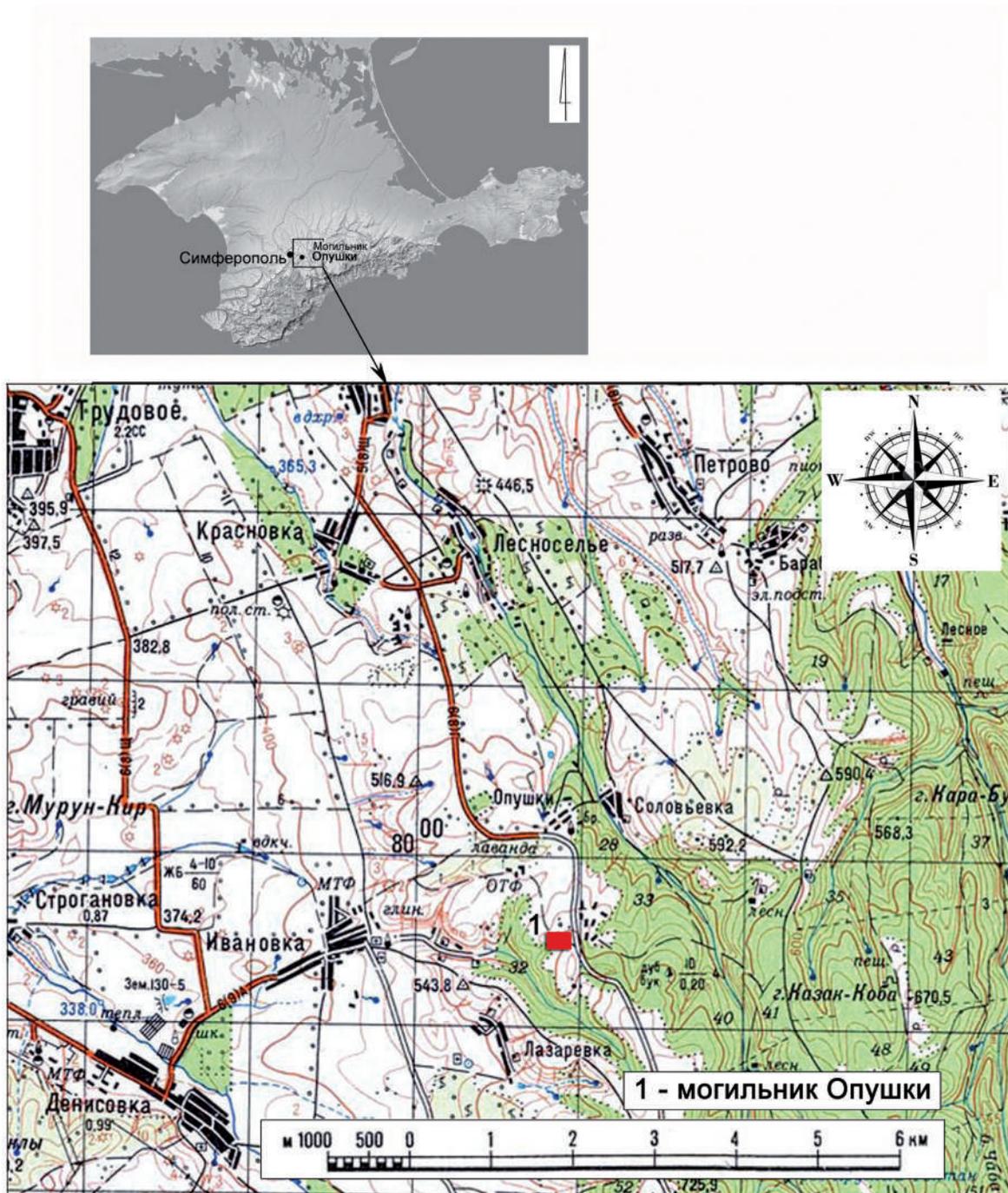

Рис. 1. Месторасположение могильника Опушки

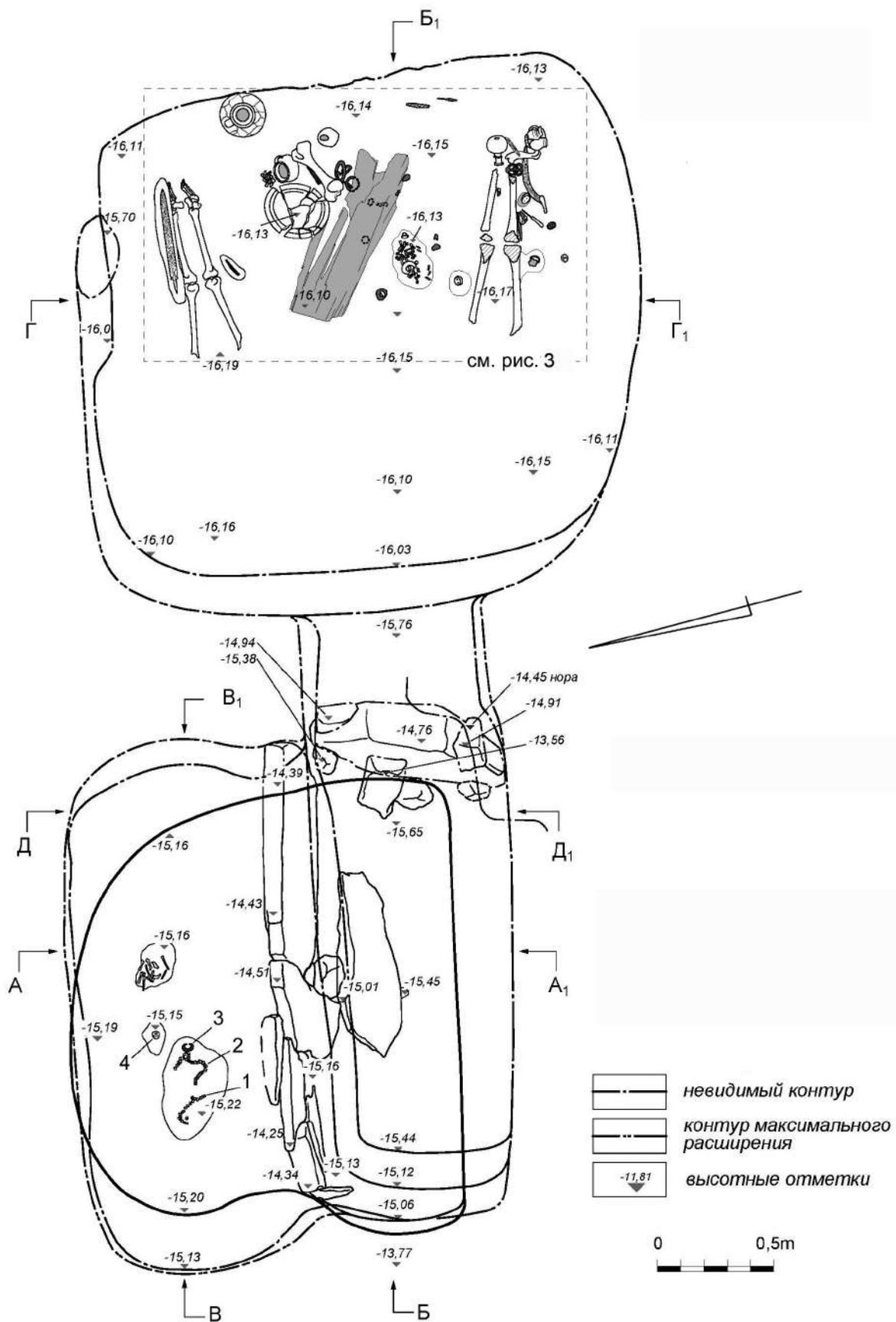

Рис. 2. Могила № 124. План. Расположение вещей в подбое во входной яме: 1, 2 — бусы, 3 — серебряная подвеска-лунница, 4 — керамическое пряслице

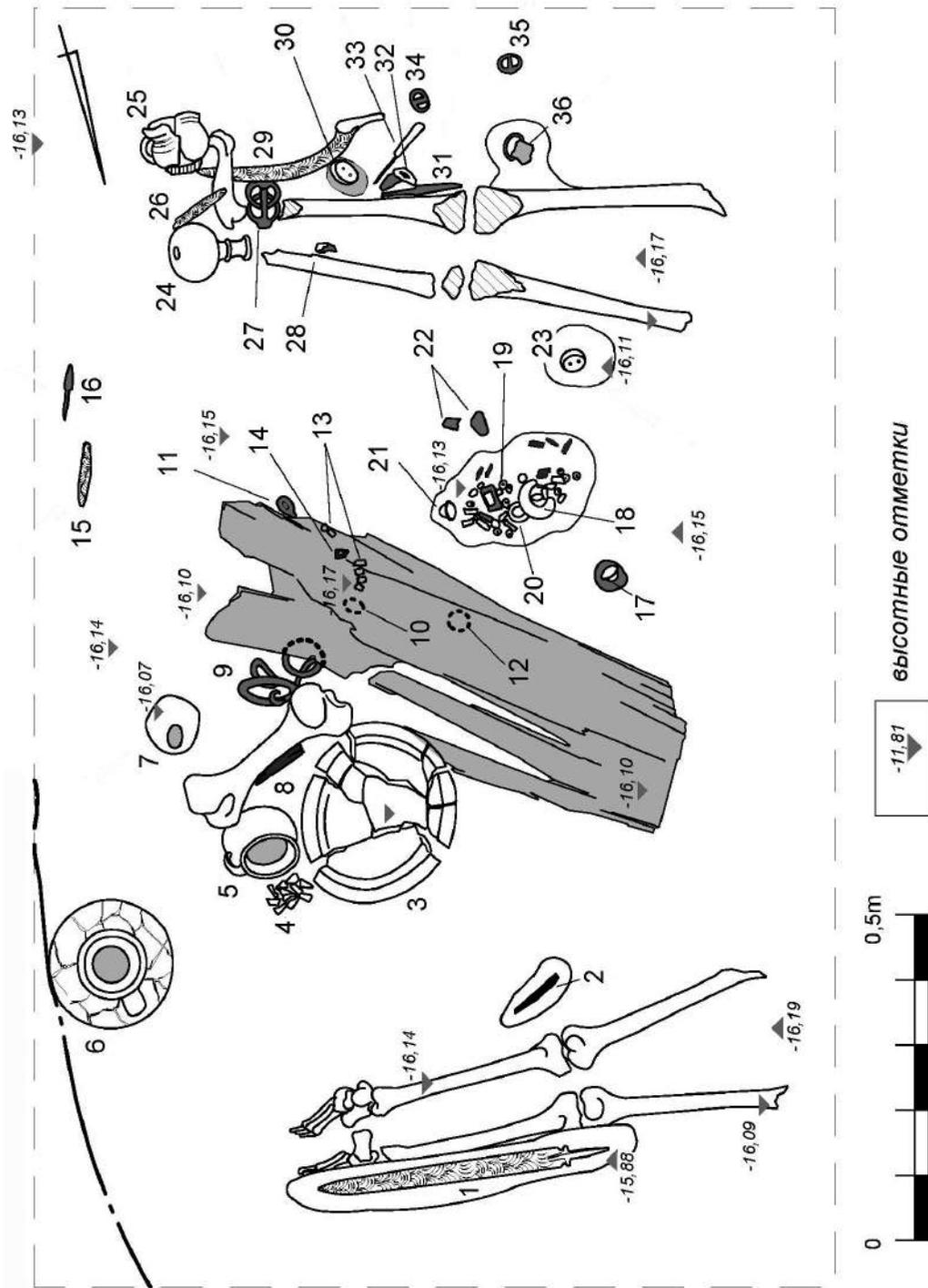

Рис. 3. Могила № 124. План погребений в камере: 1 — меч железный; 2 — фрагмент железного предмета; 3, 6 — краснолаковые сосуды; 4, 24 — стеклянные сосуды; 5, 25 — лепные сосуды; 7, 22, 28, 34 — железные пряжки; 9, 27 — железные удила; 10, 11 — серьги; 12 — бронзовый браслет; 13, 19 — бусы; 14 — бронзовая фибула; 16, 33 — железные стержневидные предметы; 17, 21 — бронзовые колокольчики; 18 — бронзовая подвеска-лунница; 20 — бронзовый перстень; 23, 30, 35, 36 — серебряные пряжки; 29 — железный серповидный нож; 32 — кремневый отщеп

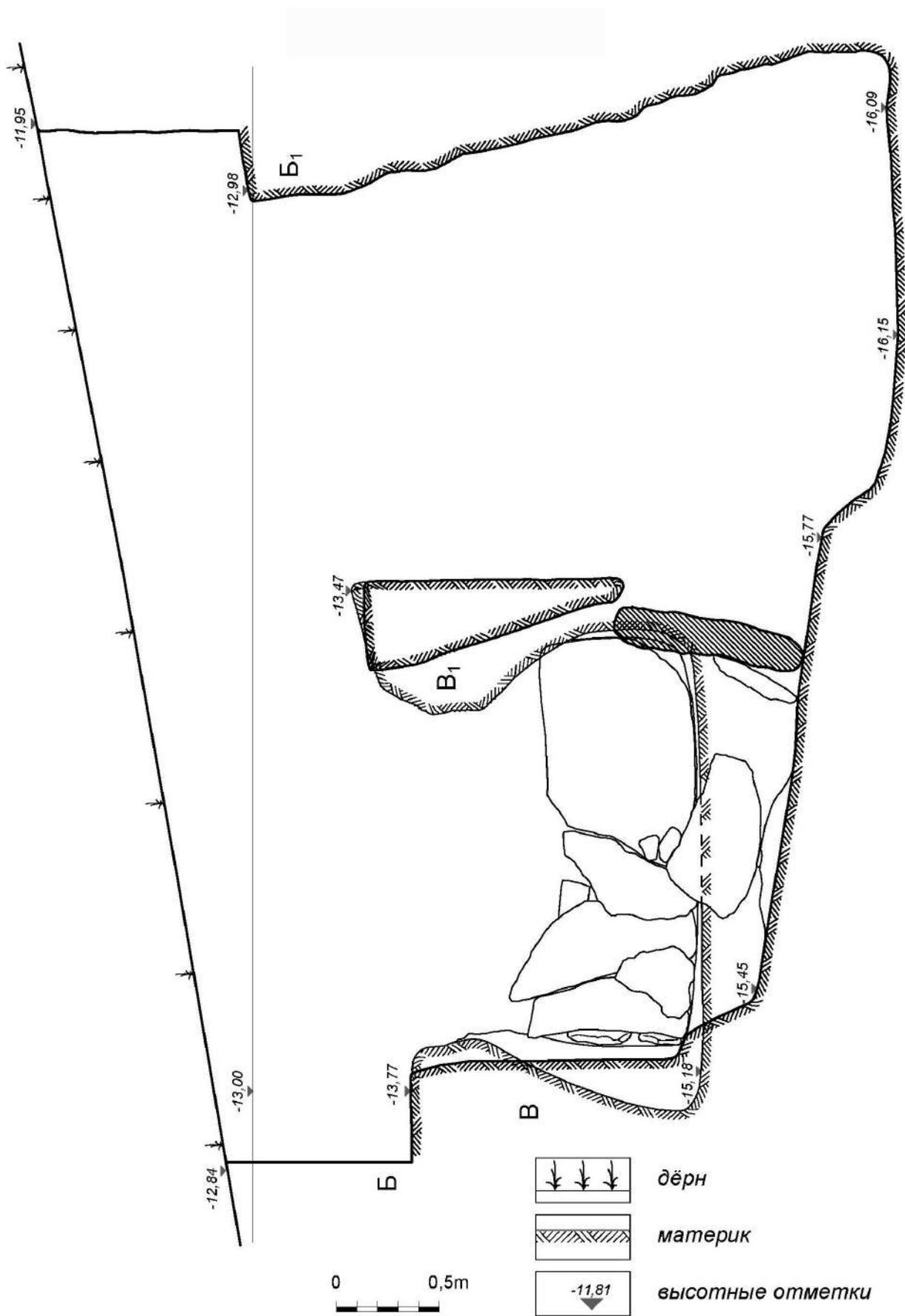

Рис. 4. Могила № 124. Разрезы и фасировка каменного заклада подбоя

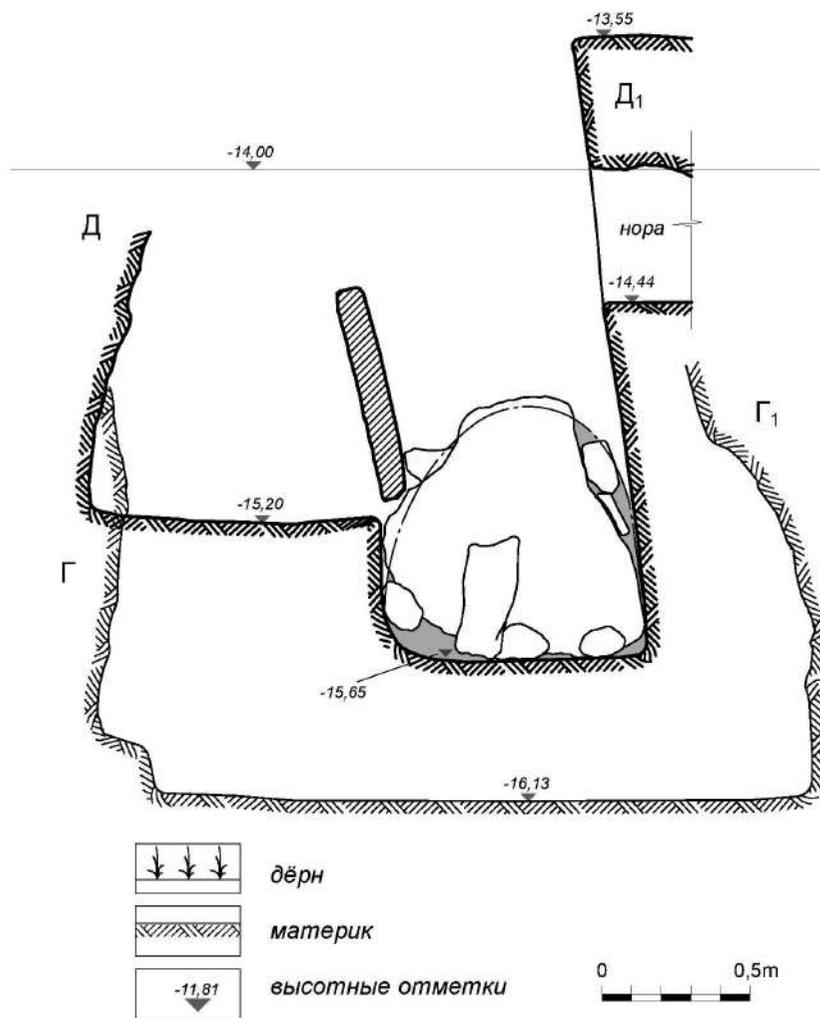
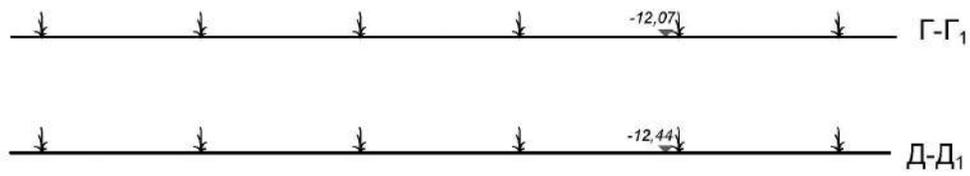

Рис. 5. Могила № 124. Разрезы и фасировка каменного заклада входа в дромос

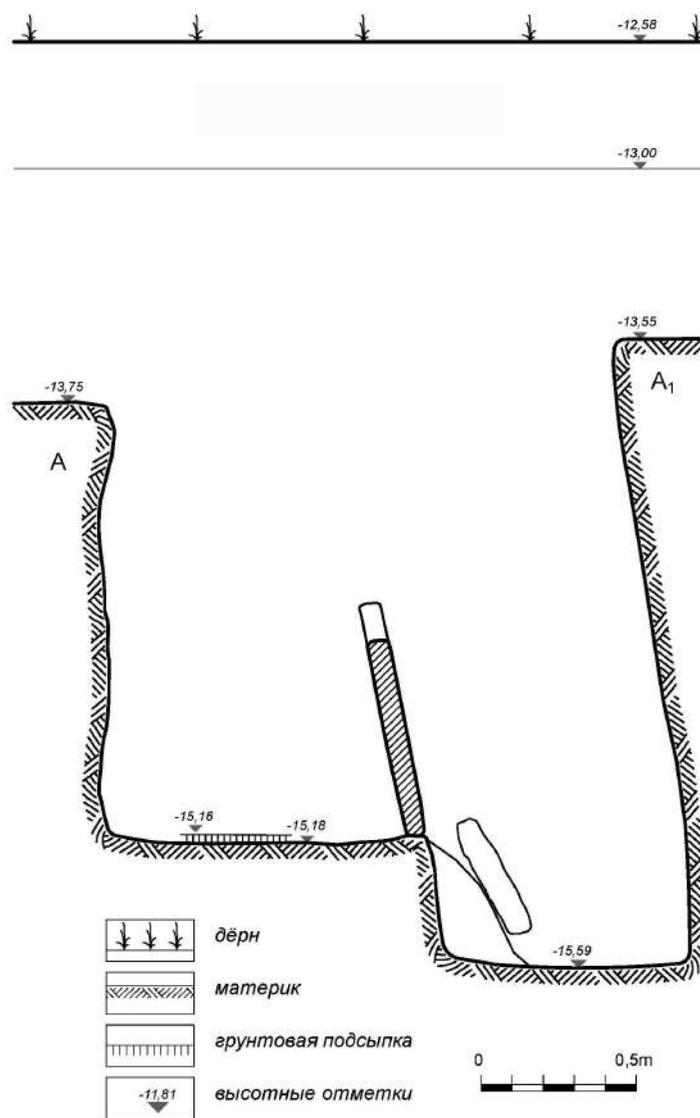

Рис. 6. Могила № 124. Разрез

Рис. 7. Могила № 124. а — входная яма с подбоем; б — погребения в камере

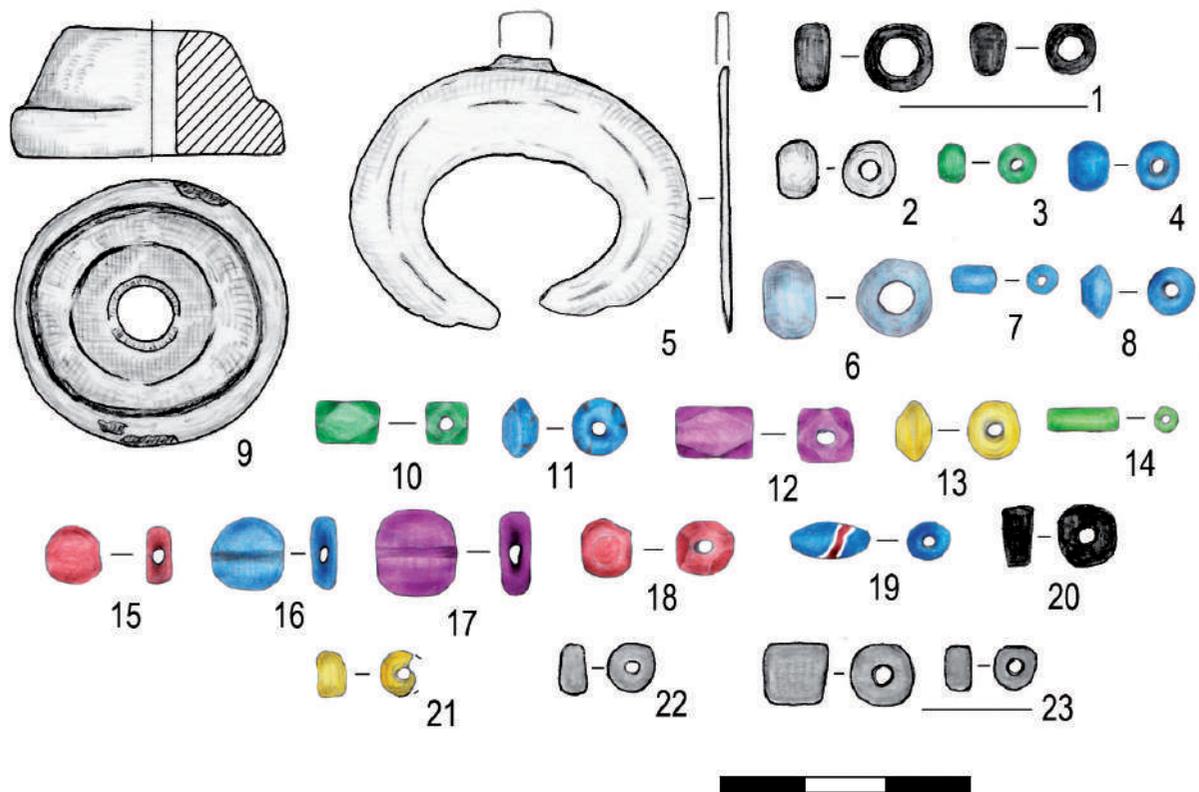

Рис. 8. Могила № 124. Погребальный инвентарь из подбоя во входной яме:
 1–4, 6–8, 10–23 — бусы; 5 — бронзовая подвеска-лунница; 9 — керамическое пряслице

Рис. 9. Могила № 124. Погребальный инвентарь из подбоя во входной яме:
1 — пряслице керамическое; 2 — бронзовая подвеска-лунница; 3, 4 — бусы

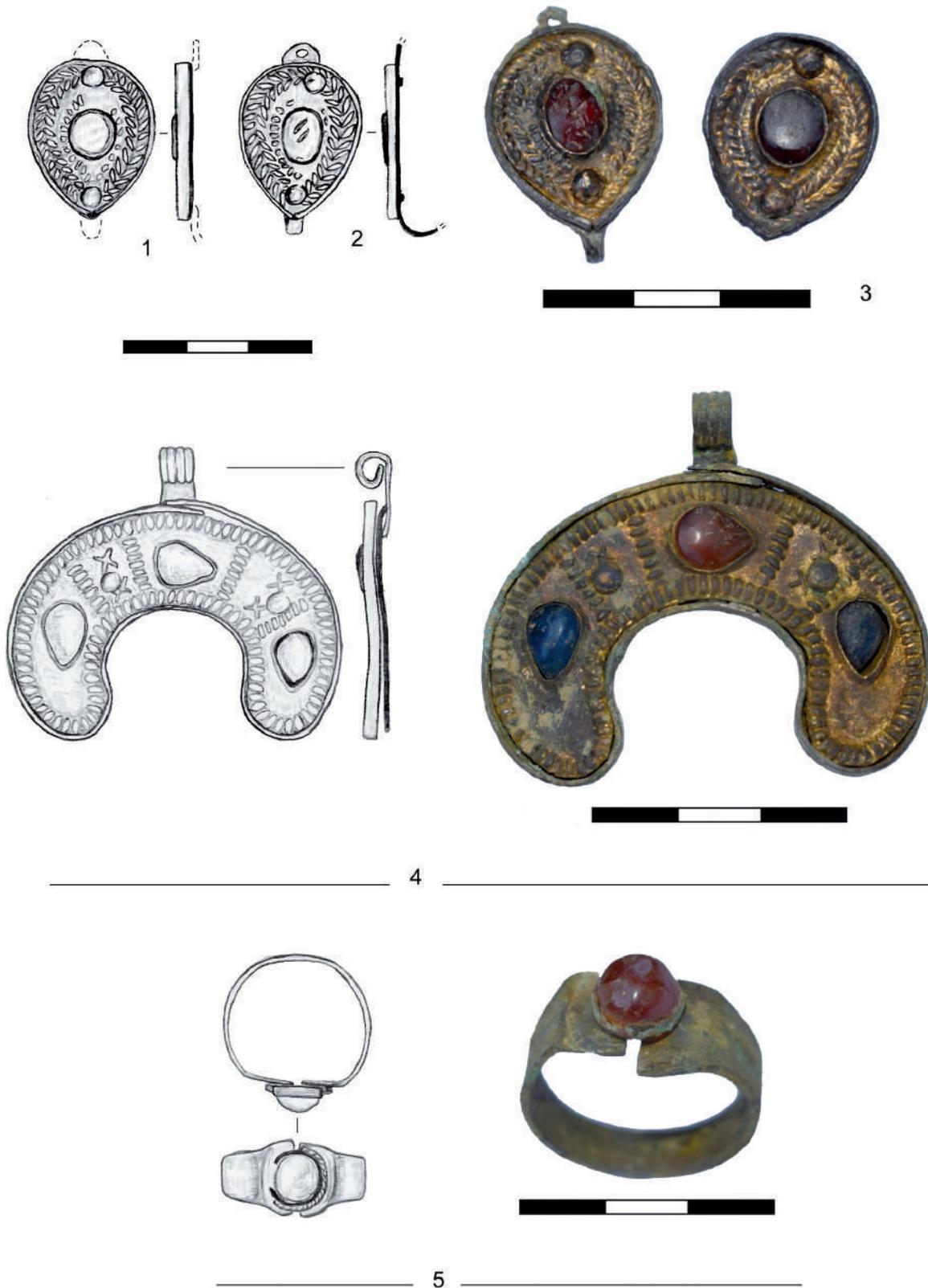

Рис. 10. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры:
1–3 — серьги; 4 — повеска-лунница, 5 — перстень

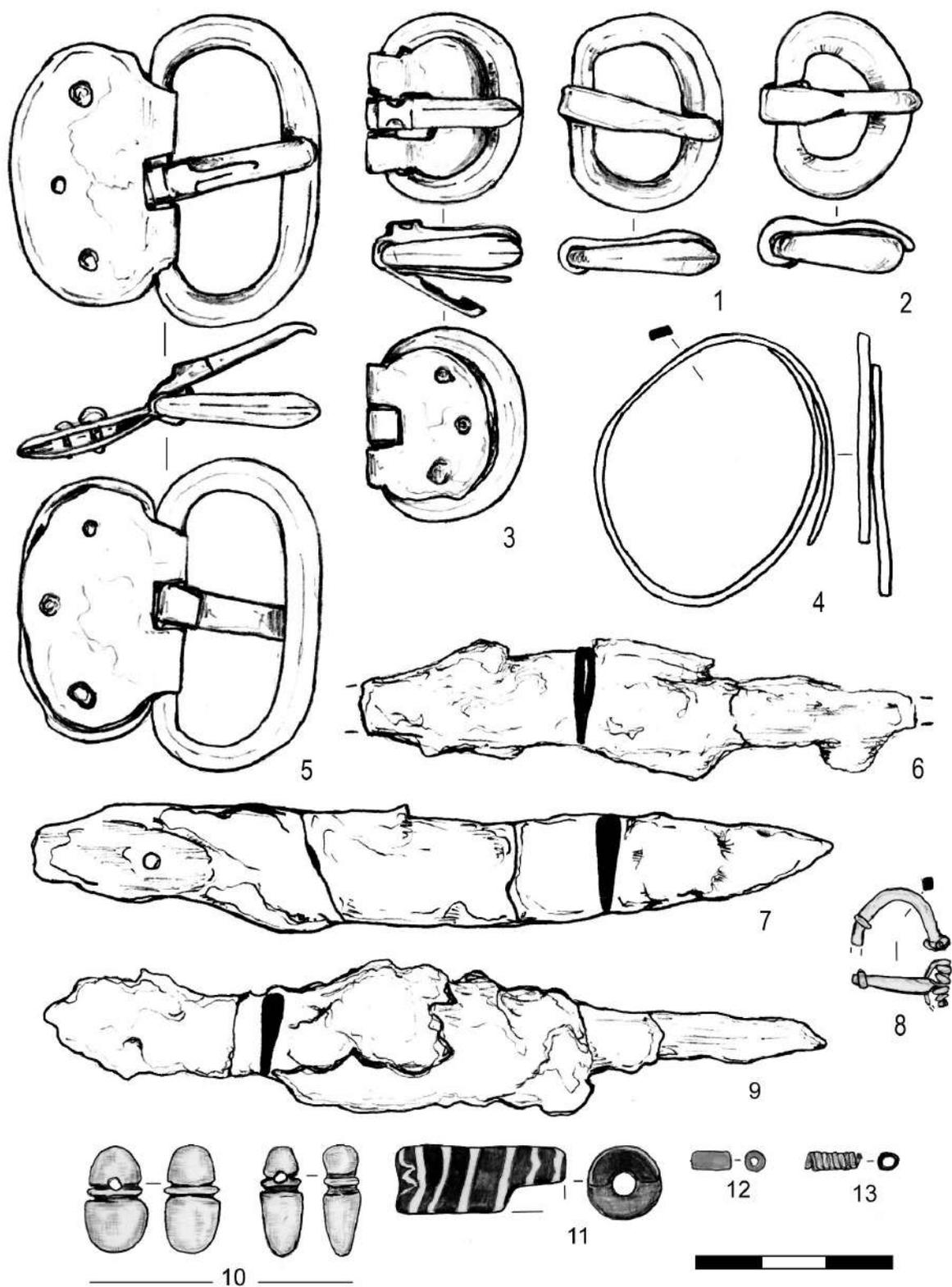

Рис. 11. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры: 1–3, 5 — серебряные пряжки; 4 — бронзовый браслет; 6, 7, 9 — железные ножи; 8 — бронзовая фибула; 10 — подвески из янтаря; 11–13 — бусы из стекла

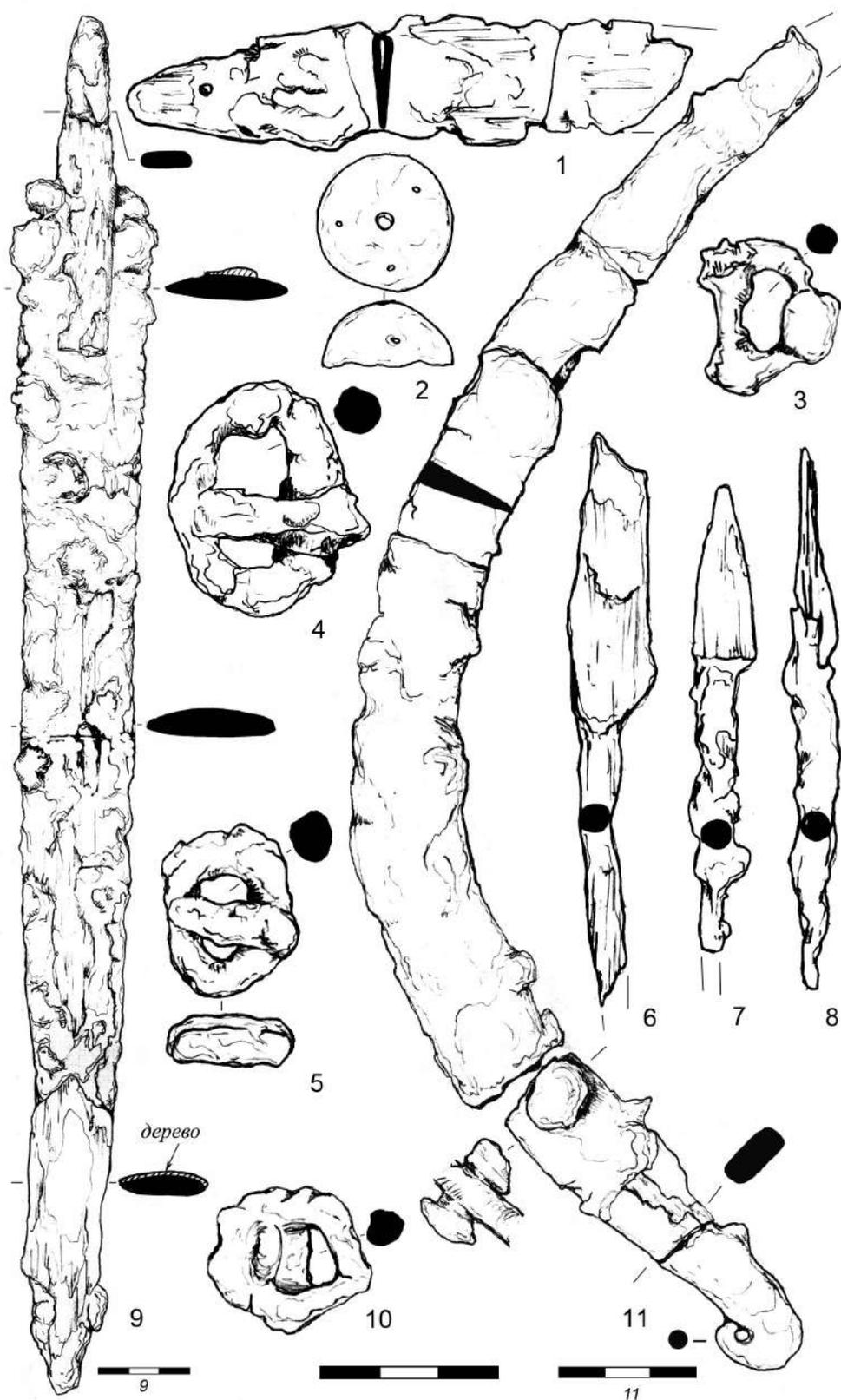

Рис. 12. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры: 1 — железный нож; 2 — бронзовый колокольчик; 3–5, 10 — железные пряжки; 6–8 — железные стержневидные предметы; 9 — железный меч; 11 — железный серповидный нож

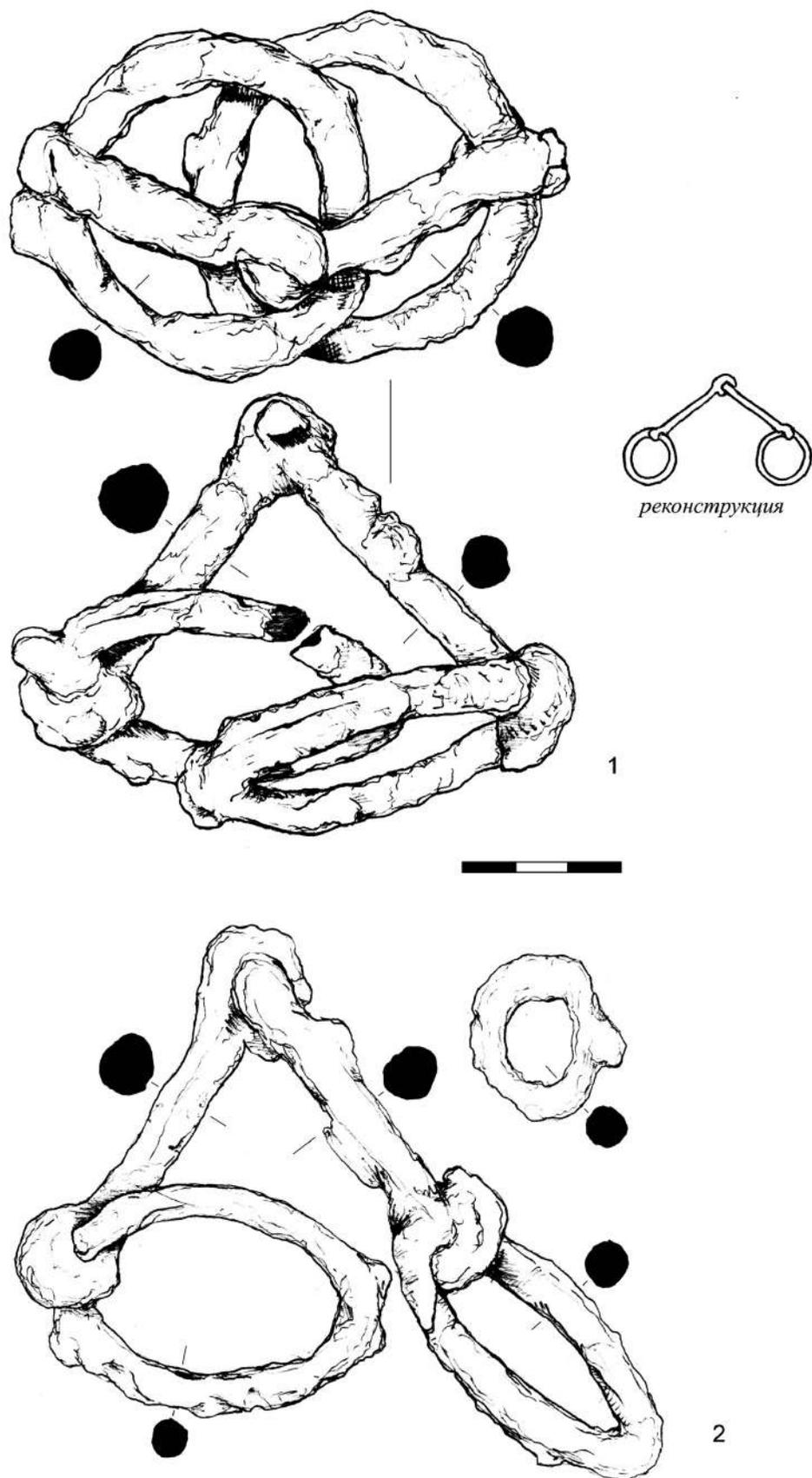
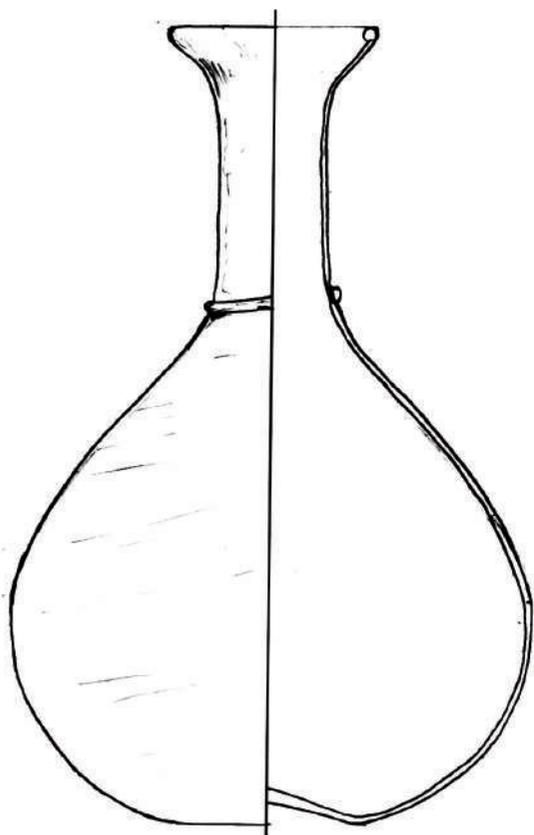

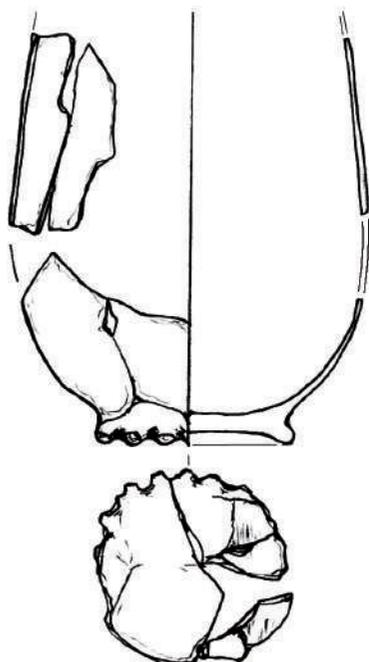
Рис. 13. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры. Железные удила

Рис. 14. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры: 1 — кремневый отщеп; 2 — подвеска из египетского фаянса; 3–11, 13–41 — бусы и подвески из стекла, гагата, сердолика, янтаря; 12 — бронзовый ключ

1

2

Рис. 15. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры. Стекланные сосуды

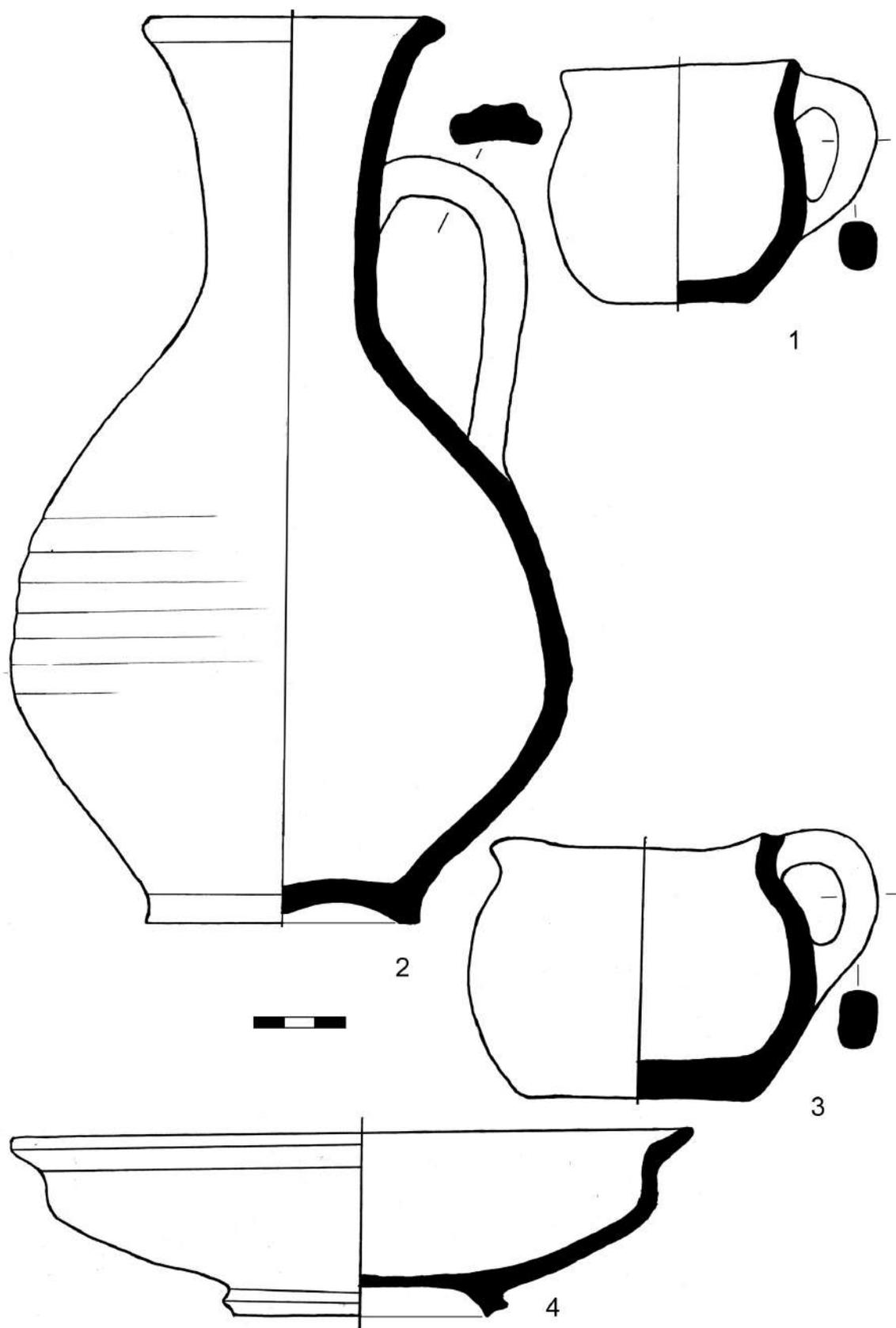

Рис. 16. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры. Керамические сосуды

Рис. 17. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры: 1 — железный серповидный нож; 2, 3 — железные удила; 4 — меч железный

Рис. 18. Могила № 124. Погребальный инвентарь из камеры: 1–4 — серебряные пряжки; 5 — бронзовый колокольчик; 6, 7 — лепные сосуды; 8 — краснолаковый кувшин

С. Б. Шабанов

Два стеклянных сосуда из комплекса позднеримского времени могильника Опушки в предгорном Крыму¹

Ключевые слова: Крым, римское время, могильник Опушки, стеклянная посуда

Key words: Crimea, Roman period, Opushki cemetery, glass vessels

Могильник Опушки расположен в центральной части крымских предгорий, в 2–2,5 км к юго-западу от одноименного села Мазанского сельского поселения Симферопольского района Республики Крым. На территории памятника с 2002 года постоянно ведутся грабительские раскопки. В результате действий грабителей на площади около 3 га уничтожено более 200 погребальных сооружений. Научные исследования могильника велись в 2003–2005, 2007–2009, 2013–2014, 2016, годах экспедицией Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. За время раскопок могильника открыто 189 погребальных сооружений: склепы, подбойные, плитовые и грунтовые могилы, каменный ящик с трупосожжением. Резуль-

таты исследований показали, что некрополь, относящийся к различным культурам, непрерывно использовался с I в. до н. э. до IV в. н. э. (Храпунов, 2016а, с. 232).

В 2016 г., вблизи западной окраины могильника, раскопан склеп № 124². Погребальный комплекс в недавнее время подвергся разграблению. Половина камеры и подбойная могила во входной яме склепа были «вычищены» грабителями. Тем не менее, в сохранившейся части обнаружено значительное количество погребального инвентаря *in situ*. По конструкции и погребальному обряду склеп из могильника Опушки находит аналогии в других синхронных памятниках крымских предгорий (Храпунов, 2003, с. 51; Мульд, 2016, с. 40–45; Высотская, 1998, с. 271). Среди погребаль-

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ №17-49-92022 р_а «Археологические исследования могильника Опушки в Крыму»

² Подробнее см. в статье И. Н. Храпунова в этом сборнике. Выражаю благодарность И. Н. Храпунову за возможность работы с материалами раскопок.

ного инвентаря особый интерес вызывает находка двух стеклянных сосудов³.

Колба⁴ (рис. 1, 1) (высота 12 см; диаметр венчика 3 см; диаметр дна 2,5 см) из тонкого прозрачного стекла с зеленоватым оттенком, округлым, слегка расширяющимся книзу туловом. Короткое цилиндрическое горло заканчивается воронковидным устьем и оплавленным краем. Дно вогнуто, на нем имеется след от прикрепления понтити — стеклодувной трубки. В месте перехода тулова в горло сосуд опоясывает стеклянная нить из того же стекла, что и сам сосуд.

К. Айсингс находки стеклянных колб с округлыми стенками (*bulbous flask*) из Западной Европы относит к форме 101 и датирует III–IV вв. н. э. По ее замечанию, небольшие колбочки могли выполнять те же функции, что и бальзамарии — в них хранили благовония. Известны ей и более ранние подобные сосуды, датирующиеся концом II–III вв. н. э. (Isings, 1957, p. 119–120). Такие сосуды находят в погребальных комплексах многих могильников, расположенных в крымских предгорьях. Одна колба (без напаянных нитей) найдена в склепе № 18 могильника Дружное, погребения в котором совершались на протяжении IV в. н. э. (Храпунов, 2002, с. 57, рис. 89, 2). Из некрополей «Совхоз №10» (Севастопольский) и Нейзац происходят близкие по форме колбы, датирующиеся IV в. н. э. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2003–2004, табл. XXIX, 13; Шабанов, 2011, с. 158–160, рис. 10, 62). Из комплекса IV в. н. э. могильника Тас-Тепе на берегу р. Качи в юго-западном Крыму происходит стеклянная колба с высоким цилиндрическим горлом (Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001,

с. 33, рис. 5, 2). Фрагменты колбообразных сосудов, датирующихся IV в. н. э., найдены в подбойной могиле № 28 Суворовского (Зайцев, 1997, с. 110, рис. 63) и подбойной могиле № 6 (18) Чернореченского могильников (Шабанов, 2013, с. 161–162, рис. 3, 1). Встречаются такие сосуды и на Боспоре. В склепе 78/1907 Боспорского некрополя найден близкий по форме сосуд, датирующийся концом — серединой VI вв. н. э. (Засецкая, 2005, с. 96, 110, кат. 28). Колба из светло-зеленого стекла с коротким горлом найдена в античном некрополе близ сербского города Свилош (*Sviloš*) и датируется концом III — серединой IV в. н. э. (Ružić, 1994, s. 14, t. V.3). К одной из поздних находок сосудов подобной формы стоит отнести находку на севере Франции стеклянной колбы эпохи Меровингов, вокруг горла которой навиты нити из эмали (Feuеux, 1995, p. 113, pl. 7). Колбообразные сосуды в большинстве своем не имеют орнаментации, их формы не отличаются разнообразием. Простая форма подчинена основному функциональному назначению сосуда — хранению продуктов. Большая часть колб имеет объемное сферическое тулово и цилиндрическое горло. Датируются такие сосуды III–IV вв. н. э. и встречены практически на всех варварских памятниках предгорного Крыма.

В склепе №124 найдены фрагменты стеклянного сосуда из прозрачного бесцветного стекла (рис. 1, 2). Реконструированное изделие представляет собой **стакан** с округлыми расширяющимися книзу стенками и слегка утолщенным дном (рис. 2, 1). На дне имеются 12 небольших выступов (в англоязычной литературе донья такого типа именуют *base with pinched "toes"* или *toed base*). Пока это единственный извест-

³ Ранее при раскопках могильника Опушки найдено только два стеклянных сосуда: один разбитый стакан на кольцевом поддоне III–IV вв. н. э. формы 108 по К. Айсингс (Isings, 1957, p. 134) и небольшой фрагмент чаши, изготовленной на рубеже эр в технике *millefiori*.

⁴ Вопрос отнесения сосудов подобной формы к «колбам», «бальзамариям» или «флаконам» остается дискуссионным. Большинство исследователей при определении типа сосуда исходят из собственного представления о функциональном назначении изделия, что создает определенные сложности при разработке общей типологии стеклянных сосудов. В нашем случае сосуд из склепа №124 отнесен к колбам, поскольку его пропорции отличаются от распространенных типов бальзамариев и т. н. флаконов, найденных в Северном Причерноморье (см: Кунина, Сорокина, 1972, рис. 1, 11; Козуб, 1986, рис. 1).

ный в крымских предгорьях сосуд с такой конструкцией дна. На полуострове, в Приазовье, был найден еще один фрагмент подобного сосуда (рис. 2, 3). Происходит он из заполнения погребальной камеры гробницы 58(склеп 4)/2002 некрополя Артезиан (Винокуров, 2014, рис. 226, 14). Этот погребальный комплекс датируется I в. до н. э. – II в. н. э., но исследователи допускают использование его и в III в. н. э. (Винокуров, 2014, с. 59).

За пределами Крыма и Причерноморья такие сосуды также встречаются нечасто. Целый стакан (рис. 2, 2) из раскопок римского укрепления Аквинкум (*Aquincum*) в Паннонии (совр. Венгрия) датируется III в. н. э. (Barkoczi, 1988, S. 91–92, Taf. XII, 130). В этом же регионе найден фрагмент подобного дна (рис. 2, 4) при исследовании укрепления Сирмиум (*Sirmium*) на территории Сербии (Šaranović-Svetek, 1986, tab. III, 2). Дно с выступами от стеклянного сосуда (рис. 2, 5) найдено в окрестностях современного города Зевгма (*Zeugma*) на юге Турции. Оно может датироваться II–III вв. н. э. (Grossman, 2013, fig. 45). Известны находки таких сосудов на территории Израиля (рис. 2, 6–8): в стеклоделательной мастерской Джалам (*Jalam*) (Weinberg, Goldstein, 1988, Fig. 4–22, 161), коммуне Рамат-Рахель (*Ramat-Rahel*) (Jackson-Tal, 2016, Fig. 37, 3), при исследовании античного города Кесария (*Caesarea Maritima*) (Israeli, 2008, p. 379, cat. 101, 102). Несколько доньев (рис. 2, 9) найдено на территории Афинской Агоры. Происходят они из слоев, датирующихся в широких рамках — III–VI вв. н. э. (Weinberg, Stern, 2009, p. 130, pl. 23, 264–268). В собрании Корнингского музея стекла (*The Corning Museum of Glass*) в Нью-Йорке известны донья с выступами, датирующиеся, предположительно, II–IV вв. н. э. К сожалению, место их находки неизвестно (Whitehouse, 2003, p. 134, cat. 1113, 1114).

Перечисленные сосуды имеют некоторые отличия друг от друга. В первую очередь, изготовлены они из разного стекла: бесцветного, желтого и зеленого цветов. Отличается также количество выступов: от 8 до 18 и более. Тем не менее, все сосуды стилистически схожи и сформованы при помощи одних и тех же приемов. Изготавливали их, скорее всего, в мастерских, расположенных на Ближнем Востоке, на протяжении всей римской эпохи. Здесь же их продолжали производить и позднее — во времена арабских завоеваний, о чем свидетельствуют находки, датирующиеся VIII–X веками (Jackson-Tal, 2016, p. 576).

* * *

Остальной инвентарь и конструкция погребального сооружения, несмотря на ограбление, позволяют предположить, что захоронения в склепе № 124 совершались в IV в. н. э.⁵ Стеклянная колба представляет собой одну из многочисленных находок подобных сосудов, хорошо известных в крымских комплексах позднеимперского времени. Находка стакана редкого для Северного Причерноморья типа вызывает особый интерес, поскольку расширяет территорию распространения таких изделий. Скорее всего, разнообразную стеклянную посуду, как и прочий античный импорт, местное варварское население получало или из Херсонеса, или с Боспора, куда она поступала из Средиземноморья, начиная с VI в. до н.э. (Сорокина, 1984, с. 233). В последующие столетия ее количество в регионе увеличивается, что можно связывать с укреплением и развитием торговых связей с Восточным Средиземноморьем и Малой Азией (Шабанов, 2015, с. 126). Стеклянные сосуды сиро-палестинского, малоазийского и египетского производства найдены при исследовании скифских и сарматоаланских памятников римского времени предгорного Крыма (Шабанов, 2011, с. 168;

⁵ Появление в Крыму склепов, аналогичных рассматриваемому, связывают с проникновением на полуостров северокавказских алан еще в первой половине III в. н. э. В IV в. подобные погребальные сооружения становятся господствующими (Храпунов, 2016б, с. 127).

Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2003–2004, с. 128–129; Гущина, Журавлев, 2016, с. 68). Даже в III в. н. э., когда Причерноморье сотрясали т. н. «готские походы» (Айбабин, 1999, с. 26–30; Храпунов, 2004, с. 146; Хайрединова, 1995, с. 517–528), поступление стеклянной посуды лишь сократилось, но не прекратилось. Утверждение, что резкое сокращение импорта стеклянной посуды в III в. н. э. замещалось увеличением продукции местного производства (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2003–2004, с. 129), пока не находит подтверждения, поскольку в большинстве случаев нет возможности отделить привозную стеклянную посуду от местной.

Список литературы

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Винокуров Н. И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. Материалы раскопок 1999–2007. Симферополь; Керчь: б/и, 2014. 680 с.
- Высотская Т. Н. Склепы могильника Совхоз №10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 256–273.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.
- Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 102–116.
- Засецкая И. П. Хронология стеклянных колбообразных сосудов из Боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // Боспорские исследования. Вып. X / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: б/и, 2005. С. 90–131.
- Козуб Ю. И. Стеклянные бальзамарии из некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев: Наукова Думка, 1986. С. 41–52.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. XIII. С. 146–177.
- Мульд С. А. Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). 20 лет исследований могильника Нейзац. Т. II / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 37–75.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32–50.
- Сорокина Н. П. Стеклянная посуда // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. С. 233.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
- Хайрединова Э. А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 517–528.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н. Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н. э.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 38–56.

- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: б/и, 2004. С. 3–237.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Опушки в Крыму // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б. А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2016а. С. 232–236.
- Храпунов И. Н. Население горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016б. №76/1. С.118–134.
- Шабанов С. Б. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 141–191.
- Шабанов С. Б. Стекланные сосуды из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников (из коллекции Бахчисарайского заповедника) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 155–170.
- Шабанов С. Б. Стекланные сосуды в культуре народов Крыма на рубеже эр // Ранний железный век от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий. Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Д. Г. Савинов. Спб.: Скифия-принт, 2015. С. 125–126.
- Barkoczi L. Pannonische Glassfunde in Ungarn. Budapest: Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1988. 340 s.
- Feyeux J. La typologie de la verrerie mérovinienne du nord de la France // Verre de l'antiquité tardive et du haut Moyen Age / Ed. D. Foy. Guiry-En-Vexin: Musée Archéologique du Val d'Oise, 1995. P. 109–137.
- Grossman R. A. Glass // Excavations at Zeugma. Vol. III / Ed. W. Aylward. Los Altos: The Packard Humanities Institute, 2013. P. 218–258.
- Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen-Djakarta: J. B. Wolters, 1957. 185 p.
- Israeli Y. The Glass Vessels // Archaeological Excavations at Caesarea Martima. Areas CC KK and NN. Final Reports 1: Objects / Ed. J. Patrich. Jerusalem: Israel Exploration Society, 2008. P. 367–418.
- Jackson-Tal R. E. Glass Finds // Ramat-Rahel III. Final Publication of Yohanan Aharoni's Excavations (1954, 1959–1962). Vol. II / Ed. O. Lipschits, Y. Gadot, L. Freud. Winona Lake: Eisenbrauns, 2016. P. 567–587.
- Ružić M. Rimsko staklo u Srbiji. Beograd: ČIP, 1994. 143 s.
- Šaranović-Svetek V. Antičko staklo u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije. Novi Sad: Vojvodanski muzej u Novom Sadu, 1986. 108 s.
- Weinberg G. D., Goldstein S. M. Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia: University of Missouri, 1988. 378 p.
- Weinberg G. D., Stern E. M. Vessels Glass. The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXXIV. New Jersey: American School of Classical Studies Athens, 2009. 214 p.
- Whitehouse D. Roman Glass in The Corning Museum of Glass. Volume Three. New-York: Hudson Hills, 2003. 236 p.

S. B. Shabanov

Two Glass Vessels from an Assemblage from the Late Roman Period in Opushki Cemetery in the Foothill Crimea

Abstract

This paper publishes two glass vessels from a fourth-century-AD burial assemblage discovered in the cemetery of Opushki in the foothill area of the Crimean peninsula. The construction of this grave, the ritual and the grave goods in the burial vault meet with analogies in other synchronous monuments in the country. Nevertheless, the find of a glass vessel, a tumbler with slight projections of the bottom, is particularly interesting, since this type is rare in the northern Black Sea area.

1

2

Рис. 1. Стекланные сосуды из склепа №124

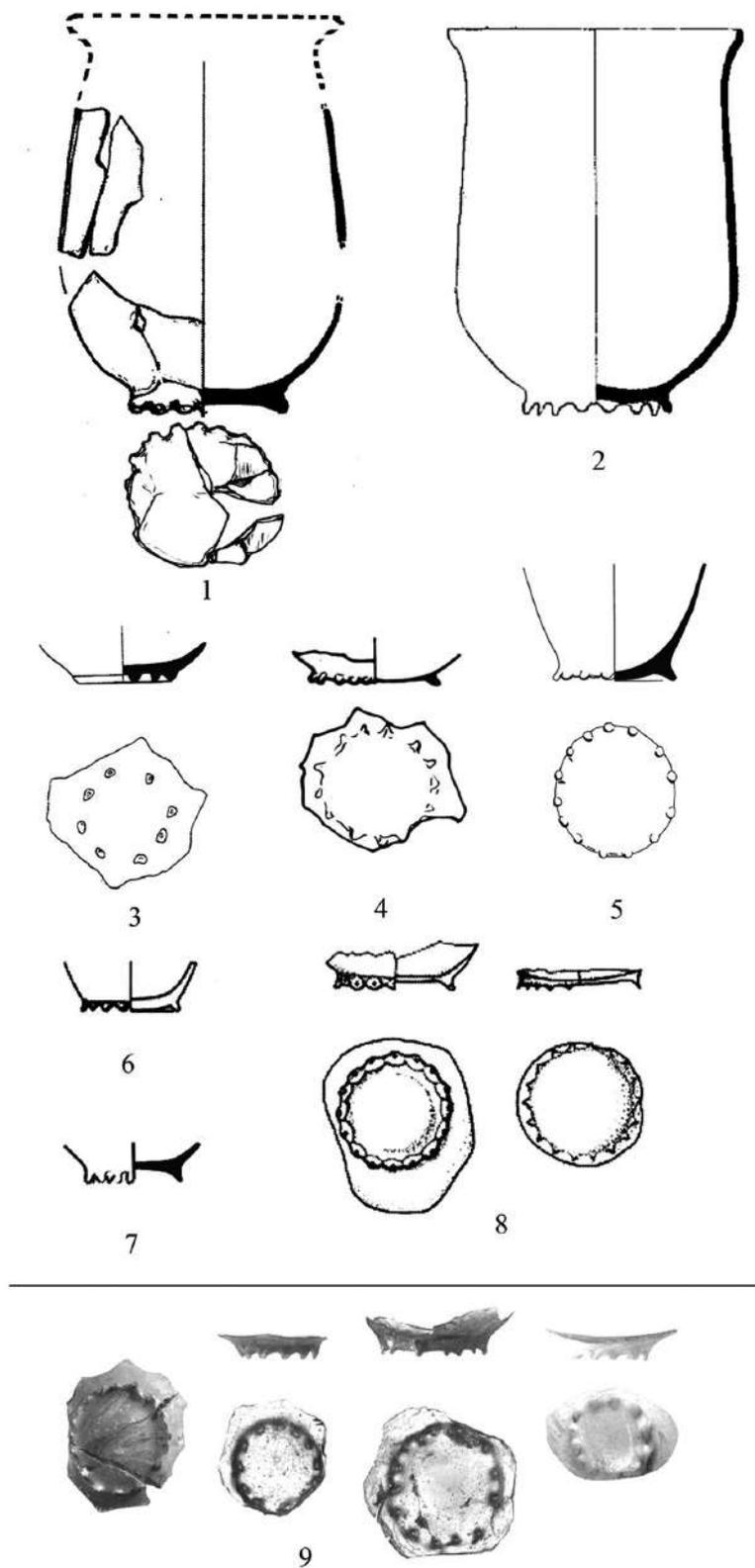

Рис. 2. Стекланные сосуды. 1 — Опушки, Крым; 2 — Аквинкум, Венгрия (по Barkoczi, 1988); 3 — Артезиан, Крым (по Винокуров, 2014); 4 — Сирмиум, Венгрия (по Šaranović-Svetek, 1986); 5 — Зевгма, Турция (по Grossman, 2013); 6 — Рамат-Рахель III, Израиль (по Jackson-Tal, 2016); 7 — Джалам, Израиль (по Weinberg, Goldstein, 1988); 8 — Кесария, Израиль (по Israeli, 2008); 9 — Афины, Греция (по Weinberg, Stern, 2009)

Список сокращений

ВДИ	Вестник древней истории
ГИМ	Государственный Исторический музей
КСИА	Краткие сообщения Института археологии РАН
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	Материалы по истории и археологии СССР
НА ГИАМЗ	Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
РА	Российская археология
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
BAR	British Archaeological Reports

Сведения об авторах

- Байноци Бернадетт** (Будапешт, Венгрия), PhD, senior research fellow, Institute for Geological and Geochemical Research, Research Centre for Astronomy and Earth Sciences, Hungarian Academy of Sciences
e-mail: bajnoczi.bernadett@csfk.mta.hu
- Бернерт Жолт** (Будапешт, Венгрия), museologist, anthropologist, Hungarian Natural History Museum, Department of Anthropology
e-mail: bernert.zsolt@nhmus.hu
- Бузар Агота** (Будапешт, Венгрия), chief of the PR group, anthropologist, Hungarian Natural History Museum
e-mail: buzar.agota@nhmus.hu
- Гугуев Владимир Константинович** (Ростов-на-Дону), старший научный сотрудник Северо-Кавказского Научного Центра Южного федерального университета
e-mail: guguev@mail.ru
- Кором Анита** (Будапешт, Венгрия), археолог-музеевед, Музей истории Будапешта.
e-mail: anita.korom@gmail.com
- Костромичев Даниил Александрович** (Севастополь), кандидат исторических наук, заведующий сектором некрополь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»
e-mail: akfill@list.ru
- Маи Золтан** (Будапешт, Венгрия), PhD, senior research fellow, Institute for Materials and Environmental Chemistry, Research Centre for Natural Sciences, Hungarian Academy of Sciences
e-mail: may.zoltan@ttk.mta.hu
- Мозгаи Виктория** (Будапешт, Венгрия), junior research fellow, Institute for Geological and Geochemical Research, Research Centre for Astronomy and Earth Sciences, Hungarian Academy of Sciences
e-mail: mozgai.viktoria@csfk.mta.hu
- Полит Беата** (Жешув, Польша), PhD Student, Institute of Archaeology, University of Rzeszów
e-mail: polit.beata@gmail.com
- Сабо Мате** (Будапешт, Венгрия), institute engineer, Institute for Geological and Geochemical Research, Research Centre for Astronomy and Earth Sciences, Hungarian Academy of Sciences
e-mail: szabo.mate@csfk.mta.hu
- Труфанов Александр Анатольевич** (Симферополь), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН
E-mail: trufanov.29@gmail.com
- Храпунов Игорь Николаевич** (Симферополь), доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
E-mail: igorkhrapunov@mail.ru
- Шабанов Станислав Борисович** (Симферополь), руководитель проектов и программ Благотворительного фонда «Наследие тысячелетий»
E-mail: neizats2004@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

в сборник «Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)»

Сборник «Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)» выпускается Благотворительным фондом «Наследие тысячелетий» совместно с Институтом археологии Крыма РАН. В издании публикуются работы теоретического, научно-исследовательского и публикационного характера, посвященные вопросам археологии и истории Крыма, а также сопредельных территорий преимущественно в эпоху господства сарматов на юге Восточной Европы.

Сборник «Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)» зарегистрирован в РИНЦ. Периодичность выхода сборника: один выпуск в год.

Материалы для публикации в сборнике 2018 г. принимаются до 1 июля 2018 г.

Направляемые в сборник материалы должны быть оформлены в соответствии с изложенными ниже правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
 2. Объем рукописи — не более 3 а. л. (1 а. л. = 40 тыс. знаков с пробелами; 1 иллюстрация = 5 тыс. знаков). Рукопись большего объема может быть опубликована по специальному решению редакционной коллегии.
 3. Объем сборника не может превышать 40 а. л. В случае, если рукописей будет слишком много, статьи, присланные последними, будут опубликованы в следующем сборнике.
 4. Все рукописи проходят обязательное рецензирование. Решение о публикации рукописи, получившей отрицательную рецензию, принимается редакционной коллегией.
 5. Рукописи следует представлять на русском или английском языках.
 6. Статьи, опубликованные ранее в любом издании, не принимаются.
 7. Материалы предоставляются в электронном варианте (текст — в формате DOC, иллюстрации — в формате TIF). Вставка иллюстраций в текст недопустима!
 8. Предоставляемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей (при наличии иллюстраций), резюме (не более 1 страницы), ключевых слов (не более 10), списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторе (авторах). Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.
 9. Текст (включая список литературы, подрисуночные подписи и др.) должен быть набран шрифтом Times New Roman, 14 кеглем через полтора интервала. Название печатается обычным шрифтом (не набирать прописными буквами!). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Все страницы текстовой части рукописи (кроме иллюстраций) должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).
 10. В случае, если рукопись содержит нестандартные буквы или знаки (например, текст на греческом, монограммы, символы и пр.), текст рукописи должен быть представлен дополнительно в файле формата PDF.
 11. Иностранные слова, написанные латиницей и включенные в текст, написанный кириллицей, выделяются курсивом. Например, *cloisonné*, *Bügelfibel*.
- Иллюстрации предоставляются отдельными файлами в формате TIF (не вставляются в текст!). Допускается публикация цветных иллюстраций. Все иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Фрагменты (части 1, 2, а, б...) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы в одном файле (составлять единый рисунок).
12. Все иллюстрации должны предоставляться с разрешением не ниже 300 dpi, черно-белые иллюстрации — в режиме «градации серого», цветные — в режиме RGB. Рекомендуемый размер иллюстраций — 20,0 x 15,0 см. В случае превышения указанного размера редакция оставляет за собой право уменьшения иллюстрации до формата поля набора. Иллюстрации могут иметь как книжный, так и альбомный формат. Возможность печати иллюстраций большого размера, превышающего размер книжного бока (21 x 29 см) в виде вставки обсуждается индивидуально. Иллюстрации с разрешением ниже 300 dpi к публикации не принимаются.

13. Все иллюстрации должны сопровождаться подрисуночными подписями, которые предоставляются в текстовой части рукописи (делать подрисуночные подписи на самой иллюстрации недопустимо). Подрисуночная подпись должна быть краткой и отражать суть иллюстрации. В ней должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения, присутствующие на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках!

14. Ссылки на иллюстрации в тексте даются в круглых скобках. Номер изображения на рисунке отделяется от номера рисунка запятой. Номера изображений на рисунке выделяются курсивом и указываются через запятую с пробелом.

Пример оформления ссылки на иллюстрации: (рис. 7, 8, 23, 29) или (рис. 5, 4; 2, 18)

15. Таблицы предоставляются в отдельных файлах в формате DOC. Все таблицы должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в «шапке» таблицы не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями, строки — горизонтальными. Колонки нумеруются только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены «шапки» при переходе таблицы на следующую страницу).

16. Подстрочные примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация подстрочных примечаний сквозная: 1, 2, 3....

17. Внутритекстовые ссылки на литературу даются в круглых скобках полукодом. В ссылке указываются фамилия автора (на языке издания) без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую, ссылку на страницу, рисунок, таблицу и т.п. через запятую.

Пример оформления ссылки на литературу:

(Соломоник, 1958, с. 162, рис. 150), или (Драчук, 1975, с. 102, 120, табл. VI, 380), или (Werner, 1961, S. 15, Taf. 8, 4).

В случае присутствия в ссылке нескольких работ одного автора достаточно один раз указать фамилию автора, далее — только год издания работы и номер страницы/рисунка.

Например: (Дашевская, 1991, с. 37; 2014, с. 97, табл. 74, 23).

Если монография или статья имеет четырех и более авторов, в ссылке на такую работу указываются первые три фамилии.

Например: (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2003–2004, с. 48, рис. 14).

В цитировании письменных источников указывать общепринятые книгу, главу, параграф. Например: (Strabo VII, IV, 7). При желании, автор может указать в подстрочном примечании, каким переводом он пользовался.

18. Ссылки на источники — оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции — приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

19. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Если статья на русском языке, первая часть — издания на кириллице, вторая часть — на латинице. Если статья на английском языке, первая часть — издания на латинице, вторая часть — издания на кириллице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. Оформление списка литературы осуществляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5. – 2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения автора, вышедшие в одном году, в списке литературы и во внутритекстовой ссылке в статье к году добавляются литеры в порядке алфавита, включая первое упоминание. К Списку литературы должен быть приложен Список сокращений на отдельной странице. Источником библиографического описания является карточка библиографического описания издания на обороте титула, при ее отсутствии – титульный лист издания.

Библиографическое описание включает в себя сведения, расположенные в следующем порядке:

а) **монографии**: фамилия и инициалы автора (авторов), название работы, место издания, издательство, год издания, количество страниц, сведения о серии (если монография вышла в серийном издании).

Например:

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 274 с.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д1–7)

Hays J. W. Late Roman Pottery. London: British School at Rome, 1972. 477 p.

б) **статья в сборнике или продолжающемся издании**: фамилия и инициалы автора (авторов), название работы, название сборника, порядковый номер тома или выпуска, редактор сборника, место издания, издательство, год издания, диапазон страниц.

Например:

Крупа Т. Н. Исследования археологического текстиля из раскопок позднескифского Усть-Альминского могильника // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 157–172.

Becker M. Frauen und Fibeln // Terra Barbarica / Studia ofiarowane Magdalenie Maczyńskiej w 65 rocznicę urodzin / Red. A. Urbaniak, R. Prochowicz, I. Jakubczyk, M. Levada, J. Schuster. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 2010. S. 29–40. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, Tomus II).

в) **статья в периодическом издании**¹: фамилия и инициалы автора (авторов), название работы, название журнала, год издания, порядковый номер выпуска, диапазон страниц.

Например:

Рунич А. П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4. С. 232–247.

Макарова Т. И. Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 346–354.

Loboda I. I., Puzdrovskij A. E., Zajcev Ju. P. Prunkbestattungen des 1. jh n. Chr. in der Nekropole Ust'-Alma auf Krim // Eurasia antique. 2002. Band 8. S. 295–346.

г) **коллективная монография**: название, редактор, место издания, издательство, год издания, количество страниц.

Например:

Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К., 2008. 304 с.

д) **отчеты об археологических исследованиях**: фамилия и инициалы автора (авторов), название отчета, год проведения раскопок, место хранения отчета, номер фонда/описи/дела.

Например:

Бабенчиков В. П. Материалы раскопок могильника первых веков нашей эры // Материалы археологической экспедиции Музея Пещерных Городов Крыма и Крымского филиала Академии наук СССР 1950 года / Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического заповедника. Ф. 2, оп.7, д.12.

¹ Периодическими изданиями (журналами) считаются издания, имеющие номер ISSN. Издания, не имеющие ISSN, относятся к категории сборников или продолжающихся изданий.

Кропоткин В. В. Отчет о раскопках средневекового могильника на юго-западном склоне Чуфут-Кале близ дер. Староселье Бахчисарайского р-на Крымской обл. в 1955 г. / Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического заповедника. Ф. 2. Оп. 18. Д. 4.

20. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить ключевые слова (до 10) и текст резюме (краткое содержание статьи объемом не более 1 страницы). Если статья на русском языке, резюме будет опубликовано по-английски. Если статья на английском языке, резюме будет опубликовано по-русски. Для корректного перевода необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последнее в именительном падеже единственного числа (например: «инкерманской серии» — от Инкерман); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского или английского резюме автор может приложить и свой вариант перевода текста резюме и ключевых слов.

21. Тексты, представленные в редакцию, должны быть тщательно проверены.

22. Сведения об авторе (авторах) должны включать в себя фамилию, имя и отчество, ученую степень, звание (при наличии), место работы, должность, контактный телефон и адрес электронной почты.

23. Статьи можно присылать по одному из следующих адресов

igorkhrapunov@mail.ru;

khrapunovigor@gmail.com;

ancient2008@mail.ru.

Пожалуйста, используйте эти адреса для переписки.

**СТАТЬИ, ОФОРМЛЕННЫЕ БЕЗ СОБЛЮДЕНИЯ УКАЗАННЫХ ПРАВИЛ,
К РАССМОТРЕНИЮ И ПУБЛИКАЦИИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ!**

Научное издание

КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)
III

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии Крыма РАН

Перевод на английский язык: Н. И. Храпунов
Оригинал-макет: Ю. И. Борозна

Подписано печать 26.01.2018 г. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная, печать офсетная. Гарнитура Arial
Тираж 300 экз.

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»
Тел.: +7978 849 08 94, e-mail: ancient2008@mail.ru
295051, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Чернышевского 10а
Институт археологии Крыма РАН
Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского 2

Оптовая и розничная реализация:
книжный интернет-магазин CrimeanBook (crimeanbook.com)